Выборы в Европарламент – 2019

Национальные ответы на вызовы европейской интеграции

МОСКВА
ИМЭМО РАН
ИЕ РАН
2019

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЫБОРЫ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ – 2019

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ НА ДИЛЕММЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Москва
ИМЭМО РАН
ИЕ РАН
2019

УДК 327.7(4)
ББК 66.4(4)
Вы 92

Рецензенты:
доктор политических наук Н.К. Арбатова
доктор политических наук Н.Ю. Лапина

Редакционная коллегия:
Ю.Д. Квашнин, А.К. Кудрявцев, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцер

В подготовке рукописи приняли участие А.В. Авилова, В.С. Грибовский и К.А. Никулин

Вы 92
Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера – М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. – 178 с.
ISBN 978-5-9535-0559-8 (ИМЭМО РАН)
ISBN 978-5-98163-134-4 (ИЕ РАН)
DOI:10.20542/978-5-9535-0559-8

Издание основано на результатах научной конференции, проведенной ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН совместно с Институтом Европы РАН. Авторы книги рассматривают сквозь призму выборов 2019 г. в Европейский парламент ключевые проблемы европейской интеграции, главные из которых — недостаточная демократическая легитимность наднациональных органов власти, столкновение национальных интересов стран – членов ЕС, рост влияния партий и движений, представляющих альтернативу традиционному политическому истеблишменту. Особое внимание уделено международному контексту политических процессов в объединенной Европе — брекзиту, растущей неопределенности во взаимоотношениях между ЕС и США, усилению китайского влияния, санкционному противостоянию Евросоюза и России.

European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration / Yu. Kvashnin, A. Kudriavtsev, N. Plevako, V. Shveitser, eds. – Moscow, IMEMO, IE RAS, 2019.– 178 p.
ISBN 978-5-9535-0559-8 (ИМЭМОРАН)
ISBN 978-5-98163-134-4 (ИЕ РАН)
DOI: 10.20542/978-5-9535-0559-8
The core of the book is based on results of an academic conference held by the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations and the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Through the prism of the 2009 European Parliament elections, the authors examine the key problems of European integration, i.e. the lack of democratic legitimacy of supranational authorities, the clash of national interests of EU member states, the growing influence of parties and movements that represent an alternative to the traditional political establishment. Particular attention is paid to the international context of political processes in the EU — Brexit, growing uncertainty in EU–US relations, China's spreading influence in Europe, as well as the sanctions standoff between the European Union and Russia.

Публикация размещена на сайтах: https://www.imemo.ru и http://www.instituteofeurope.ru

ISBN 978-5-9535-0559-8 (ИМЭМО РАН)
ISBN 978-5-98163-134-4 (ИЕ РАН)
© ИМЭМО РАН, 2019
© ИЕ РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Оглавление

Предисловие *(Квашнин Ю.Д., Кудрявцев А.К., Плевако Н.С., Швейцер В.Я.)* 5

Общие результаты выборов в Европейский парламент *(Барановский В.Г.)* 7

Часть I. Выборы в Европарламент и новый политический облик ЕС..... 11

Выборы в Европарламент – 2019: изменение расстановки сил *(Громыко Ал.А.)* 12

Идентичность в повестке дня евровыборов *(Семененко И.С.)* 14

Явка на выборах в Европарламент: изменение отношения к ЕС жителей разных стран-членов *(Кузнецов А.В.)*..... 18

Европарламентский триумвират: итоги, проблемы и перспективы *(Швейцер В.Я.)* 23

Новый состав Европарламента: прогнозы и результаты *(Гуселетов Б.П.)* 26

Влияние евровыборов на политическое лицо руководящих органов ЕС *(Стрежнева М.В.)*..... 30

Националистические силы в Европарламенте – 2019 *(Клинова М.В.)*..... 36

Конфессиональный фактор в европейском электоральном процессе *(Лункин Р.Н.)*..... 42

Выборы в Европарламент и проблемы реформирования ЕС *(Каринцев О.И.)* 50

Часть II. Изменение партийного ландшафта в ведущих странах ЕС..... 54

Франция: Макрон против Ле Пен *(Рубинский Ю.И.)* 55

«Второй акт» пятилетия Макрона *(Кудрявцев А.К.)*..... 60

Евровыборы во Франции и их политические последствия *(Федоров С.М.)*..... 65

Экологический компонент французских выборов *(Канинская Г.Н.)* 69

Германия и европейские выборы 2019 г. *(Басов Ф.А.)*..... 72

Германские левые между национальным избирателем и европейской парадигмой *(Погорельская С.В.)* 75

Причины участия Великобритании в выборах *(Андреева Т.Н.)* 78

Британия: выборы на фоне брекзита *(Ананьева Е.В.)* 84

Сила и слабость итальянских еврокритиков *(Авилова А.В.)*..... 88

Италия: «Лига» и другие *(Алексеенкова Е.С.)*..... 95

Европарламент: испанский вариант *(Яковлев П.П.)*..... 101

Выборы в Испании: национальный и европейский аспекты *(Никулин К.А.)* 108

Часть III. Результаты выборов в малых европейских странах..... 114

Северная Европа: разнонаправленные тенденции *(Волков А.М.)*..... 115

Националисты Северной Европы: успех или поражение? *(Плевако Н.С.)*..... 120

Выборы в Республике Ирландия: программы и результаты *(Охошин О.В.)* 126

Нидерланды: сдержанный еврооптимизм *(Невская А.А.)*..... 132

Бельгия: эволюция в лагере националистов *(Осколков П.В.)*..... 137

Европейские выборы и кризис австрийской политической модели *(Швейцер В.Я.)*..... 139

Португалия и Европарламент: от истории к современности *(Яковлева Н.М.)*..... 141

Греция: консервативный разворот *(Квашнин Ю.Д.)* 148

Часть IV. Выборы в странах Новой Европы: общее и особенное..... 155

Вишеградцы голосуют *(Ведерников М.В.)* 156

Польский вопрос и европейский ответ *(Яжборовская И.С.)* 160

Внутриполитическая жизнь Чехии в зеркале евровыборов *(Четверикова А.С.)*..... 163

Партийная диспозиция в Юго-Восточной Европе *(Кандель П.Е).*..... 167

Прибалтика: электоральная пассивность и антироссийские сантименты *(Оленченко В.А.)*..... 171

Об авторах..... 175

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу публикации положены материалы межинститутской научной конференции «Итоги выборов в Европейский парламент 2019 г.», которая была организована Национальным исследовательским институтом мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН совместно с Институтом Европы РАН. Коллектив авторов представлен специалистами из российских научно-исследовательских организаций, которые занимаются вопросами европейской интеграции и политическим развитием отдельных стран-членов ЕС.

Сборник знакомит читателя как с расстановкой сил в Европарламенте нового созыва, так и с нынешним состоянием партийно-политических систем практически всех входящих в ЕС государств, общими и специфическими тенденциями в странах Евросоюза. В рамках издания на детальном уровне рассмотрены избирательные кампании в 25 из 28 стран Евросоюза. Издание логически разделено на четыре части, посвященные соответственно изменению политического облика ЕС после выборов, результатам избирательных кампаний в ведущих странах ЕС, малых странах Западной Европы и на постсоциалистическом пространстве.

Деятельность Европейского парламента (ЕП) не случайно вызывает растущий интерес в научно-экспертном сообществе. В работе этого наднационального органа законодательной власти четко обозначены и общеевропейские, и страновые, и региональные партийно-политические составляющие, раскрывающие суть принимаемых им решений. По существу, в Европарламенте проходит обкатку вся многослойная проблематика современной Европы, именно здесь в процессе дискуссий рождаются идеи, некоторые из которых с течением времени становятся для ЕС основополагающими. Кроме того, ЕП играет роль своеобразной школы для политиков, делегированных из европейских стран. Знакомство с персональным составом депутатов позволяет увидеть среди них и маститых игроков на политическом поле, и новичков, только начинающих свой путь в большую политику.

Особенностью функционирования ЕП является очевидная потребность поиска консенсуса между представителями различных политических партий и движений. При этом даже находящиеся в одной фракции партии далеко не всегда разделяют общие позиции по целому ряду значимых вопросов. Умение находить взаимоприемлемые решения необходимо и для налаживания взаимодействия близких по основным идейно-политическим установкам фракций. На сегодняшний день такая задача стоит перед доминирующими в ЕП центристскими силами — Европейской народной партией, Прогрессивным альянсом социалистов и демократов либеральной фракцией «Обновление Европы», которые имеют серьезные расхождения во взглядах на актуальные проблемы социально-экономического и внешнеполитического характера. Поиск согласованных позиций особенно важен в контексте возросшего влияния тех сил, которые российская политология справедливо называет партиями политической альтернативы, — националистов, евроскептиков, сепаратистов, популистов.

Нахождение консенсуса необходимо и для успешного взаимодействия ЕП с другими институтами власти Евросоюза, прежде всего — с Европейским советом и Европейской комиссией. Иллюзорно мнение, что все три основные инстанции ЕС взаимодействуют гармонично и решают ключевые вопросы полюбовно. Практика последних лет показала, что наряду с партийной-политической составляющей, которую определяет ЕП, крайне важна и государственно-политическая, определяемая в Евросовете. Да и в работе Еврокомиссии учитываются не только

позиции партий, делегировавших в нее комиссаров стран ЕС, но и самих стран, чьи интересы желательно свести к общему знаменателю. Также все большее значение приобретает региональный фактор, связанный со стремлением шотландцев, каталонцев, северных ирландцев, корсиканцев, фламандцев, представителей итальянского Севера и национальных меньшинств стран Восточной Европы повысить свой политический вес в различных структурах ЕС и обозначить в них свои специфические интересы и запросы.

Выборы в Европейский парламент 2019 г. оказались необычными во многих отношениях.

На протяжении нескольких десятилетий интерес к евровыборам снижался, в глазах избирателей они оставались малозначимыми. На это накладывался многомерный кризис евроинтеграции, проявившийся в ухудшении макроэкономического обстановки после кризиса 2008–2009 гг., обострении проблем с государственным долгом, неспособности справиться с притоком иммигрантов. Однако на выборах 2019 г. данная тенденция была обращена вспять. Явка избирателей оказалась самой высокой за последние 20 лет. Это свидетельствует о начавшемся преодолении недостаточной демократической легитимности институтов Евросоюза, а также о том, что ЕП сохранит и, вероятно, упрочит свой статус реально функционирующего института законодательной власти Евросоюза, держащего руку на пульсе основных событий не только европейского, так и глобального масштаба.

Накануне выборов расхожими были прогнозы о решительном прорыве популистов и евроскептиков всех мастей. Но, как показали результаты голосования, избиратели большинства (хотя и не всех) стран отказались вверить судьбу интеграционного объединения в руки радикальных политических сил. Хотя сложившиеся формы интеграции не всегда отвечают вызовам времени, европейцы признают, что реальной альтернативы объединению национальных усилий для решения накопившихся проблем не существует. Поэтому праворадикальные партии в ЕП так и не заняли господствующих позиций. Главенство проевропейских фракций сохранилось. В то же время, внутри этого разноликого лагеря соотношение сил изменилось: народники и социалисты утратили абсолютное большинство за счет роста влияния либералов и «зеленых».

При обсуждении российской тематики в ходе избирательной кампании 2019 г. преобладал критический тон. Сложившаяся на евровыборах политическая конфигурация дает основания прогнозировать, что, как и в прошлом, Европарламент будет выступать сдерживающим фактором в непростом деле нормализации отношений России и Евросоюза. Поэтому с точки зрения российских интересов на европейском направлении, компромиссные развязки проще будет искать в формате межгосударственных отношений.

Ю.Д. Квашнин, А.К. Кудрявцев,
Н.С. Плевако, В.Я. Швейцер

*БАРАНОВСКИЙ В.Г.**

Общие результаты выборов в Европейский парламент

Выборы в Европейский парламент (ЕП) стали важным событием для интеграционного сообщества, поскольку они так или иначе соотносятся со многими существенными аспектами его эволюции. Это единственный в ЕС орган, который формируется на основе прямого голосования граждан стран-членов. Результаты прошедшего голосования требуют серьезного внимания при анализе страновых или проблемных сюжетов, возникающих в контексте развития европейской интеграции, а также российских интересов на этом поле и наших взаимоотношений с Европейским союзом.

При общей оценке итогов выборов наиболее значимыми представляются три темы.

Первая касается относительно высокой явки избирателей: в целом по ЕС она составила порядка 50%. Этого практически никто не ожидал. Тенденции последних сорока лет давали основания для прямо противоположных прогнозов. На первых прямых выборах в ЕП в 1979 г. к урнам пришли более 60% избирателей, но затем данный показатель пошел вниз и никогда не возвращался к исходным высотам. Достаточно часто явка избирателей на европейские выборы оказывалась скандально низкой (как, например, в Польше в 2014 г., когда она составила 22%).

Возникает вопрос: речь идет о случайной флуктуации или о чем-то более серьезном? Ведь выборная статистика может отражать перемены в общественных настроениях. В данном случае — в настроениях по поводу проекта единой Европы.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг., когда эпоха интеграции только начиналась, на этот счет было много энтузиазма и завышенных ожиданий. Но в последние полтора-два десятилетия им на смену приходят совсем другие эмоции. Конституция для Европы провалилась. Миграционный кризис чуть не рассорил всех со всеми. брекзит может оказаться началом распада всего интеграционного объединения. Может быть, ЕС вступил в фазу заката? Так думают и говорят многие «евроскептики» (и внутри ЕС, и за его пределами).

Из такого видения, казалось бы, логично вытекает тезис о снижении интереса к европейской идее. Однако высокий процент граждан, принявших участие в выборах, это опровергает. Можно ли в связи с этим говорить о смене почти полувекового тренда? О возникшем вдруг «втором дыхании» в поддержке интеграционного проекта? Наверное, спешить с таким умозаключением не стоит. Но то, что оно стало возможным (хотя и не обязательно безусловно верным), должно стать предметом серьезных размышлений. Интеграционное развитие в рамках ЕС сталкивается с немалым числом проблем, решать их весьма непросто, причем иногда приходится даже включать реверс. Но делать вывод о том, что «поддержка снизу» исчерпана, и на этом основании ставить крест на европейской интеграции явно преждевременно.

Может быть, уместно скорректировать и всю негативистскую тенденцию в представлениях о ЕС. Это объединение, несмотря на неровную динамику своего развития, было и остается значительным фактором европейской и вообще международной реальности. И не надо в прогностических оценках уповать на его

---

* Барановский Владимир Георгиевич — академик РАН, научный руководитель Центра ситуационного анализа, член дирекции Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

эрозию, даже если она кому-то кажется желаемой по геополитическим или иным основаниям.

Примечательно, что потребность в уточнении оценок в отношении европейской интеграции возникает в связи с выборами в ЕП. Здесь надо бы упомянуть о еще одном расхожем стереотипе, который выстроен на представлении о том, что этот институт не играет сколько-либо заметной роли в развитии интеграции и от него практически ничего не зависит. Это неправильное представление! Оно соответствует 1960–1970-м гг., но с тех пор много воды утекло, и ситуация во многом изменилась.

Во внутреннем балансе сил между основными компонентами институциональной структуры ЕС общая тенденция, которая прослеживается, по крайней мере, на протяжении трех десятилетий, состоит в относительном повышении веса Европарламента. Его поддержка является обязательным условием во многих важных звеньях процесса разработки интеграционной политики. Причем присутствие ЕП становится все более заметным для граждан. От него зависят многие стороны их жизни — и плата за электричество, и количество часов в рабочей неделе, и тарифы автомобильной парковки, и стандарты по защите данных…

В этих, на первый взгляд, мелких вопросах находит свое отражение крупная проблема, касающаяся интеграции, — готовность воспринимать ее не только как нечто, относящееся к «большой политике», но и как все более важный фактор повседневного существования. Причем достаточно высокая явка избирателей на выборы в ЕП свидетельствует не только об оценке ими интеграции как феномена, заслуживающего внимания. Это еще и показатель представлений о том, насколько граждане могут повлиять на эту сторону жизни самим фактом своего участия в голосовании. Показатель, который уместно соотнести с аргументами критиков, доказывающих, что рассуждения о демократизации интеграционного процесса — не более чем пропагандистский флер либо рутинное прикрытие амбициозных олигархических или геополитических устремлений. Очевидно, что такие аргументы рассыпаются как песок в свете продемонстрированного интереса к выборам. В сущности речь идет о легитимизации роли ЕП как инструмента, который позволяет выявить предпочтения граждан и транслировать их в плоскость принятия политических решений.

Правда, это качественная характеристика не столько феномена интеграции, сколько политической системы, в рамках и на основе которой он возникает и развивается. Но прошедшие выборы еще раз продемонстрировали значимость интеграции для объединительных процессов. Что, возможно, имеет гораздо более существенное значение, чем все адресуемые интеграции упреки и критические эскапады.

Второй важный сюжет, который обращает на себя внимание в связи с выборами в ЕП, касается их итогов. Здесь самым примечательным представляется факт не оправдавшихся предсказаний касательно общего антилиберального сдвига, который многим казался неизбежным в свете тенденций политического развития последнего времени в западных (и не только западных) странах. Рулады на эту тему приходится слышать достаточно часто. Их нельзя относить только на счет соответствующих политических предпочтений или незатейливой логики, позволяющей выдавать желаемое за действительное. Нет, такие оценки возникают не на пустом месте. Они отражают то, что происходит во внутриполитической динамике немалого числа стран, причем достаточно значимых для того, чтобы высказывать предположение о некой закономерности общего характера. Упомянем в данном контексте хотя бы США, Индию и Австралию. Этот тренд прослеживается и в

ареале ЕС. По мнению некоторых наблюдателей, именно там он возник и даже получил наиболее значительное развитие. В некоторых странах ЕС политические сдвиги на этой почве оказались весьма значительными, а встречная «левая волна» пока остается малозаметной (хотя ее признаки кое-где уже возникают).

Выборы в Европарламент, согласно этой логике, должны были отразить указанную тенденцию. Причем опросы как будто бы давали основания для такого прогноза. На деле же ни сокрушительного поражения либерально ориентированной политической линии, ни успешного наступления правого популизма не произошло, в чем видится весьма важный общий итог состоявшихся выборов.

Конечно, если предлагается считать важным не то, что произошло, а то, чего не произошло, такая оценка может показаться как минимум несколько расплывчатой. И все же факт остается фактом: выборы не принесли ожидавшегося провала либеральной парадигмы. Она не победила, но и не рухнула. А достигнутое ее оппонентами вовсе не оказалось таким ошеломляющим, как они рассчитывали. Понятно, что жизнеспособность того или иного политико-идеологического течения определяется не выборами. Но они могут служить одним из немаловажных индикаторов. И в данном случае этот индикатор засвидетельствовал: не надо спешить с объявлением тризны по политическому либерализму.

Оценки происшедшего, вероятно, должны иметь более нюансированный характер. Правые и националисты усилились, но не настолько, чтобы стать доминирующим сегментом в политическом спектре. Радикальные фракции и тех, и других добились успеха, но отнюдь не триумфального. Популисты на подъеме, но его пределы, кажется, уже достигнуты.

Самое поразительное — это то, что общая конфигурация в Европарламенте по большому счету сохраняется. Если ее обрисовать общими мазками (с неизбежной долей условности), то в центре, как и раньше, будут консерваторы, либералы и социалисты. Соотношение сил между ними менялось в прошлом и будет, по всей вероятности, меняться в будущем, но вместе они образуют некоторое ядро политической констелляции в ареале интеграционного сообщества. Те, кто левее центра, имеют треть голосов (и даже больше). Столько же — центристы и непосредственно примыкающие к ним реальные или потенциальные партнеры справа. На крайнем фланге справа аккумулирована только пятая часть голосов. Если с их участием объединятся все, кто правее центра, теоретически можно будет мобилизовать почти половину депутатских мандатов. Но в такой коалиции вряд ли согласятся участвовать традиционные центристы.

В целом расстановка сил в ЕП после выборов не дает оснований ожидать каких-то катаклизмов или потрясений. В этом смысле он оказывается фактором стабильности на институциональном поле ЕС. Особенно если сравнивать этот усредненный ландшафт по результатам европейских выборов с тем, что наблюдается на уровне стран-членов. Там вырисовывается более смешанная картина.

Если смотреть на итоги выборов в ЕП по странам, то разброс предпочтений избирателей оказался более широким, а разломы на политическом поле — более радикальными. В некоторых странах отмеченные выше прогнозы касательно право-популистского натиска оправдались — в Венгрии, Польше, Италии. На уровне «грандов» эта волна оказалась более сбалансированной по причине разных результатов в разных странах (во Франции порядка 30 процентов, в Германии — вдвое меньше). Но в целом фактор ЕС смягчает эксцессы и крайности, которые могут наблюдаться в страновом контексте, оказывает на политическую ситуацию дерадикализирующее воздействие.

Третья общая тема, которая представляет интерес при взгляде на выборы в Европейский парламент из России, — их влияние на отношения нашей страны с ЕС.

Эту проблему не выносили на выборы как отдельный вопрос. Но в ходе обсуждения международных дел не затрагивать российские сюжеты было невозможно. При этом резко критический крен в отношении России был очевиден. Он, собственно говоря, соответствует официальной линии ЕС. Страновые нюансы здесь в общем и целом нивелируются на интеграционном уровне. Причем не по наименьшему общему знаменателю, а скорее наоборот — с дисциплинирующим эффектом Общей внешней политики и политики безопасности.

Политические тяжеловесы, как это было и раньше, в состоянии оградить свои интересы, но не противопоставляя свою линию курсу интеграционного объединения, а добиваясь его корректировки. Так произошло с вопросом о «Северном потоке — 2». Правда, больше такого рода примеров практически нет, возможно, из-за отсутствия соизмеримых по масштабу проектов.

Вывести взаимоотношения России со странами ЕС из клинча, в котором они находятся вот уже пять лет, наверное, проще на двустороннем уровне. Причина понятна: именно в таком формате могут сработать чисто прагматические мотивы, поскольку у разных участников ЕС они неодинаковы. Тогда как во взаимоотношениях с интеграционным сообществом в целом сложнее выйти на молчаливое признание формулы business as usual. Внутри же него наиболее непримиримую позицию занимает как раз Европарламент. С ним — по причине самой специфики его статуса и характера деятельности (открытость, публичность, политизированность, заостренность на mass media) — гораздо труднее договариваться о компромиссах, «разменах», взаимоприемлемых умолчаниях и т.п.

Не случайно наиболее резкие демарши, адресованные России, исходят именно от Европарламента. Он еще в 2014 г. выступил с рекомендацией отказаться от строительства газопровода «Южный поток», затем призвал «критически пересмотреть» отношения ЕС с Россией и больше не считать ее стратегическим партнером, остановить строительство «Северного потока — 2», пересмотреть Соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

Выборы в ЕП вряд ли изменят эту конфронтационную настроенность парламентской ассамблеи. Не стоит рассчитывать и на изменения в связи с появлением в ней ультраправых, хотя с некоторыми из них у отдельных представителей нашего истеблишмента установились отношения чуть ли не взаимной симпатии. Не исключено, что даже если в тех или иных странах на уровне правительства и элит станут вызревать настроения в пользу менее конфронтационной и более кооперативной линии на российском направлении, Европарламент будет в этом плане скорее сдерживающим фактором.

Впрочем, и без этого вряд ли есть основания настраиваться на возможность быстрых перемен в отношениях с ЕС. Восстановление этих отношений будет процессом долгим и нелегким. Уже скоро мы поймем, какой вклад в него — со знаком плюс или минус — внесут прошедшие выборы в ЕП.

Часть I
Выборы в Европарламент и новый политический облик ЕС

*ГРОМЫКО АЛ.А.**

Выборы в Европарламент – 2019: изменение расстановки сил

Очередные выборы в Европейский парламент (ЕП), состоявшиеся в мае 2019 г., оказались самыми интересными за много лет. С 1979 г. они превращались в малозначимое событие и на уровне государств-членов ЕС были лишь дополнительной сценой для внутриполитической борьбы. Рутинным делом стало говорить о хроническом дефиците демократии на фоне постоянного снижения явки. Но в этот раз она резко выросла — с 42,5 до 50,6%; в некоторых странах — в полтора-два раза, например, в Румынии — с 32 до 51%, в Польше — с 24 до 46%.

Разобраться в том, произошло ли это благодаря сплочению евроэнтузиастов или активности евроскептиков, непросто. Одни утверждают, что общеевропейская полития, европейский демос все же формируются. Другие говорят, что партийно-политическая поляризация лишь нарастает и через пять лет следующие выборы в ЕП окончательно похоронят либеральный политический истеблишмент. По-прежнему во многих странах очевидно, что выборы стали традиционным выяснением отношений между соперниками на национальном уровне, а избирателей мало интересовало наднациональное измерение голосования. Показательный факт: лишь четверть жителей Германии знали, кто является претендентом от Европейской народной партии (самой крупной правоцентристской политической группы в ЕП) на пост главы Еврокомиссии.

Как бы то ни было, факт остается фактом: политический активизм в мае 2019 г. резко вырос, что в целом для политического процесса — явление благоприятное. Однако насколько это смягчит проблему демократического дефицита в Евросоюзе — вопрос открытый. Если Европарламент не сможет приспособиться к новой политической ситуации, то в обществе наступит разочарование, и на следующих выборах в ЕП явка может вновь рухнуть.

Очевидный рост интереса избирателей и специалистов к этим выборам отражает ситуацию определенного возврата во времена острой политической конкуренции и даже к классовой сущности партийно-политической борьбы в Европе, да и в США тоже. Долгое время было общим местом при оценке расстановки партий говорить об уходе в прошлое методики распределения основных политических сил по оси «левые — правые». В то же время насущные вопросы социального и экономического благополучия граждан никуда не делись. «Бунт среднего класса», не говоря уже о радикализации настроений на «окраинах» партийно-политических систем, привел к явному оживлению интереса к политическим идеологиям.

То, что теперь принято называть новым популизмом, — во многом не только и частью даже не столько реакция на перипетии европейской интеграции как таковой, сколько форма возвращения в центр политики вопроса «социального контракта», проблем социального неравенства и деградации государства благосостояния. Можно с высокой долей вероятности предположить, что основной вклад в рост явки на евровыборах внесли представители разочарованной части европейского среднего класса.

---

* Громыко Алексей Анатольевич — член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, сопредседатель межинститутского Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века».

Часть I. Выборы в Европарламент и новый политический облик ЕС

Как и прогнозировали многие специалисты, сенсации выборы не принесли. Евроскептики всех мастей в чем-то прибавили, в чем-то потеряли, в целом оказавшись в выигрыше за счет партий истеблишмента, но сильно не дотянув до завышенных показателей, которые им легковесно прочили. Интерпретаций результатов волеизъявления европейцев появилось, конечно, много; почти все стороны заявили о своей победе или, по крайней мере, достойном выступлении. Но очевидно, что в таких крупных странах, как Великобритания, Франция, Италия, Польша, первыми оказались евроскептики. Важно отметить, что евроскептики и новые популисты — это далеко не одно и то же: новые популисты, как правило, являются евроскептиками; а последние совсем не обязательно — популистами. И конечно, сам евроскептицизм имеет много граней[1].

Среди итогов выборов ключевых два. Во-первых, демохристиане, консерваторы и социал-демократы получили меньше половины мандатов. Во-вторых, сильно прибавили либералы и «зеленые». Тем самым закончился длительный период доминирования в европейской политике христианских демократов и близких к ним партий с ситуационной опорой на левоцентристов. Однако суммарно главенство системных и проевропейских партий продолжится. В их лице европейский либеральный истеблишмент может даже стать еще более напористым и нетерпимым к своим оппонентам, чем раньше.

Об этом говорят взгляды многих, кто уже оказался во главе центристских фракций в ЕП, особенно социалистов, а также тех, кто претендует на ключевые посты в ЕС. Так же, как многие умеренные партии в последние годы сдвигались вправо для нейтрализации влияния на электорат правых популистов, так и демохристиане с социал-демократами будут вынуждены занимать по ряду вопросов более либеральные позиции для потакания либералам и «зеленым». Это же обстоятельство оставляет мало шансов на снижение накала антироссийской риторики среди большей части корпуса евродепутатов.

В целом рост влияния малых игроков в лагере политического истеблишмента в Европарламенте и одновременное усиление позиций евроскептиков сделают политический процесс в нем намного более динамичным и конкурентным.

[1] См. подробнее: Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018.

*СЕМЕНЕНКО И.С.**

Идентичность в повестке дня евровыборов

Анализ итогов состоявшихся в конце мая 2019 г. выборов в Европейский парламент (ЕП) по горячим следам дает возможность посмотреть на их результаты с разных ракурсов. Интересно сравнить их с теми прогнозами, которые были сделаны в ходе предвыборной кампании, и оценить, насколько итоги нынешних выборов отражают расстановку внутриполитических сил в странах-членах, имея в виду, что предыдущие кампании характеризовались существенными расхождениями в национальных и наднациональном раскладах сил. Для понимания происходящих в рамках Евросоюза политических сдвигов ключевое значение имеет анализ повестки дня предвыборной гонки: какие темы доминировали, какие новые повороты появились в дискуссии и как они отразились на партийно-политическом ландшафте. Важно оценить, как итоги выборов могут сказаться на отношениях России и Евросоюза и на двусторонних отношениях России со странами-членами ЕС. Значимым для понимания перспектив развития в России европейских исследований является и анализ российского исследовательского поля, представленного учеными — специалистами по проблемам европейской интеграции.

Прошедшие выборы оказались не рядовым событием в истории европейской интеграции ввиду тех тенденций в развитии ЕС, которые особенно ярко проявились и в ходе предвыборной борьбы, и в результатах самого голосования. Все без исключения аналитики отмечают высокую явку и ее рост по сравнению с предшествующими волеизъявлениями европейских избирателей: участие в голосовании приняло около 51% электората (общая численность избирательного корпуса ЕС — 420 млн человек), что позволяет говорить о высоком уровне представительности нынешнего состава ЕП. И в основном комментарии сходятся в том, что высокая явка отражает растущий уровень политизации повестки дня: люди считают нужным и важным высказаться по насущным проблемам и приоритетам интеграционной политики. Рост активного политического участия — вероятно, один из важнейших итогов нынешних выборов, хотя сохранение этой тенденции не гарантировано и зависит от продвижения на общих для стран ЕС «проблемных» направлениях. В том числе — в придании легитимности принимаемым решениям в структурах Евросоюза и в широком признании их легитимности. Так называемый демократический дефицит давно стал расхожим объектом критики для евроскептиков, и процесс избрания нового председателя Еврокомиссии явственно подтвердил реальность этой проблемы.

Доминирование в предвыборной борьбе национальной повестки дня и национальных приоритетов придало новый импульс дискуссиям о будущем формате объединенной Европы и вывело на передний план тематику идентичности. Противоположные акценты в дискурсах идентичности разделили евроскептиков — сторонников «Европы наций» и борьбы за приоритеты национальной идентичности — и их идейных оппонентов. Политики, представляющие «зеленых» и партии либерального и левого толка, в той или иной степени выступают с позиций поддержки «разнообразия культур и идентичностей» и продвижения по пути

* Семененко Ирина Станиславовна — член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

формирования общих ориентиров европейской идентичности как основы «наднациональной демократии». Идея «единства в разнообразии» настойчиво проводится «зелеными»; они апеллируют и к локальной, и к европейской идентичности, с которыми, как они подчеркивают, «ассоциирует себя большинство жителей Евросоюза»[1].

Рост поддержки «зеленых», особенно заметный в Германии, где они получили 20% голосов, свидетельствует о стремительной актуализации не знающей национальных границ повестки дня, в центре которой — изменения климата и борьба с загрязнением окружающей среды. Другой острый вызов — поддержание социальной защищенности граждан, перспективы государства благосостояния в условиях старения населения и нарастания миграционного давления с глобального Юга. С этими трудными вопросами непосредственно связаны и недовольство бюджетной политикой ЕС, и призывы к ее пересмотру в странах, где остро стоит эта проблема. В политической риторике недовольство политикой ЕС подавалось и продолжает подаваться как противостояние «диктату бюрократов и банкиров» (по выражению лидера итальянской «Лиги» Маттео Сальвини). В политической повестке правопопулистских сил, продвинувшихся вперед на выборах в ряде стран (особенно явственно — в Италии), хотя и не оправдавших радикальные прогнозы «правого прорыва», миграционные, социальные и бюджетные проблемы были тесно сопряжены с борьбой за «право самим решать свою судьбу».

Дискурс идентичности стал на прошедших выборах неотъемлемой частью арсенала правых партий: радикальные популисты целенаправленно использовали тематику идентичности в сопряжении с тематикой национального суверенитета и «права выбора», по какому пути той или иной стране идти и какими приоритетами руководствоваться. Не случайно «Лига» М. Сальвини, выступавшая под лозунгами «Сначала — Италия!», «Сначала — итальянцы!» (“Prima l’Italia! Prima gli italiani!” по аналогии с “America first!”), получила наибольшую поддержку итальянских избирателей — более трети голосов. М. Сальвини стоит на позициях «жесткого» евроскептицизма, настаивает на пересмотре бюджетной политики ЕС и на конкретных шагах по реализации общеевропейской ответственности за распределение беженцев по национальным квартирам. Его противостояние нелегальной иммиграции и бескомпромиссная позиция в отношении захода судов с беженцами в итальянские порты провоцирует углубление раскола в итальянском обществе. Очень многие итальянцы считают его правым радикалом и современным наследником фашизма, позором для итальянской демократии. Но у другой части электората он очень популярен, и растет число его горячих сторонников на Юге страны среди тех, на чью поддержку «Лига» еще несколько лет назад никак не претендовала. Пересмотр регионалистской стратегии этой партии был прямо связан с пересмотром приоритетов политики идентичности и адресной аудитории такой политики, обращением ко «всем итальянцам»[2].

Значительное число мест получили и две близкие «Лиге» политические силы — Национальное объединение Марин Ле Пен во Франции и «Альтернатива для Германии». Хотелось бы обратить внимание, однако, не столько на результаты голосования в конкретных странах, сколько на смену вывески объединением этих

---

[1] Greens launch “Change Europe” media tool. URL: https://europeangreens.eu/news/greens-launch-%E2%80%98change-europe%E2%80%99-social-media-tool; см. также: Priorities for 2019: What European Greens Fight For. URL: europeangreens.eu/priorities-2019-what-european-greens-fight#key.

[2] Albertazzi D., Giovannini A. and Seddone A. ‘No regionalism please, we are Leghisti!’ The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini. Regional and Federal Studies. 2018. Vol. 28. No 5. P. 645–671.

сил в Европарламенте: вместо «Европы наций и свобод» здесь появилась новая парламентская группа «Идентичность и демократия», пятая по величине в составе этого органа власти. В нее вошли 73 депутата (в правом лагере сохраняются расколы, и не все представляющие радикальные несистемные правые партии депутаты влились в состав этой группы), к большим «командам» из трех названных стран присоединились представители праворадикального политического спектра из Финляндии, Чехии, Эстонии, Дании, Австрии, Бельгии.

Использование идентичности для мобилизации недовольного политикой ЕС электората — характерная черта прошедших выборов. В присущей популистской риторике манере такие политики, как М. Сальвини и М. Ле Пен, призывают к объединению граждан своих стран под знаменами «борьбы за идентичность». Идентичность стала одной из реперных точек европейского политического процесса, и в ходе европейской предвыборной кампании дискурс национальной идентичности активно эксплуатировали правые для объединения членов «своего» национального сообщества против «чужих». На деле мобилизация в противостоянии «чужим» работает на углубление разрывов между согласными и несогласными с таким жестким разделением и ведет к радикализации национального политического ландшафта. Возрождение популизма — это «симптом кризиса идентичности, который наблюдается во многих странах-членах ЕС»; в центр публичной дискуссии правопопулистские политики под флагом защиты идентичности настойчиво проталкивают идеи экономического и культурного протекционизма[3]. Сама динамика интеграции во многом предопределяет, как считают авторитетные аналитики, такую повестку дня. При этом на уровне Евросоюза тематика идентичности замалчивается, а в политике, как известно, «вакуум заполняется быстро»[4].

В идейно-политической дискуссии присутствуют и иные, инклюзивные трактовки национальной идентичности: так, лидер Шотландской национальной партии Никола Стерджен настойчиво подчеркивает, что такая идентичность призвана объединить всех живущих в Шотландии граждан. Аналогичной трактовки придерживаются лидеры каталонских националистов. Такой подход использовался региональными партиями в ходе европейских выборов для того, чтобы подтвердить приверженность европейским ценностям и членству в ЕС. Для Шотландии это острейший вопрос ввиду грядущего брекзита: большинство избирателей проголосовало в свое время против выхода из ЕС, и здесь в ходе краткой кампании подготовки к евровыборам вновь активно дебатировался (и продолжает дебатироваться) вопрос о новом референдуме о независимости. Для Каталонии апелляция к каталонской идентичности, отличной от испанской, становится знаменем сепаратистских движений. В обоих случаях сама постановка вопроса о возможности изменения границ нынешних национально-государственных сообществ стимулирует продвижение тематики идентичности в политический дискурс.

Долговременная опасность политического манипулирования идентичностью заключается в монополизации этого дискурса радикальными политическими силами, в первую очередь — несистемными популистскими партиями и движениями, не связанными сколько-нибудь определенными идейными установками. Это дискредитирует и дискурс, и политику идентичности на уровне Евросоюза, и саму

---

[3] Europe and the identity challenge: who are "we"? Fondation Robert Schumann. The Research and Studies Centre on Europe. European issue No. 466. URL: https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0466-europe-and-the-identity-challenge-who-are-we. См. также: Schuman Report on Europe, the state of the Union 2017. Paris: Editions Lignes de Repères, 2017.

[4] Ibid.

идею европейской идентичности, которую многие европейские интеллектуалы настойчиво ставят под вопрос, доказывая, что социальные идентичности формируются и проявляются преимущественно или исключительно на национальном уровне[5]. Да и далеко не всегда европейская идентичность и в дискурсе, и в политических установках ассоциируется с пребыванием в Европейском союзе и приверженностью принципам европейской интеграции. Поэтому приоритетом является скорее содержательное прояснение этого понятия и его ответственное использование и в политическом, и в научном дискурсе. В этом вопросе интересы представителей ответственного за свои слова и действия политического класса европейских стран и приоритеты научного сообщества совпадают.

В более широком контексте оценки трансформаций политического ландшафта и перспектив интеграционных процессов в современной Европе по итогам прошедших выборов первостепенной исследовательской задачей является, на наш взгляд, актуализация понятий, которые традиционно (и зачастую прямолинейно) используются сегодня в научном и политическом дискурсе. Так, разделение на «правых» и «левых» не отражает современных реалий потому, что размывается роль идей и идеологий, их вытесняют сиюминутные политические предпочтения и актуальная социальная повестка. Не плодотворнее ли смотреть на эти размежевания под углом оценки системного / несистемного характера тех или иных политических институтов? Национализм и его производные рассматриваются как проявления «правой» политики, но у «нового национализма» может быть иная повестка дня, связанная с ростом регионализма и появлением новых политических пространств[6], с трансформацией миропорядка и «борьбой за идентичность» в противостоянии глобальных и локальных трендов мирового развития. Не случайно в 2020 г. очередной Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки будет посвящен осмыслению многообразия «Новых национализмов в открытом мире»[7].

Результаты выборов в ЕП и изменения в политическом ландшафте Европы, которые они зафиксировали, заставляют задуматься и об адекватности нашего исследовательского инструментария применительно к анализу современных политических, социальных и культурных процессов, и о вкладе социальных наук в формировании позитивного, ориентированного на развитие политического дискурса. И о поисках возможностей социальной консолидации современных обществ, поддержания дружественной человеку социальной среды, позволяющей преодолевать кризисы идентичности.

---

[5] См., например: Petithomme M. Is There a European Identity? National Attitudes and Social Identification toward the European Union. Journal of Identity and Migration Studies. 2008. Vol. 2. No. 1. P. 5–36. О дискуссии см.: Scalise G. Esplorando l'identità europea, tra approcci teorici e ricerca empirica. Riflessioni sul dibattito in corso. Cambio. Anno 2. No. 4. Dicembre 2012; Котта М. Европейская идентичность: вызовы современности. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 184–192.

[6] Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия… Метаморфозы национализма в «старой» Европе. Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70–87.

[7] New Nationalisms in an Open World. Congress Theme. 26th World Congress of Political Science. Lisbon, 2020. URL: https://wc2020.ipsa.org/wc/congress-theme.

*КУЗНЕЦОВ А.В.**

ЯВКА НА ВЫБОРАХ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ: ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ЕС ЖИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН-ЧЛЕНОВ

Состоявшиеся в мае 2019 г. очередные выборы в Европейский парламент (ЕП) показали, что население стран Европейского союза довольно позитивно смотрит на этот институт ЕС. По сравнению с предыдущими выборами, которые проходили в 2014 г., явка избирателей выросла весьма значительно — на 8 п.п., составив 50,6%. Это самый высокий показатель за последнюю четверть века: лишь в 1994 г., когда в ЕС входили не 28, а только 12 государств, явка избирателей составила 56,7% (причем показатели выборов 1979, 1984 и 1989 гг. были даже выше)[1]. Таким образом, несмотря на референдум в Великобритании, где победила идея брекзита, а также фиксируемый СМИ общий рост евроскептицизма во многих странах, в том числе выражающийся в поддержке соответствующих политических партий, весной 2019 г. европейское население проголосовало скорее за сохранение интеграционного проекта, нежели за прекращение существования ЕС в обозримой перспективе.

Заметим, правда, что еще в начале XXI в. европейские ученые показывали, что низкая явка на выборах в ЕП, по крайней мере, в «старых» членах ЕС, не свидетельствует о кризисе легитимности Евросоюза. Скорее речь шла о несколько запоздалом осознании большей частью населения того факта, что полномочия данного института расширились, а вместе с ними — и его влияние на жизнь граждан. Другой причиной низкой явки было отсутствие понятного многим обывателям противостояния правящей партии (либо партийной коалиции) и оппозиции[2]. Такое положение дел укладывалось в концепцию «выборов второго порядка» (second-order elections), к которым выборы в Европарламент были отнесены с самого начала, поскольку представляли собой в первую очередь способ выражения недовольства текущей национальной политикой, а не формирования общего для ЕС дееспособного парламента[3]. В связи с этим резкое повышение явки на последних выборах на фоне кризиса политической системы в целом ряде государств ЕС, на наш взгляд, может свидетельствовать о конце «второсортности» данного голосования в глазах жителей ЕС.

Безусловно, ситуация заметно различается по отдельным странам ЕС (см. табл. 1), что объясняется большим количеством факторов — разной популярностью конкретных выборов, разной средней явкой на любые выборы в принципе, а также такими шагами властей, как совмещение по времени нескольких выборов. Максимальная явка (хотя и самая низкая в истории этих стран) была зарегистрирована в Бельгии и Люксембурге. При этом надо отметить, что в Люксембурге голосование обязательно для граждан в возрасте от 18 до 75 лет, а неявка наказывается штрафом. Такая же ситуация в Бельгии, где, однако, санкции в отношении прогулявших выборы в последние годы не применяются. К тому же в

---

* Кузнецов Алексей Владимирович — член-корреспондент РАН, профессор МГИМО МИД России, врио директора ИНИОН РАН.

[1] Turnout in the European Union by country and year, in percentage points. URL: https://election-results.eu/turnout/0019.png.

[2] Reit K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections — A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results. European Journal of Political Research. 1980. Iss. 1. P. 3–44.

[3] Schmitt H. The European Parliament Elections of June 2004: Still Second-order? West European Politics. 2005. Iss. 3. P. 650–679.

Бельгии одновременно с депутатами Европарламента 26 мая 2019 г. выбирали национальный и региональный парламенты (там явка была выше — 90%).

Таблица 1. Явка на выборы в Европарламент по странам ЕС, %

Страна	2009	2014	2019	Максимум (год)	Минимум (год)
Бельгия	90,39	89,64	88,47	92,09 (1984)	88,47 (2019)
Люксембург	90,76	85,55	84,24	91,35 (2004)	84,24 (2019)
Мальта	78,79	74,80	72,70	82,39 (2004)*	72,70 (2019)
Дания	59,54	56,32	66,00	66,00 (2019)	46,17 (1989)
ФРГ	43,27	48,10	61,38	65,73 (1979)*	43,00 (2004)
Испания	44,87	43,81	60,73	68,52 (1987)*	43,81 (2014)
Австрия	45,97	45,39	59,80	67,73 (1996)	42,43 (2004)
Греция	52,54	59,97	58,69	81,48 (1981)*	52,54 (2009)
Швеция	45,53	51,07	55,27	55,27 (2019)	38,84 (1999)
Италия	66,47	57,22	54,50	85,65 (1979)*	54,50 (2019)
Литва	20,98	47,35	53,48	53,48 (2019)	20,98 (2009)
Румыния	27,67	32,44	51,07	51,07 (2019)	27,67 (2009)
Франция	40,63	42,43	50,12	60,71 (1979)*	40,63 (2009)
Ирландия	58,64	52,44	49,70	68,28 (1989)	47,56 (1984)
Польша	24,53	23,83	45,68	45,68 (2019)	20,87 (2004)*
Нидерланды	36,75	37,32	41,93	58,12 (1979)*	30,02 (1999)
Кипр	59,40	43,97	44,99	72,50 (2004)*	43,97 (2014)
Венгрия	36,31	28,97	43,36	43,36 (2019)	28,97 (2014)
Финляндия	38,60	39,10	40,70	57,60 (1996)*	30,14 (1999)
Великобритания	34,70	35,60	36,90	38,52 (2004)	24,00 (1999)
Эстония	43,90	36,52	37,60	43,90 (2009)	26,83 (2004)*
Латвия	53,70	30,24	33,53	53,70 (2009)	30,24 (2014)
Болгария	38,99	35,84	32,64	38,99 (2009)	29,22 (2007)*
Португалия	36,77	33,67	30,75	72,42 (1987)*	30,75 (2019)
Хорватия	–	25,24	29,86	29,86 (2019)	20,84 (2013)*
Словения	28,37	24,55	28,89	28,89 (2019)	24,55 (2014)
Чехия	28,22	18,20	28,72	28,72 (2019)	18,20 (2014)
Словакия	19,64	13,05	22,74	22,74 (2019)	13,05 (2014)
ЕС в целом	***42,97***	***42,61***	***50,95***	***61,99 (1979)****	***42,61 (2014)***

Источник: Turnout in the European Union by country and year, in percentage points.
***** Первые выборы депутатов Европарламента в истории соответствующей страны.

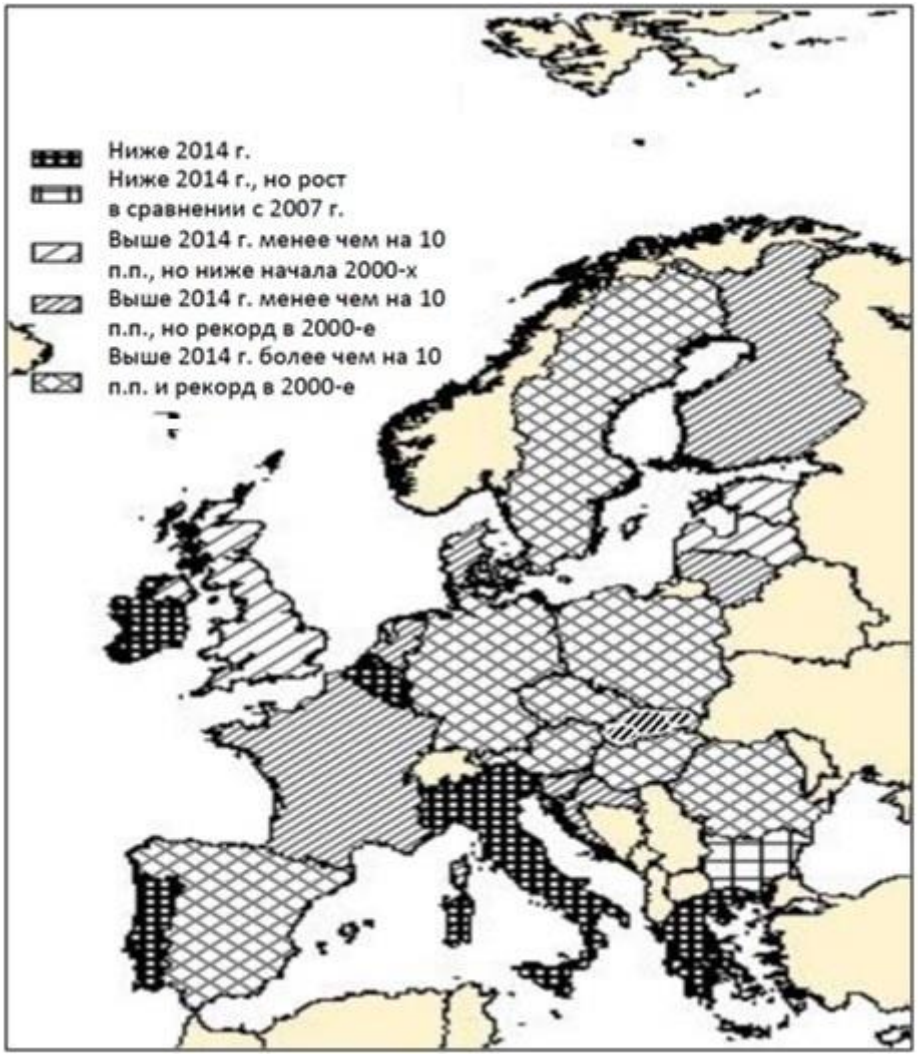
Анализ исторических данных показывает, что часто явка падала (иногда очень резко) через несколько лет после вступления государства в ЕС, что могло как раз свидетельствовать о разочаровании населения в участии своей страны в интеграционном проекте. Исключением стали только Эстония, Латвия, Польша, Словакия, Словения, Болгария и Хорватия.

Минимальная явка была зафиксирована в постсоциалистических странах, присоединившихся к ЕС относительно недавно. В Хорватии на избирательные участки пришли лишь 29,9% граждан, в соседней Словении — 28,9%, в Чехии — 28,7%, в Словакии — 22,7%. Для сравнения, в Великобритании на выборы в ЕП 2019 г., которые пришлось проводить только потому, что процесс брекзита так и не был завершен, явились 36,9% избирателей. Однако необходимо заметить, что явка даже в этих странах заметно выросла, особенно в Чехии (на 10,5 п.п.).

Таким образом, говоря о последних выборах в Европарламент, необходимо рассматривать результаты по каждой отдельной стране и сравнивать их с предыдущими показателями данной страны, а также с явкой избирателей на других общенациональных выборах.

Только в восьми странах явка на выборах в ЕП в 2019 г. была ниже уровня 2014 г. (см. рис. 1), причем в трех из них она оставалась выше 70%. В Дании был зафиксирован рекорд явки начиная с 1979 г., в Швеции — с момента вступления этой страны в ЕС, а в Германии — с момента объединения страны. Даже в Великобритании явка была относительно высока: начиная с 1979 г. бо́льшим показатель был только в 2004 г. При низких показателях рекордной явка была не только в упомянутых выше Чехии, Словакии, Словении и Хорватии, но также в Литве, Венгрии, Польше и Румынии.

Рисунок 1. Изменение явки на выборах в Европарламент



Источник: составлено автором на основании данных сайтов национальных избирательных комиссий.

При этом граждане Словакии на других последних выборах были более активны. Так, в первом туре на выборах президента страны в 2019 г. приняли участие 48,7% избирателей, во втором туре — 41,8% (показатели примерно вдвое

большие, чем на выборах в ЕП)[4]. Относительный рекорд явки на выборах в Европарламент в Венгрии также выглядит скромно на фоне выборов национального собрания в 2018 г., когда явка составила 70,2%.

Сравнительно низкая явка в таких «старых» членах, как Нидерланды и Великобритания, несмотря на рекордный за долгое время уровень именно для выборов в Европарламент, не отражает общей активности избирателей соответствующих стран. В частности, на общенациональных парламентских выборах в Нидерландах в 2017 г. голосовать пришли 81,9% избирателей, а в Великобритании в том же году — 68,7%.

Самая низкая явка среди «старых» членов ЕС была в Португалии, но и там это нельзя объяснить общей пассивностью электората. Так, выбирая президента в 2016 г., определиться на избирательные участки пришли 48,7% граждан, что почти на 18 п.п. выше майского результата на выборах в ЕП.

Подобная тенденция, когда активность избирателей на общенациональных выборах выше их явки на общеевросоюзные выборы более чем на 10 п.п., характерна и для большинства стран со сравнительно высокой явкой избирателей на последних выборах в Европарламент. Например, в Германии в 2017 г. выбирать депутатов бундестага пришли 76,2% избирателей, то есть явка на выборах 2019 г. оказалась на 14,8 п.п. ниже. В Дании в начале июня 2019 г. состоялись очередные выборы фолькетинга, где явка достигла 84,6%, что превышает показатель выборов в ЕП на 18,6 п.п.

Вместе с тем есть страны ЕС, где выборы в Европарламент уже не являются самыми непопулярными у электората. Так, хотя в Ирландии в 2016 г. голосовать за депутатов национального парламента пришли 65,1% избирателей (что на 15,4 п.п. выше уровня их активности на последних майских выборах в ЕП), в 2018 г. определиться с выбором относительно президента страны захотели только 43,9% граждан Ирландии (то есть явка была на 5,8 п.п. ниже, чем в случае с голосованием за евродепутатов). Во Франции, где действует президентская республика, ситуация обратная. Так, показатели явки в обоих турах голосования по определению состава национального парламента в 2017 г. были ниже, чем при голосовании в Европарламент (в первом туре — 48,7%, во втором — 42,6%). Зато выбрать президента Франции в первом туре пришли 77,8% избирателей, а во втором – 74,6%, что в полтора раза выше активности французских граждан на последних выборах в ЕП.

Примечательно, что в Румынии минувшие выборы в ЕП стали одним из самых популярных голосований за последние годы. Ведь на выборы в палату депутатов и сенат в декабре 2016 г. пришли только 39,5% избирателей, что ниже уровня мая 2019 г. более чем на 11,5 п.п. Даже на выборы президента страны в конце 2014 г. пришли 52,3% избирателей, что лишь на 1,2 п.п. выше нынешнего показателя голосования за депутатов Европарламента. Однако необходимо учитывать, что и парламентские, и президентские выборы в Румынии проходили уже несколько лет назад, так что сопоставление явки на них с уровнем 2019 г. не совсем корректно — ведь на выборы в ЕП 2014 г. пришли лишь 32,4% избирателей.

Сопоставление показателя явки на выборах в Европарламент и результатов опросов «Евробарометра» об отношении населения к ЕС и его институтам показывает, что прямой зависимости не наблюдается, однако некоторая положительная связь (наряду с действием других факторов) все-таки имеется. Например, весной 2019 г. больше всего Европейскому союзу как институту доверяли

[4] Здесь и далее информация, как правило, взята с сайтов национальных избирательных комиссий.

в Литве (72%), которая по активности граждан на выборах заняла лишь одиннадцатое место, однако оказалась бесспорным лидером среди восточноевропейских членов ЕС, которые в целом показывают невысокую явку. Вслед за Литвой по уровню доверия граждан к ЕС шла Дания (68%) — лидер по явке в 2019 г. среди «старых» членов ЕС, где приход на выборы не является обязательным. На другом полюсе находилась Великобритания (уровень доверия к ЕС — 29%)[5].

Оптимистичный взгляд жителей на будущее ЕС также не всегда способствует высокой явке: например, в Ирландии, лидировавшей по этому показателю весной 2019 г. (о своем оптимизме заявили 85% граждан этой страны), явка оказалась более чем скромной, к тому же сильно ниже, чем на двух предыдущих выборах в Европарламент. Это особенно удивительно, так как ирландцы очень позитивно оценивали позицию Евросоюза в отношении единства ирландской нации в условиях брекзита и в основном отвечали положительно на вопрос о том, слышен ли голос рядового гражданина в ЕС. Действительно, наибольшее число положительных ответов на данный вопрос было дано в Швеции (86%), Дании (81%), Нидерландах (76%), Германии (75%), Польше и Ирландии (по 69%), а также в Австрии и Бельгии (по 68%)[6]. Тем не менее, Ирландия — не исключение. В Нидерландах на выборы в ЕП вообще пришли менее 42% избирателей.

* * *

Таким образом, можно отметить, что явка на выборы в Европарламент зависит от множества национальных факторов, включая совмещение нескольких выборов в один день, наличие обязательности для голосования (пусть и без штрафов за неявку на избирательный участок), общий уровень электоральной активности. Вместе с тем пока выборы в ЕП не стали самыми популярными общенациональными выборами, хотя в ряде стран они уже поднялись с последней позиции (например, голосование за депутатов в Европарламент может быть менее значимым, чем выборы национального парламента, но более важным для избирателей, чем выборы президента страны, или наоборот). В любом случае выборы 2019 г. показали, что расширение полномочий ЕП повышает интерес избирателей к выборам евродепутатов, а общий рост евроскептицизма не помешал продемонстрировать высокую явку, особенно по сравнению с двумя предыдущими выборами в Европарламент.

[5] Standard Eurobarometer 91. Spring 2019. First results. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/survey/getsurveydetail/instruments/standard/surveyky/2253.
[6] Ibid.

*ШВЕЙЦЕР В.Я.**

Европарламентский триумвират: итоги, проблемы и перспективы

Две последние легислатуры (2009–2014 гг. и 2014–2019 гг.) определили партийно-страновую составляющую процесса выработки основных позиций Европейского парламента (ЕП) по ключевым вопросам внутренней и внешней политики Европейского союза. Практически в ЕП сложилась «большая тройка», где главными были две крупнейшие фракции. Первая по числу депутатов — это Европейская народная партия (ЕНП), представлявшая национальные отряды демохристиан и консерваторов-неевроскептиков. За ней следовал Прогрессивный альянс социалистов и демократов (ПАСД). Замыкал тройку значительно уступавший обеим Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ). Благодаря голосам этого триумвирата были приняты и в основном реализованы важнейшие установки Евросоюза.

Ключевые фракции ЕП определили состав коллективного органа исполнительной власти ЕС — Европейской комиссии (ЕК). Укажем, что в легислатуре ЕК 2014–2019 гг. половина постов еврокомиссаров (14) принадлежала ЕНП, восемь — социал-демократам и пять — либералам. Председателем ЕК стал демохристианин из Люксембурга Жан-Клод Юнкер, а председателем Европейского совета — польский консерватор Дональд Туск. Принцип паритета был соблюден при формировании руководящих структур ЕП. Его председателями были поочередно немецкий социал-демократ Мартин Шульц и итальянский консерватор Антонио Таяни. Функционеры трех основных фракций ЕП заняли посты председателей ключевых парламентских комитетов. Все это вполне соответствовало парламентским возможностям трех фракций — ЕНП, ПАСД и АЛДЕ, которые занимали 479 из 751 места во всем депутатском корпусе.

Новая легислатура ЕП, охватывающая следующую пятилетку работы высшего органа законодательной власти, не могла, однако, просто скопировать то, что ранее имело место. Результаты выборов, проходивших 23–26 мая 2019 г., зафиксировали, как, впрочем, и ожидалось, существенные подвижки в симпатиях электората. Повышенная явка избирателей (рост с 43 до 51%) была на руку партиям политической альтернативы — националистам, популистам, сепаратистам, а в целом — тем, кого традиционно называют евроскептиками. Что касается уже упомянутого триумвирата, то результаты демохристиан и социал-демократов явно огорчили их лидеров. В сумме они потеряли более 80 депутатских мест. Отчасти «тройку» выручили либералы, но произошло это, в основном, не за счет укрепления самой фракции АЛДЕ, а вследствие присоединения к ней макроновской партии «Вперед, республика!». Показательно, что фракция явно под влиянием новичка изменила свое название. Теперь либералы в ЕП располагаются под табличкой «Обновление Европы» (ОЕ).

Проблемы у триумвирата возникли уже на стадии избрания руководящих органов ЕП и ЕС. Председателем ЕП был избран итальянский социал-демократ Давид Сассоли. Все 14 его заместителей также входили в партии триумвирата. Однако главной интригой подковерной борьбы в ЕП стало голосование по кандидатуре председателя Еврокомиссии. Вотировавшийся на этот пост от ЕНП

---

* Швейцер Владимир Яковлевич — доктор исторических наук, руководитель Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН, сопредседатель межинститутского Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века».

немец Манфред Вебер явно не набирал рейтинговых очков. Замену ему искали буквально «с колес». В конечном итоге триумвират достиг в своих рядах консенсуса относительно представительницы ФРГ Урсулы фон дер Ляйен. Здесь был соблюден и страновой, и гендерный, и партийный, и профессиональный критерий. Новый председатель ЕК представляла сильнейшую в экономическом и политическом отношении страну Евросоюза. Ее выдвинула крупнейшая в ЕНП группа христианских демократов. В пользу У. фон дер Ляйен говорил и ее опыт как многолетнего министра обороны своей страны.

Что касается двух других участников «тройки», то и они при распределении должностей не остались внакладе. Бельгийский либерал Шарль Мишель, опытнейший политик страны, стал новым председателем Европейского совета. Социал-демократы помимо получения поста председателя ЕП заручились поддержкой ЕНП и ОЕ в выдвижении на пост верховного комиссара по вопросам внешней политики и обороны известного испанского социалиста Жозепа Борреля. Интерес также представляет фигура нового главы ЕЦБ Кристин Лагард. Формально беспартийная француженка является креатурой Эммануэля Макрона. Здесь он получил своеобразный карт-бланш, отказавшись от выдвижения на пост председателя Еврокомиссии Мишеля Барнье, ведшего переговоры с Великобританией об условиях брекзита.

Отметим, что именно в процессе неформальных контактов лидеров Франции и Германии была согласована кандидатура У. фон дер Ляйен. В конечном итоге ключевые игроки интеграционного процесса — Германия, Франция, Италия и Испания — получили в свои руки основные рычаги будущей европейской политики. При этом ослабла характерная для второй половины 2010-х гг. «итальянизация» высших органов власти ЕС, когда и ЕЦБ, и Европарламент, и внешнеполитическую службу возглавляли представители Италии. В то же время с уходом Д. Туска обнаружилась брешь в восточноевропейском сегменте Евросоюза.

Перспективы у триумвирата отнюдь не безоблачные. Уже голосование по казалось бы согласованной его участниками кандидатуре У. фон дер Ляйен показало, что парламентская арифметика не всегда гарантирует искомый результат. При формально числящихся в распоряжении христианских демократов, социал-демократов и либералов 440 голосах, за нового председателя ЕК высказались лишь 389 депутатов. Критический порог — 50% плюс один голос от общего числа депутатов ЕП — был преодолен с перевесом в восемь голосов. После брекзита ряды либералов и социал-демократов сократятся на 25 мест, которые пока занимают их единомышленники из Великобритании. Кстати, голосование по кандидатуре У. фон дер Ляйен свидетельствует, что расчеты триумвирата на поддержку со стороны «зеленых» весьма умозрительны. Более того, кандидатуру нового председателя ЕК не поддержали и некоторые социал-демократы. Очевидно, что в дальнейшем свою оппозицию «тройке» внутри этого новообразования могут составить и представители партий из стран постсоциалистического пространства.

В триумвирате, как свидетельствовала практика последней легислатуры, не всегда совпадали подходы к решению социально-экономических проблем. Если христианские демократы выступают за сохранение системы социальной рыночной экономики с активным участием государства, то либералы традиционно исповедуют более свободный подход к процессу принятия решений в хозяйственной сфере. Представители этих фракций в ЕП могут столкнуться с оппозицией своих коллег — социал-демократов, которые уже неоднократно не соглашались с консервативно-либеральными подходами при решении вопросов европейской бюджетной политики.

Более сплоченно выглядят ряды триумвирата по комплексу международных проблем. Однако и здесь оценки христианских демократов, социал-демократов и либералов во многом зависят от страновой принадлежности соответствующих партий. Ценностные установки подчас отступают перед прагматизмом реальной политики, которая ставит перед лидерами ЕС задачи, не прописанные ни в каких предвыборных программах или идейно-ориентированных декларациях.

Начав новую легислатуру, Европарламент неизбежно столкнется с ситуациями, найти выход из которых вряд ли возможно, опираясь лишь на достаточно зыбкое большинство входящих в триумвират депутатов. Поисковый период, как в работе самого ЕП, так и в сложной конструкции Европейского союза, продолжится без гарантий на обязательно позитивное развитие интеграционного процесса.

*ГУСЕЛЕТОВ Б.П.**

Новый состав Европарламента: прогнозы и результаты

Выборы нового состава Европейского парламента (ЕП) прошли 23–26 мая 2019 г. во всех 28 странах Евросоюза в условиях заметного роста явки и по существу подвели черту под прежней двухблоковой политической системой ЕС. Ее основу долгие годы составляли Европейская народная партия (ЕНП) и Партия европейских социалистов (ПЕС). Скорее всего, в новом составе Европарламента будет создана проевропейская трех- (менее вероятно — четырех-) партийная коалиция большинства, в которую помимо фракций ЕНП и ПЕС[1] войдет фракция «Обновление Европы» (ОЕ), ранее называвшаяся Альянсом либералов и демократов за Европу. К ним, что, впрочем, маловероятно, может примкнуть фракция «Зеленые — Европейский свободный альянс» (З–ЕСА). Успех евроскептиков, в первую очередь жестких, вошедших в группу «Идентичность и демократия» (ИД, ранее — «Европа наций и свобод»), хотя и состоялся (они увеличили свое представительство практически вдвое), но получился далеко не таким значимым, как полагали некоторые эксперты, политики и журналисты.

Процесс формирования окончательного состава фракций и назначения нового руководства ведущих политических институтов Евросоюза будет достаточно сложным и противоречивым.

В табл. 1 представлены итоговые результаты выборов депутатов Европарламента (ДЕП) по всем странам-членам ЕС.

Таблица 1. Итоговые результаты выборов в Европарламент по всем странам-членам ЕС

№	Страна	Число ДЕП	ЕНП	ПАСД	ОЕ	З–ЕСА	ИД	ЕКР	ОЕЛ–СЗЛ	Новые + независимые
1	Австрия	18	**7**	5	1	2	3	-	-	-
2	Бельгия	21	4	3	4	3	3	**3**	1	-
3	Болгария	17	**7**	5	3	-	-	2	-	-
4	Великобритания	73	-	10	17	11	-	4	1	30
5	Венгрия	21	**13**	5	2	-	-	-	-	1
6	Германия	96	**29**	16	7	25	11	1	6	1
7	Голландия	26	6	**6**	6	3	-	4	1	-
8	Греция	21	**8**	2	-	-	-	1	6	4
9	Дания	13	1	3	**5**	2	-	1	1	-
10	Ирландия	11	**4**	-	1	2	-	-	4	-
11	Испания	54	12	**20**	8	2	-	3	6	3
12	Италия	73	7	19	-	-	**28**	5	-	14
13	Кипр	6	**2**	2	-	-	-	-	2	-
14	Латвия	8	**2**	2	-	1	-	2	-	1
15	Литва	11	**4**	2	2	2	-	1	-	-
16	Люксембург	6	2	1	**2**	1		-	-	-
17	Мальта	6	2	**4**	-	-	-	-	-	-

* Гуселетов Борис Павлович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

[1] Прогрессивный альянс социалистов и демократов (ПАСД).

18	Польша	51	17	8	-	-	-	**26**	-	-
19	Португалия	21	7	**9**	-	1	-	-	4	-
20	Румыния	32	**14**	10	8	-	-	-	-	-
21	Словакия	13	**4**	3	2	-	-	2	-	2
22	Словения	8	4	2	2	-	-	-	-	
23	Финляндия	13	**3**	2	3	2	2	-	1	-
24	Франция	74	8	5	21	12	**22**	-	6	-
25	Хорватия	11	**4**	3	1	-	-	1	-	2
26	Чехия	21	5	-	**6**	3	2	4	1	-
27	Швеция	20	6	**5**	3	2	-	3	1	-
28	Эстония	6	-	2	**3**	-	1	-	-	-
	ВСЕГО	751	**182**	154	108	74	73	62	41	57

Источник: 2019 European election results (https://www.election-results.eu/seats-political-group-country/2019-2024/).

В новом составе Европарламента сформировано семь фракций: четыре проевропейских — ЕНП, ПАСД, ОЕ и З–ЕСА, имеющих в сумме 518 ДЕП, и три евроскептических. Последние включают две фракции мягких евроскептиков — фракцию Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР) в составе 62 ДЕП и Конфедеральную группу объединенных европейских левых — Северных зеленых левых (ОЕЛ–СЗЛ) в составе 41 ДЕП, а также фракцию жестких евроскептиков ИД в составе 74 ДЕП.

Депутаты от британской Партии брекзита (29 ДЕП) и итальянского Движения пяти звезд (14 ДЕП) не сумели восстановить фракцию «Европа за свободу и прямую демократию» (ЕСПД), так как им нужно было привлечь в свой состав представителей еще пяти стран-членов ЕС[2]. К тому же после 31 октября 2019 г, когда должен будет завершиться процесс выхода Великобритании из Евросоюза, ДЕП от Партии брекзита выйдут из Европарламента. Поэтому депутаты от этих партий остались независимыми, хотя в последующем представители того же Движения пяти звезд могут присоединиться либо к группе ЕКР, либо к ИД.

Одной из отличительных особенностей этих выборов стала высокая явка избирателей, которая составила 50,6% по всем 28 странам-членам, что на 8 п.п. выше по сравнению с явкой на выборах 2014 г. Этот показатель является самым высоким после выборов 1994 г., когда ЕС состоял из 12 стран-членов. Объяснить этот феномен можно усилением конфронтации между евроскептиками и проевропейскими силами, что привело к мобилизации сторонников и тех, и других.

В пяти странах ЕС — Австрии, Германии, Дании, Словакии и Чехии — явка увеличилась на 10 п.п. и более. В четырех — Венгрии, Испании, Польше, Румынии — она выросла более чем на 15 п.п.

Поскольку явка превысила 50%, можно считать, что эти выборы повысили легитимность Европарламента и других политических институтов ЕС. Все больше граждан ЕС считают, что вопросы безопасности, миграции, климата и окружающей среды, экономического роста и улучшения социальной сферы, которые вызывают у них наибольший интерес[3], должны решаться на европейском уровне.

Национальные факторы также играли важную роль в ходе избирательной кампании, заметно влияя на выбор избирателей и показатели явки. Но рост

[2] Согласно регламенту работы Европарламента, для создания в нем политической группы необходимо, чтобы в ее состав входили 35 ДЕП, представляющих не менее семи стран-членов ЕС.
[3] Сайт Politico. URL: https://www.politico.eu/2019-european-elections/#93508.

интереса к общеевропейской проблематике свидетельствует о растущей европеизации политики в государствах-членах.

Как уже отмечалось ранее, одним из важнейших результатов этих выборов стало завершение деятельности двухпартийной системы, функционировавшей с 1979 г. В представленной ниже таблице показаны итоговые результаты выборов 2019 г. в сравнении с результатами выборов 2014 г.

Таблица 2. Распределение депутатов Европарламента по фракциям в 2014 и 2019 гг.

№	Название политической группы	Партия, которую представляет группа	Число ДЕП в 2014 г. (% от общ. числа)	Число ДЕП в 2019 г. (% от общ. числа)
1	ЕНП	Европейская народная партия	216 (28,7%)	182 (24,23%) *168**
2	ПАСД	Партия европейских социалистов	187 (24,9%)	154 (20,51%) *146*
3	ОЕ	Альянс либералов и демократов за Европу	69 (9,2%)	108 (14,38%) *106*
4	З–ЕСА	Европейская партия зеленых + Европейский свободный альянс	52 (6,9%)	74 (9,85%) *55*
5	ИД	Идентичность и демократия (до 2019 г. — Европа наций и свобод)	36 (4,8%)	73 (9,72%) *74*
6	ЕКР	Альянс европейских консерваторов и реформистов	77 (10,25%)	62 (8,26%) *59*
7	ОЕЛ–СЗЛ	Партия европейских левых	52 (6,9%)	41 (5,46%) *52*
8	Независимые		20 (2,65%)	57 (7,59%) *43*
	ВСЕГО		**751 (100%)**	**751 (100%)**

Источник: 2019 European election results (https://www.election-results.eu/).

* Курсивом выделены прогнозные данные о результатах выборов в ЕП, представленные компанией Politico (https://www.politico.eu/2019-european-elections/#93156).

Как видно из таблицы, две основные общеевропейские партии — ЕНП и ПЕС — будут вновь иметь самые многочисленные фракции, соответственно 182 и 154 ДЕП. Но суммарная численность входящих в них депутатов сократилась по сравнению с 2014 г., вследствие чего они утратили абсолютное большинство в ЕП.

Хотя ЕНП в этот раз победила в 14 странах (включая Грецию и Румынию, где ее партии-члены не входили в состав правительств), в ряде других стран, включая Францию, Италию и Испанию, состоящие в ЕНП партии потерпели серьезное поражение.

У евросоциалистов только Испанская социалистическая рабочая партия, Социалистическая партия Португалии и Партия труда Нидерландов сумели сохранить лидирующие позиции. В других странах партии-члены ПЕС потерпели серьезные поражения. Так, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) потеряла 11 мест, Демократическая партия Италии — 12, а Социалистическая партия Франции вообще показала наихудший результат за всю свою историю. В Чехии, где еще недавно социал-демократы возглавляли правительство, ни один из их представителей не прошел в Европарламент. Что касается объединенных левых

(бывших коммунистов и левых социалистов), которые на выборах 2014 г. имели самую высокую позитивную динамику, то они потерпели серьезное поражение, потеряв 11 мест по сравнению с прошлым результатом.

Проевропейские политические силы, представленные четырьмя фракциями, имеют 66,25% мест и по-прежнему сохраняют абсолютное большинство в Европарламенте. Помимо фракций ЕНП и ПЕС к новому парламентскому большинству могут присоединиться еще две фракции — ОЕ и З–ЕСА. Либералы сумели увеличить численность своей группы на 39 депутатов по сравнению с 2014 г., став третьей группой в Европарламенте. Это во многом связано с тем, что к данной группе присоединились депутаты партии Эммануэля Макрона «Вперед, республика!». «Зеленые» также существенно увеличили численность своей фракции (на 22 ДЕП) и вышли на четвертое место, особенно благодаря отличным результатам в Германии, Бельгии, Нидерландах и Франции.

В уходящем составе Европарламента евроскептики имели четыре фракции, которые суммарно включали 206 ДЕП (27,55%), причем «Европа наций и свобод» была самой малочисленной. В новом составе общее число евроскептиков, распределенных по фракциям, составит 176 ДЕП (23,43%). Разногласия между различными фракциями евроскептиков, которые имели место и ранее, сохранятся, и вряд ли им удастся наладить хоть какую-то координацию между собой.

Новый состав Европарламента начал свою работу 1 июля 2019 года. Его председателем уже избран представитель ПАСД от Италии Давид Сассоли. Среди руководителей комитетов доминируют представители ЕНП — девять человек, ПАСД — пять человек, ОЕ и З–ЕСА — по два человека. Руководителем одного комитета стал представитель фракции ОЕЛ–СЗЛ.

Новые фракции после их окончательного формирования начнут обсуждение перспектив их дальнейшей работы, и здесь не исключены определенные сюрпризы, связанные, например, с конфигурацией нового большинства в ЕП, позицией ДЕП от Великобритании и представителей новых партий и др. Но вряд ли это приведет к радикальной перемене ситуации внутри Европарламента.

*СТРЕЖНЕВА М.В.**

Влияние евровыборов на политическое лицо руководящих органов ЕС

Состоявшиеся выборы в Европейский парламент (ЕП), которые, по многочисленным прогнозам, сулили особенно большой успех радикальным евроскептикам, не подтвердили катастрофических с точки зрения дальнейшего развития интеграции предсказаний. Высокая явка избирателей на выборах в мае 2019 г., напротив, отразила то обстоятельство, что б**о**льшая часть европейцев не пожелала отдавать дальнейшую судьбу Евросоюза в руки популистов. В реальном плане политическую динамику в ЕС после состоявшихся выборов определяют два ключевых фактора: (1) завершение 40-летней дуополии в ЕП христианских демократов и социал-демократов и (2) дополнительно возросшее относительное влияние радикальных правых партий популистского толка, что в совокупности повысило степень политической фрагментации состава ЕП.

При этом левые евроскептики получили скромный электоральный результат, а правые популисты, набрав очки, по-прежнему не в состоянии сформировать общий фронт и привлечь союзников, что повысило бы их влияние (как политиков и законодателей) на принимаемые в ЕС решения. Этому мешают, в том числе, диаметральные расхождения отдельных евроскептических партий и правительств (скажем, в Польше и Италии) между собой в важнейших вопросах, будь то политика ЕЦБ, продление антироссийских санкций или регулирование иммиграции. Из приводимого ниже вновь сложившегося списка партийных фракций в ЕП (см. табл. 1) следует, что две правопопулистские фракции заняли соответственно пятое и шестое места из семи.

Таблица 1. Политические группы в ЕП девятого созыва
(в порядке убывания численности)

Название фракции	Председатель	Число членов	Политическая характеристика
Группа Европейской народной партии	Манфред Вебер (Германия)	182	(Условно) проинтеграционная консервативная, правоцентристская
Группа Прогрессивного альянса социалистов и демократов	Иратце Гарсия (Испания)	154	Проинтеграционная социалистическая, левоцентристская
Группа «Обновление Европы»	Дачиан Чолош (Румыния)	108	Проинтеграционная либеральная, центристская
Группа зеленых — Европейский свободный альянс	Ска Келлер (Германия); Филипп Ламбер (Бельгия)	74	Проинтеграционная, левоцентристская
Идентичность и демократия	Марко Дзанни (Италия)	73	Евроскептическая, правая

* Стрежнева Марина Вадимовна — доктор политических наук, профессор, руководитель Группы институциональных проблем международных отношений Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Европейские консерваторы и реформисты	Рышард Легутко (Польша); Раффаэле Фитто (Италия)	62	Умеренно евроскептическая, консервативная, правая
Конфедеральная группа объединенных европейских левых — Северных зеленых левых	Мартин Ширдеван (Германия)	41	Евроскептическая, левая

Источник: составлено автором на основе данных официальных сайтов парламентских групп.

Не получив существенного числа мест в Испании, Нидерландах или Германии, евроскептики не составили реальной угрозы как сила, способная серьезно дезорганизовать работу Европарламента. Однако не следует преувеличивать и значение так называемой зеленой волны. «Зеленые» добились довольно большого успеха в Германии, но не слишком популярны и не преуспели на выборах в странах Южной и Восточной Европы. Поэтому заявление бельгийского евродепутата Филиппа Ламбера о том, будто бы «теперь без зеленых не получить стабильного большинства в этом парламенте»[1], выглядит преувеличением.

Правоцентристская (умеренно консервативная) Европейская народная партия (ЕНП), очень рыхлая по составу с точки зрения степени политического единства ее членов (туда входят и германские христианские демократы Ангелы Меркель, и венгерская партия «Фидес» Виктора Орбана), на этот раз получила значительно меньше мест, чем пять лет назад. Из-за этого составляющая большинство в новом составе ЕП потенциальная коалиция проинтеграционных сил, включающая также социал-демократов, либералов и «зеленых», заметно сдвинулась к левому центру. В такой ситуации социалисты и в особенности либералы стали настаивать, чтобы ЕНП поделилась, наконец, с другими партиями «квотой» на ключевые посты в Евросоюзе. Известно, что представители ЕНП занимали в прошедшие пять лет такие позиции, как глава Европейской комиссии (ЕК)[2], председатели Европейского совета и Европейского парламента. Но ЕНП осознание новой реальности дается с большим трудом.

Наибольшее внимание в данном контексте привлекла к себе номинация на пост главы ЕК. Еврокомиссия — один из наиболее важных институтов в Евросоюзе. Ей в интеграционном объединении принадлежит монополия на законодательную инициативу, она следит за имплементацией европейских решений в национальных рамках, она же представляет ЕС в торговых переговорах за рубежом. Человек, занимающий этот пост, с точки зрения Брюсселя, должен иметь достаточный политический вес, чтобы в изменившихся в мировой политике условиях убедительно отстаивать интересы Евросоюза перед лицом США, Китая и России.

Согласно Лиссабонскому договору 2007 г., председателя ЕК (пока этот пост продолжает занимать представитель ЕНП Жан-Клод Юнкер, бывший премьер-министр Люксембурга) большинством голосов выдвигает Европейский совет — высший политический орган Союза, основываясь на результатах состоявшихся до этого выборов в Европарламент [3]. Последний должен подтвердить данное назначение, проголосовав за него абсолютным большинством голосов (50% плюс

[1] Boffey D. Macron and Merkel at odds over EU top jobs after European elections. The Guardian. 27.05.2019. URL: https://www.theguardian.com/world/2019/may/27/european-elections-macron-merkel-at-odds-over-eu-top-jobs-manfred-weber-juncker.
[2] Данный пост они непрерывно удерживают, начиная с 2004 г.
[3] Consolidated Version of the Treaty on European Union. 2012. OJ C 326/13. Article 17(7).

один голос от списочного состава, то есть за предложенную Евросоветом кандидатуру в ЕП, если исходить из его численности до завершения брекзита, должны были проголосовать минимум 376 евродепутатов).

Полный состав новой Еврокомиссии ЕП должен затем одобрить уже простым большинством (50% плюс один голос от числа присутствующих на заседании депутатов). Но целый ряд стран-членов хотели бы, чтобы следующим председателем ЕК стал лидер политической группы в Европарламенте, контролирующей там наибольшее количество мандатов[4]. Таковым партия ЕНП, имея 182 депутатских мандата, опрометчиво назвала главу своей парламентской фракции Манфреда Вебера, кандидатура которого в условиях политической фрагментации в ЕС не могла собрать требуемое для назначения двойное большинство — и в Европейском совете, и в ЕП.

Выбор председателя ЕК имеет огромное политическое значение. Более консервативный ее глава — такой, как назначенная в конце концов на эту роль Урсула фон дер Ляйен — в большей мере сосредоточился бы на таких вопросах, как заключение соглашений о свободной торговле по всему миру и наращивание борьбы с нелегальной иммиграцией в Европу, а также продвижение в направлении создания единой европейской армии (что должно быть особенно близко ей как бывшему германскому министру обороны). У председателя из прогрессивного лагеря в основных приоритетах были бы скорее меры по углублению экономической интеграции в еврозоне и выправлению социально-экономической ситуации. Но положение дел осложнилось неудачным выбором лидирующего кандидата от ЕНП, которым оказался мало кому известный в Европе, да и в Германии партийный функционер М. Вебер из баварского Христианско-социального союза, не имеющий опыта работы в национальном правительстве. Главным его оппонентом выступил французский президент Эммануэль Макрон, партия которого сформировала альянс с либералами в ЕП. Однако, что характерно, либералы, объединившиеся со сторонниками президента Франции, не сплотились вокруг собственного альтернативного кандидата на пост главы Еврокомиссии, которым могла бы стать Маргрет Вестагер.

Премьер-министр Греции Алексис Ципрас назвал М. Вебера «ультраправым баварским политиком» и призвал «все прогрессивные силы» объединиться против немецкого кандидата[5]. Для большинства евродепутатов из партий мейнстрима особенно неприятной проблемой оказались многолетние тесные и довольно беспринципные в идеологическом плане политические связи М. Вебера с евроскептическими силами, начиная с премьер-министра Венгрии В. Орбана, демонстративно пренебрегающего требованиями ЕС по соблюдению верховенства права. Напомним и о том, что входящие в ЕНП политические силы фактически потерпели поражение на евровыборах 2019 г. во Франции, Италии, Испании, Португалии и странах Скандинавии.

Тем самым повысились шансы на то, чтобы пост председателя ЕК займет другой лидирующий кандидат — голландец Франс Тиммерманс от фракции социалистов, ныне являющийся в Еврокомиссии первым заместителем Ж.-К. Юнкера. На полях саммита Большой двадцатки в Осаке (Япония) в конце июня

---

[4] Речь идет об особом процессе непрямой селекции председателя ЕК, известном как *spitzenkandidat,* или система лидирующего кандидата, впервые апробированном на европейских выборах в 2014 г., когда избрать главу ЕК оказалось не столь сложно, как в этот раз.

[5] Бовдунов А., Комарова Е. Слабеющие центристы и разобщенные евроскептики: как может измениться состав Европарламента в 2019 году. RT. 31.03.2019. URL: https://russian.rt.com/world/article/617052-vybory-evroparlament-prognoz.

2019 г. удалось достичь франко-германской договоренности в пользу Ф. Тиммерманса[6]. Однако с этим прочие главы правительств из стран ЕС, где правоцентристские партии выступили успешнее, не захотели мириться. Характерно, что неудача М. Вебера не обескуражила А. Меркель, которая проявила готовность к компромиссам, но одновременно возродила на какой-то период заинтересованность Германии в том, чтобы провести немца на другой значимый европейский пост, а именно на пост главы ЕЦБ, также освобождающийся к 1 ноября 2019 г.[7]

От кандидатуры Ф. Тиммерманса на пост главы ЕК, вызвавшей шквал протестов со стороны правительств стран Вишеградской четверки, Италии, а также Румынии — в отместку за последовательное отстаивание им гражданских прав в бытность первым заместителем председателя Еврокомиссии прежнего состава, главы Евросовета отказались ради большего согласия в собственных рядах. Тем самым в угоду популистам они нанесли ощутимый урон по системе лидирующего кандидата[8]. И А. Меркель, и Э. Макрон согласились при этом, что будущее данной системы теперь довольно туманно и в основном зависит от возможности введения на следующих европейских выборах, наряду с национальными, также транснациональных партийных списков.

Отказ от кандидатуры Ф. Тиммерманса, по которой двойное большинство было все же достижимо, глубоко возмутил европейских социалистов, в принципе способных провалить всякую другую кандидатуру[9]. В столицах стран-участниц ЕС постарались сгладить конфликт, дополнительно активизировав компромиссные шаги по замещению других ключевых постов, в отношении которых лидеры национальной исполнительной власти сохраняют относительно большую меру контроля, в том числе позиции главы ЕЦБ и высокого представителя ЕС по иностранным делам. Такая тактика позволила Европейскому совету выйти из безнадежного клинча с ЕП в схватке за определение будущего главы ЕК, которым в любом случае должен был стать политик-центрист, и сузить круг возможных кандидатов на данный пост (ввиду требований по достижению в институциональной системе баланса между всеми политическими сторонами и всеми странами ЕС по географическому признаку — при соблюдении гендерного равенства).

В итоге в рядах Европейского совета возобладал консенсус. Номинацию на пост главы Европейской комиссии 2 июля 2019 г. на основании компромиссного предложения Э. Макрона получила министр обороны Германии У. фон дер Ляйен (ЕНП), ближайший политический союзник А. Меркель, хотя последняя формально и воздержалась от ее поддержки на этот пост из внутриполитических соображений[10].

---

[6] Timmermans Frontrunner To Become European Commission President. Eurasia Review. 01.07.2019. URL: https://www.eurasiareview.com/01072019-timmermans-frontrunner-to-become-european-commission-president.

[7] Kirkegaard J.F. The Politics of Selecting a New ECB President in 2019. PIIE. 07.05.2018. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/politics-selecting-new-ecb-president-2019.

[8] Walshe G. Europe Must Not Allow Enemies of Democracy to Choose the Next EU Commissioner. Foreign Policy. 02.07.2019. URL: https://foreignpolicy.com/2019/07/02/europe-must-not-allow-enemies-of-democracy-to-choose-the-next-eu-commissioner-frans-timmermans-epp-sd-eu-commission-orban. Против кандидатуры Ф. Тиммерманса высказывались также Ирландия, Латвия и Хорватия.

[9] В новом состава Европейской комиссии представителю социалистов Ф. Тиммермансу и представительнице либералов М. Вестагер уже предложены позиции заместителей председателя. М. Вебер, оставаясь главой фракции ЕНП в парламенте, заявил, что он отказывается от претензий на какую-либо из ключевых позиций.

[10] В Берлине А. Меркель столкнулась с волной возмущения со стороны социал-демократов по поводу этой номинации, утверждавших, что это издевательство над всякой попыткой демократизировать Европейский союз. Это грозило расколоть германское правительство и ставило под вопрос ее

В едином «пакете» с ней Европейский совет единогласно назвал собственным председателем бельгийского премьер-министра Шарля Мишеля (от либералов) и предложил француженку Кристин Лагард, директора-распорядителя МВФ, на пост главы ЕЦБ, а испанца Жозепа Борреля от социалистов — в качестве будущего верховного представителя ЕС по иностранным делам.

Избрание председателем Европарламента 3 июля 2019 г. итальянского социалиста Давида Сассоли, в совокупности с постом высокого представителя как бы исчерпывающее социалистическую «квоту» на высшие посты в ЕС на предстоящий период, свидетельствовало в пользу того, что ЕП все же не намерен был идти на дальнейшее обострение противоречий с межправительственным Советом по вопросу ключевых назначений и голосовать в середине июля 2019 г. против кандидатуры У. фон дер Ляйен. В то же время, отстаивая собственную институциональную автономию, ЕП проигнорировал высказанное нынешним главой Евросовета Дональдом Туском пожелание, чтобы ради соблюдения в ЕС географического баланса новым председателем Европарламента на предстоящие два с половиной года был избран евродепутат от социалистов из страны Центральной и Восточной Европы. Последняя группа стран, в основном из-за собственной, сниженной по общим европейским меркам договороспособности, помешав Ф. Тиммермансу занять высший пост, похоже, осталась вообще без представительства на высших постах в ЕС на предстоящее пятилетие[11].

Европарламент — это единственный в мире транснациональный парламент, избираемый в ходе прямых выборов. Но парламентская демократия на европейском уровне продолжает страдать от структурного дефицита, что дало о себе знать и в ходе последних выборов. Национальные политические элиты по-прежнему не готовы к созданию общеевропейского демократического пространства. Депутаты ЕП избираются по национальным спискам в соответствии с национальными избирательными законами, и национальные политические партии сохраняют полную власть над европейским избирательным процессом. В таком плане выборы в ЕП больше напоминают 28 национальных выборов, что не может не компрометировать их результат.

Однако, хотя реальная власть в интегрированной Европе остается в основном в руках государств-членов, политическое влияние Европарламента постепенно растет. Поэтому при более сложной композиции ЕП управлять Евросоюзом станет сложнее — и в том числе труднее будет находить решения по таким проблемам, как иммиграция, заключение соглашений по торговле с США, продление или отмена антироссийских рестриктивных мер и борьба с изменением климата. Такая непривычная для ЕС ситуация способна заставить традиционные партии мейнстрима впредь вести более открытые переговоры, привлекая для нахождения компромисса других партнеров.

Законодательный процесс в ЕП, вероятно, замедлится и утратит прежнюю продуктивность. Когда принятие решений в ЕП окажется более затрудненным (высказываемые опасения о том, что оно будет заблокировано вообще, все же кажутся преувеличенными), общий контроль национальных правительств ведущих

собственное будущее в качестве канцлера. См.: Huggler J., Crisp J. Merkel faces fury at home over choice of von der Leyen for European Commission chief. The Telegraph. 03.07.2019. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2019/07/03/merkel-faces-fury-home-choice-von-der-leyen-european-commission.

[11] Markovic F. Will Central Europe Block Frans Timmermans as New EU Commission President? Forbes. 01.07.2019. URL: https://www.forbes.com/sites/frantisekmarkovic/2019/07/01/will-central-europe-block-frans-timmermans-as-new-eu-commission-president/#9b5eb8c83a34.

стран объединения в отношении европейской повестки только усилится. По большинству законодательных решений парламенту требуется абсолютное большинство, чтобы внести поправки или отклонить позицию Совета министров. У самих популистов такого большинства нет, но они все же способны повлиять на его формирование. До сих пор популисты в ЕП использовали свой мандат главным образом для того, чтобы получить средства на политическую активность внутри собственной страны или в качестве платформы для упражнений в направленной против Евросоюза риторике. Если же теперь они заинтересуются законодательной работой и станут добиваться блокировки важнейших решений, то это приведет к тому, что правительства начнут чаще заключать межправительственные сделки, минуя ЕП.

В то же время европейский политический процесс теперь откроется для большего числа участников с широким разбросом во мнениях. Это способно вылиться и в более гибкую систему непостоянных, подвижных коалиций по отдельным вопросам, которая в большей мере напоминала бы то, как работают национальные парламенты в Нидерландах или Дании, где евроскептики вовлекаются в конструктивную работу. Большинства при голосовании постоянно придется в буквальном смысле добиваться, настойчиво действуя поперек партийных границ. При этом парламентские делиберации получат больший общественный резонанс, привлекут широкое публичное внимание. Данный тренд соответствует более оптимистичным прогнозам политического развития ЕС со стороны теоретиков, приверженных концепции делиберативной демократии, которые отталкиваются от согласительной природы политической системы Евросоюза.

*КЛИНОВА М.В.**

Националистические силы в Европарламенте – 2019

Новый состав Европейского парламента (ЕП) свидетельствует о предпочтении избирателями концепции «Европы отечеств» с превалированием национальных ценностей и идентичности, а не концепции «отечества Европы». Политики в ЕС стали делать акцент на защите прежде всего национальных интересов — либо «против *этой* Европы», либо за ту Европу, которая будет отстаивать национальные интересы.

С учетом рекордной за последние два десятилетия явки на выборы в ЕП можно утверждать, что этот наднациональный орган ЕС выражает волю более половины электората интеграционного блока. Это делает Европарламент 2019–2024 гг. более представительным и легитимным, чем ЕП предыдущего созыва, что в свою очередь укрепляет его демократический статус ЕП и способствует росту его авторитета в структуре ЕС. Такой вывод закономерен, поскольку, в отличие от других наднациональных органов в ЕС, Европарламент выбирается путем всеобщего прямого голосования.

В приведенной французской газетой «Монд» классификации националистические силы в ЕП подразделяются на две категории — на крайне правых и на правых националистов и суверенистов. В контексте политического разнообразия в ЕП особо выделяется рост в количественном выражении выбранных крайне правых националистов. В нынешнем ЕП по сравнению с предыдущим их участие увеличилось втрое — с 37 до 115[1], в то время как представительство правых националистов и суверенистов, напротив, вдвое сократилось — со 116 до 58[2]. Такой расклад сил соответствует результатам опросов «Евробарометра» и отражает настроения избирателей в странах ЕС: в сентябре 2018 г. большинство (68%) из 27474 респондентов в возрасте от 16 лет во всех странах считало, что от членства в ЕС их страна выиграла. Это самый высокий с 1983 г. процент одобряющих пребывание своих стран в ЕС[3]. Прирост поддержки связывают с эффектом референдума 2016 г. по выходу Великобритании из ЕС.

Результаты выборов в ЕП в странах-основательницах ЕС (кроме Люксембурга, где националисты не прошли в ЕП) для двух групп националистических партий — крайне правых и правых националистов и суверенистов, в соответствии с предложенной в газетой «Монд» классификацией, — приведены в табл. 1. Во Франции и Италии крайне правые стали лидерами в своих

---

* Клинова Марина Вилениновна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

[1] При этом на выборах 14 вице-спикеров с важными, в том числе представительскими функциями, определяющими имидж ЕП, сработал «санитарный кордон», выстроенный другими парламентскими фракциями, и кандидаты от крайне правых партий не прошли. См.: Les nouveaux vice-présidents du Parlement européen. 03.07.2019. URL: http://www.europarl.europa.eu/france/fr/espace-presse/les-nouveaux-vice-présidents-du-parlement-européen-ont-été-élus.

[2] Élections européennes 2019: les résultats en sièges, pays par pays, et la future composition du Parlement. Le Monde. 26.03.2019. URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2019/05/26/elections-europeennes-les-resultats-dans-l-ue-pays-par-pays_5467557_4355770.html.

[3] Effet Brexit: l'Eurobaromètre révèle que l'UE est plus appréciée que jamais. Communiqué de presse 17.10.2018. URL: http://www.europarl.europa.eu/news/fr/press-room/20181016IPR16213/effet-brexit-l-eurobarometre-revele-que-l-ue-est-plus-appreciee-que-jamais.

странах, в Бельгии — заняли второе место. Крайне правые партии названных стран не выступают за выход из ЕС.

Таблица 1. Крайне правые и правые националисты и суверенисты в ЕП 2019–2024 гг. от стран-основательниц ЕС

Страна	Крайне правые	Правые националисты и суверенисты	Место в стране	Получено голосов (%)	Число мест в ЕП
Германия	Альтернатива для Германии		4	11	11
Франция	Национальное объединение		1	23,31	22
Италия	Лига		1	34,33	28
		Братья Италии	5	8,79	6
Бельгия		Новый фламандский альянс	1	13,47	3
	Фламандский интерес		2	11,45	3
Нидерланды		Форум за демократию	4	10,9	3

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Европейского парламента (Résultats des élections européennes 2019. Parlement européen. URL: https://resultats-elections.eu/resultats-des-elections/2019-2024).

Приростом мест в ЕП правые националистические партии обязаны в основном крайне правым из Италии (под руководством лидера европопулизма Маттео Сальвини) и Франции (во главе с Марин Ле Пен). Вышедшее на первое место во Франции на этих выборах в ЕП крайне правое Национальное объединение и возглавивший предвыборный список молодой 23-летний политик Жордан Барделла заявляет о задаче не покинуть ЕС, а в сотрудничестве с союзниками из других стран скорее трансформировать его изнутри «в пользу Европы свободных наций»[4]. Это словосочетание коррелируется с названием фракции крайне правых в предыдущем ЕП 2014–2019 гг. «Европа наций и свобод». В ЕП 2019–2024 гг. фракция сменила название на «Идентичность и демократия» и вобрала в себя часть крайне правых националистов из других стран ЕС, увеличив свой состав с 37 депутатов из восьми стран до 73 из девяти стран, или с 4,92% до 9,72%[5].

В Италии две правые националистические партии — «Лига» и «Братья Италии» — в сумме получили около 41% голосов участвовавших в выборах граждан, 28 и 5 мест в ЕП соответственно. Во Франции старейшее Национальное объединение с 23,31% незначительно (меньше, чем на 1 п.п.) опередило правящую партию, созданную лишь в 2017 г. после выборов президента Франции. Пока у Национального объединения на одно место в ЕП больше, чем у партии президента

[4] Européennes: les gagnants et les perdants du premier débat. Le Parisien. 05.04.2019. URL: http://www.leparisien.fr/politique/europeennes-les-gagnants-et-les-perdants-du-premier-debat-05-04-2019-8046852.php.

[5] Résultats des élections européennes 2019. Parlement européen. URL: https://resultats-elections.eu/resultats-des-elections/2019-2024.

Эммануэля Макрона «Вперед, республика!» [6]. В случае же выхода из ЕС Великобритании и при перераспределении мест в ЕП обе политические партии получат одинаковое количество мест — по 23 кресла.

Ведущие правые националистические партии стран Новой Европы, прежде всего Вишеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), также выступают за реформирование Еврсоюза, корректировку основных направлений развития интеграции, не ставя под сомнение членство в ЕС. Часть националистических сил в этих странах, которые являются евроскептиками, не получили серьезной поддержки избирателей. Так, в Польше коалиция крайне правых из партии «Конфедерация» набрала лишь 4,55%. Для сравнения, правящая национал-консервативная партия «Право и справедливость» заручилась поддержкой 45,38% избирателей. Схожая ситуация, но с еще более впечатляющим отрывом от соперников, наблюдается в Венгрии, где правая консервативно-националистическая партия «Фидес — Венгерский гражданский союз» получила беспрецедентное количество голосов — 52,14%, оставив далеко позади всех конкурентов, в том числе крайне правую партию «За лучшую Венгрию» («Йоббик») с 6,44%. Итоги выборов по националистическим партиям в остальных странах ЕС представлены в табл. 2.

Таблица 2. Националистические партии других стран ЕС в ЕП 2019–2024 гг.

Страна	Крайне правые	Правые националисты и суверенисты	Место в стране	Число голосов (%)	Число мест в ЕП
Великобритания	Партия брекзита		1	30,75	29
		Консервативная партия	5	8,85	4
Испания	Голос		5	6,21	3
Польша		Право и справедливость	1	45,38	26
Греция	Золотая заря	-	5	4,88	2
		Греческое решение	6	4,18	1
Венгрия		Фидес – Венгерский гражданский союз	1	52,33	13
	За лучшую Венгрию		5	6,41	1
Чехия	Свобода и прямая демократия		5	9,14	2
Швеция	Шведские демократы		3	15,34	3
Австрия	Австрийская партия свободы		3	17,20	3
Болгария		Болгарское национальное движение	4	7,36	2
Дания	Датская народная партия		4	10,76	1
Финляндия	Партия финнов (Истинные финны)		4	13,80	2
Словакия	Народная партия — Наша Словакия		3	12,07	2

[6] См. подробнее о результатах выборов в ЕП во Франции в этом сборнике: Кудрявцев А.К. К итогам выборов в Европарламент во Франции.

Хорватия		Хорватские суверенисты	3	8,52	1
Латвия	Национальный альянс		3	16,4	2
Эстония	Консервативная народная партия		4	12,7	1

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Европейского парламента (Résultats des élections européennes 2019. Parlement européen. URL: https://resultats-elections.eu/resultats-des-elections/2019-2024).

Расклад сил в ЕП можно считать предварительным до ожидаемого выхода из ЕС Великобритании. В предыдущем составе Европарламента у правых националистов было три группы. В нынешнем составе одна из них, костяк которой составляли политики из популистско-евроскептической британской Партии брекзита, не смогла набрать необходимое количество стран (семь или четверть от числа стран-членов ЕС), чтобы сохранить свою фракцию. В случае брекзита вопрос об учреждении такой фракции отпадет сам собой. Пока британские националисты-евроскептики пополнили ряды депутатов, не присоединившихся ни к одной фракции. Сама Партия брекзита завоевала 40% от выделенных стране 73 мест в ЕП. Такую широкую поддержку активной части избирателей, принявших участие в выборах, можно рассматривать как своего рода еще один референдум о выходе страны из ЕС, подтвердивший результат 2016 г.

Отметим, что правые националисты не прошли в ЕП в восьми из 28 стран ЕС. Это уже упоминавшийся Люксембург, а также Ирландия, Кипр, Литва, Мальта, Португалия, Румыния и Словения.

Анализ итогов выборов в ЕП осложняет отсутствие точного определения, что следует понимать под националистическими силами, каков их состав. В документах и работах экспертов применяются различные термины: популисты, евроскептики, суверенисты. Ответственный и авторитетный европейский политик, бывший премьер-министр Италии и бывший председатель Еврокомиссии (1998–2004 гг.) Романо Проди с беспокойством отмечал рост «популистских тенденций» на протяжении последних 10–15 лет[7].

Результаты выборов в ЕП 2019 г. свидетельствуют о повсеместном подъеме правого популизма, концентрированным выражением которого стали брекзит и напряженность в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в 2016–2017 гг. в связи с миграционным кризисом. Кроме того, сказываются последствия двух других социально-экономических кризисов последнего десятилетия — финансово-экономического и суверенных долгов еврозоны, а также глобализации экономики.

Одним из последствий глобализации стало сокращение доли занятости в промышленности в странах-основательницах ЕС и перенос (для снижения издержек производства) трудоемких производств как в развивающиеся страны, так и в страны Новой Европы — ЦВЕ. В странах Старой Европы стали высказываться требования обеспечить защиту от приезжих не только из стран Азии и Африки, но и из восточной части ЕС (Румынии, Болгарии). На передний план из всех европейских проблем выходят занятость и внутренняя безопасность.

В качестве общей черты у правых националистов-популистов можно выделить неприятие иммигрантов вследствие опасения исламизации Европы и отсутствие ясных программ в сфере экономики. Что касается собственно экономической основы

[7] Проди Р. Как захлопнуть ящик Пандоры: роль России в Европе. Международная жизнь. 2016. № 5. С. 79.

всплеска правого популизма, добавим, что внутри отдельных стран ЕС долгое время назревали и не решались социально-экономические проблемы, во многом связанные с периодом нахождения у власти социал-демократов, и этим воспользовались националисты.

Итоги выборов в ЕП показали, что все больше принявших в них участие граждан стран ЕС поддерживают националистические партии, требуя смены социально-экономической политики государства. Авторитет другого ключевого наднационального института ЕС — Еврокомиссии — снижается в глазах правительств ведущих стран-членов на фоне некоторых ее решений, определяющих будущее экономики ЕС. Имеется в виду запрет в преддверии выборов в ЕП на слияние французской компании Alstom и германской Siemens в условиях, когда все более очевидной становится потребность «стимулировать подъем европейских предприятий» в условиях глобальной экономики, особенно при наличии «китайско-американской дуополии»[8] — усиления влияния двух мощнейших в мире экономик — Китая и США. Ряд европейских экспертов особенно обеспокоены распространением в ЕС влияния государственного капитала из Китая.

ЕС является и останется весьма притягательным регионом мира для прямых иностранных инвестиций (ПИИ). С одной стороны, страны-члены логично рассматривают ПИИ как фактор подъема конкурентоспособности и экономического развития. С другой стороны, у европейских политиков и экономистов возникают вопросы в случае, если инвестором является или государственное предприятие третьей страны, или предприятие, контролируемое государством третьей страны, в частности Китаем. Отметим, что сам Китай не проводит политику открытости в отношении доступа на свой рынок ПИИ из стран ЕС и европейских товаров.

Исследователи из созданного в 1996 г. бывшим председателем Еврокомиссии (1985–1995 гг.) Жаком Делором независимого аналитического центра «Наша Европа» оценили влияние инвестиций Китая в экономику стран ЕС: за 2008–2016 гг. они выросли с 0,7 млрд до 35 млрд евро. При этом в общем объеме инвестиций непрерывно увеличивается доля именно государственных предприятий КНР. Особое внимание аналитиков привлекают ПИИ в стратегические отрасли инфраструктуры. В транспортной инфраструктуре ЕС (портовой, железнодорожной, аэропортовой) доля китайских ПИИ выросла, соответственно с 20% до 51%. Китайские инвестиции направлены на ключевые морские порты ЕС. Объектами китайских инвестиций стали 5 из 10 логистически важных для европейской торговли морских портов — Роттердам, Антверпен, Валенсия, Пирей и Гавр. И инвестиции эти — практически полностью государственные. Государство КНР имеет позиции мажоритарного акционера в 6 из 14 портов, в которые страна вкладывает средства[9]. В этой сфере ЕС значительно отличается от США, где еще в 2006 г. были заблокированы инвестиции государственной компании ОАЭ DP World (Dubai Port World) в терминалы шести американских портов[10], а впоследствии контроль над ПИИ в США был еще усилен[11].

---

[8] Saint-Étienne Chr. Osons l'Europe des nations. Le défi du nouveau président. P.: L'Observatoire, 2018. P. 119, 120.

[9] Fabry E., d'Andria J.M. Les enjeux du contrôle des investissements chinois en Europe. Notre Europe. 06.02.2019. P. 1, 3. URL: http://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2019/02/Enjeuxducontrôledes investissementschinoisenEurope-FabrydAndria-fevrier2019-4.pdf.

[10] Sangermarch D.E. Under Pressure, Dubai Company Drops Port Deal. New York Times. 10.03.2006. URL: https://www.nytimes.com/2006/03/10/politics/under-pressure-dubai-company-drops-port-deal.html.

[11] См. подробнее: Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2098.

Что касается решения ЕК заблокировать слияние Alstom и Siemens, еврокомиссар по конкуренции прежнего состава ЕК, представитель Дании, мотивировала его целями поддержания конкуренции, однако тем самым она создала благоприятные условия для китайской государственной компании CRRC, образованной в результате слияния двух других государственных китайских компаний. CRRC стала мировым лидером в производстве железнодорожного оборудования при активной поддержке своего государства. Таким образом, компании стран ЕС с одобрения наднациональной евробюрократии по формальным основаниям были поставлены в невыгодные условия на рынке, и правительства Франции и Германии это четко осознают.

После блокирования со стороны ЕК слияния Alstom и Siemens Франция и Германия призвали внести изменения в национальные законодательства с учетом глобальной конкуренции, чтобы тем самым коллективно защитить свои интересы. В этом состоит одна из причин того, что в ситуации, когда Еврокомиссия не в состоянии отстаивать интересы европейцев, в ЕС на передний план выходит роль национальных государств. Франция и Германия предлагают временно прибегнуть к поддержке государственных структур (акторов) в определенных отраслях, чтобы «обеспечить их долгосрочное успешное развитие»[12]. В такой обстановке правые националистические партии апеллируют к экономическому патриотизму и получают существенную и возрастающую поддержку со стороны избирателей.

На практике получается, что наднациональная Еврокомиссия, призванная защищать интересы ЕС, проводит экономическую политику, идущую вразрез даже с собственными документами, где утверждается, что Китай является не только «экономическим конкурентом», но и «системным противником, продвигающим альтернативную модель управления»[13]. В том же ключе высказываются и другие французские эксперты, предостерегающие от усиления влияния националистического «неокапитализма» китайского типа в лице мощного «государства-партии»[14].

Укрепление позиций Китая в экономике стран ЕС, равно как и расхождение экономических интересов Евросоюза с США (в частности, по проекту «Северного потока — 2», против которого выступают Соединенные Штаты, как, впрочем, и некоторые политики в самом ЕС), подводят к мысли о необходимости привести наднациональные правила в соответствие с формирующимися реалиями в мировой политике и экономике. Игнорирование новых реалий мешает интеграции в Евросоюзе.

---

[12] A Franco-German Manifesto for a European industrial policy fit for the 21st Century. 19.02.2019. P. 3, 4. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/F/franco-german-manifesto-for-a-european-industrial-policy.pdf?__blob=publicationFile&v=2.

[13] EU-China – A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council. Strasbourg, 12.3.2019. P. 1. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf.

[14] Godement F., Vasselier A. La Chine à nos portes. Une stratégie pour l'Europe. P.: Odile Jacob, 2018. P. 8-9, 11.

*ЛУНКИН Р.Н.**

Конфессиональный фактор в европейском электоральном процессе

В ходе предвыборной борьбы за кресла депутатов Европейского парламента (ЕП) ярко проявилась многозначность восприятия религиозного фактора в политическом контексте. Религия является элементом общеевропейской идентичности в программах ряда партий политической альтернативы, которые можно назвать традиционалистскими. В глазах церковных лидеров стран Евросоюза христианство тем более является фундаментом общеевропейского единства, а отказ от него провозглашается причиной кризиса Евросоюза. Христианский вопрос и, шире, вопрос о присутствии религии в обществе и ее использовании политиками становится ключом к пониманию различных идеологических разногласий.

Защищая единую Европу от националистов, мигрантофобии, ксенофобии в целом, руководство католических и протестантских церквей в странах Евросоюза часто выступает с более либеральных позиций, чем их собственная паства. В предвыборных заявлениях межцерковных объединений Евросоюза, обращенных к избирателям, содержался призыв пойти и проголосовать на выборах в ЕП. При этом осознается «опасность популизма». Фактически те силы, которые открыто говорили о необходимости сохранения национальных традиций и суверенитета, были в той или иной форме осуждены церквями. Создается впечатление, что церковное руководство игнорирует мнение консервативно настроенных верующих в своей среде. В результате не только в европейской политике, но и в христианском сегменте общества возрастает дифференциация на либералов и традиционалистов. Углубление этого раскола хорошо видно по поведению политических деятелей и лидеров церквей. Здесь показателен пример самой крупной европейской структуры — Католической церкви, а также межконфессиональных ассоциаций Европы.

В европейской политической и социологической науке, в отличие от американской, намного меньше внимания уделяется тому, как и за кого голосуют верующие. Связано это, во-первых, с предубеждением по поводу роли религии в секулярном обществе. Последняя якобы ушла в частную сферу. Во-вторых, граждане, которые соотносят себя с исторической конфессией своего народа (католицизмом, лютеранством, православием), в европейских странах, как правило, составляют относительное большинство. Выявление небольших в процентном соотношении групп убежденных религиозных активистов считается, скорее, малоперспективным с точки зрения влияния этих групп на общую политическую ситуацию. Действительно, то, как голосуют православные в Греции или католики в Италии в большей степени зависит от политики выстраивания отношений с Евросоюзом и от разрешения социально-экономических проблем, нежели от фактора религиозной принадлежности.

Ситуация стала меняться с обострением иммиграционного кризиса и с формированием образа исламской угрозы, связанной как с радикальным исламизмом, так и с гипертрофированным представлением о будущей исламизации Европы. Несмотря на ощутимое присутствие иммигрантов в европейских городах и время от времени случающиеся теракты, возникающие фобии во многом основаны на страхе перед чем-то неизвестным. При этом нельзя недооценивать беспокойства

* Лункин Роман Николаевич — доктор политических наук, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

европейцев: оно вполне рационально, так как имеет под собой практическую почву. Об этом свидетельствуют проблемы с притоком и поведением иммигрантов, радикализация части исламского сообщества и кризис европейской солидарности в ЕС. Как показали нынешние выборы в ЕП, этим страхом воспользовались самые разные силы в своих целях. Традиционные европейские партии (прежде всего христианские демократы) обострили у избирателей ощущение необходимости единства Евросоюза перед различными вызовами. Правые популисты воплотили желание европейцев к изменениям через лозунги о защите суверенитета, идентичности и национальной культуры. Но на народных чувствах играют далеко не только популисты из числа радикалов: в данном случае популистами, по сути, являются все политики.

Фундаментальная особенность церковно-политической точки зрения — формальное стремление не вмешиваться в политику и не поддерживать ни одну из партий. При этом совершенно очевидно, что вектор церковных призывов направлен против партий политической альтернативы или, по крайней мере, против наиболее радикальных представителей этих партий. В рамках предвыборной борьбы за места в Европарламенте ярче всего проявилась двойственная и внешне противоречивая позиция христианских церквей. На первый взгляд, заявления церквей и церковных лидеров могут привести к выводу, что они действуют исключительно себе во вред. Во-первых, церковные структуры всячески отстаивают целостность и интересы Евросоюза — объединения, которое отказалось указать в своей (так и не вступившей в силу) Конституции, а затем и в Лиссабонском договоре на свои христианские корни. Помимо этого, руководство Евросоюза выступает с секулярных либеральных позиций, которые часто ограничивают верующих в их желании проявлять свою веру в публичном пространстве или же защищать свои интересы и ценности, нарушая политкорректность (называть однополые союзы грехом, носить религиозные символы где угодно и т.д.). Во-вторых, прямо или косвенно христианские церкви осуждают активистов правых партий, которые наоборот поддерживают исторические церкви, говорят об утраченной роли христианства в Европе, о необходимости вернуться к традициям и христианской идентичности.

Конференция европейских церквей совместно с Комиссией церквей по делам мигрантов в Европе издала в марте 2019 г. специальную памятку по церковной активности во время выборов в Европарламент под названием «Европа: это наше будущее». Приветствуя участие верующих в демократическом процессе, церкви отмечают, что разделяют такие ценности ЕС, как справедливость, мир, солидарность, примирение, толерантность и человеческое достоинство, и будут работать вместе ради гуманной и социально ориентированной Европы. В памятке также отмечается, что «глобальный экономический кризис, экономические столкновения и безработица, приток беженцев и рост национализма драматически изменили жизнь современной Европы»[1]. Однако церкви поддерживают европейский проект, стремятся строить мосты, выступают против изоляции. В разделе «Будущее ЕС» прямо отмечается опасность популизма и политического экстремизма и необходимость выдерживать курс Евросоюза как «сообщества общих ценностей». В разделе «Европейская социальная модель и будущее труда» выражается поддержка инклюзивной политике и развитию справедливых условий труда для всех. В частности, подчеркивается необходимость защиты частной и семейной жизни и

[1] Europe: it's our future. A tool for Church action in the 2019 European Parliament elections from the Conference of European Churches and Churches' Commission for migrants in Europe. URL: http://www.ceceurope.org/wp-content/uploads/2019/03/CEC_eu-election_EN_8.pdf.

времени от требований цифровизации и плавающего рабочего графика. По поводу миграции церкви придерживаются общей позиции, которая транслируется ими уже на протяжении нескольких лет. Так, в памятке указано: «иммигранты и беженцы из разных стран приезжают, чтобы строить новую жизнь в европейском доме. Хотя и есть вызовы, с этим связанные, иммигранты вносят свой вклад в экономическое процветание Европы и обогащают ее уже и так разнообразные общества». Программа церквей включает также такие вопросы, как изменение климата, устойчивое развитие, помощь развивающимся странам, забота о том, чтобы экономическое процветание сочеталось с социальной и экологической ответственностью. Стремление к Европе равенства и инклюзивной политике, по мнению церквей, включает права человека и свободу религии, борьбу против любых форм дискриминации и гендерное равенство. Главная задача общецерковного документа — побудить граждан участвовать в формировании европейского проекта, изучать позиции своих кандидатов и точку зрения своих же церквей[2]. К такого рода действиям верующих призвали представители 114 церквей, которые входят в Конференцию европейских церквей.

Ряд церквей и христианских организаций выступили по существу с пацифистских позиций. Это проявилось в двух документах, которые издало экуменическое сообщество «Церковь и мир» и Экуменическая консультация за справедливость и мир. Первый текст содержит вопросник, с помощью которого предполагается проверять позиции кандидатов по следующим темам: 1) субсидирование военной отрасли; 2) усиление невоенного, ненасильственного решения и предупреждения конфликтов; 3) экспорт европейского вооружения; 4) иммиграция и предоставление убежища[3]. Второй документ касается спасения «европейского мирного проекта» и призывает ЕС отказаться от военного сотрудничества с третьими странами и больше вкладывать в ненасильственное разрешение и управление конфликтами[4]. Девиз проекта — «За мир, за права человека, за Европу». Авторы документов, обращенных к кандидатам в Европарламент, отмечают, что Европа стала моделью мира для всех, когда европейская интеграция примирила врагов после Второй мировой войны. Однако в настоящее время мирная политика пала жертвой защиты от иммигрантов, и с 2021 г. ЕС планирует вложить миллиарды евро в вооружение, военные операции и укрепление своих границ. В рамках документа «Спасем европейский мирный проект» прямо указывается, что на ненасильственное разрешение конфликтов и миротворчество необходимо семь млрд евро, а на продвижение прав человека и демократию — три млрд евро в следующем семилетнем бюджетном цикле (2021–2027 гг.). В связи с предполагаемыми военными тратами Евросоюза сторонники инициативы опасаются, что парламент и страны-члены ЕС могут поддаться на давление со стороны правых популистов и вложить намного больше средств в выстраивание границ и обеспечение полицейской безопасности. Документ «Спасем европейский мирный проект» подписали 74 различных организаций из девяти стран Европы, в том числе «Гринпис», а также сеть «Церковь и мир». Среди тех, кто поддерживает антивоенные призывы к Европарламенту, — традиционно

[2] Ibid.

[3] Position checklist for the election to the European Parliament 23–26 May 2019. URL: https://www.church-and-peace.org/en/2019/02/position-checklist-for-the-election-to-the-european-parliament-23-26-may-2019.

[4] Press Release. For peace. For human rights. For Europe. 74 organisations call for the rescue of the European peace project. 02.02.2019. URL: http://www.ceceurope.org/wp-content/uploads/2019/02/PR_SavetheEuropeanPeaceProject_04022019.pdf.

пацифистские протестантские конфессии, такие как меннониты, квакеры, методисты, некоторые евангелисты, братство англикан-пацифистов и пр.

Сдержанностью и философской основательностью отличается Заявление Конференции католических епископов Европы (COMECE) по поводу европейских выборов 2019 г. Епископы напомнили будущим членам Европарламента, что Католическая церковь уже на протяжении двух тысяч лет является частью европейской конструкции. Общее настроение перед лицом существующих вызовов иерархи назвали менее оптимистичным, чем во времена заключения Лиссабонского договора. При этом современный этап Католическая церковь считает наилучшим для перезапуска европейского проекта, потому что «ЕС несовершенен и, скорее всего, нуждается в новом образе (нарративе) надежды, который сможет вовлечь граждан в проекты, которые станут более инклюзивными и будут лучше служить общему благу»[5]. Ключевыми понятиями для ЕС должны стать вновь обретенная идентичность, солидарность и субсидиарность, основанные, в том числе, на активизации диалога церквей и институтов ЕС. Как и другие межцерковные объединения, Конференция католических епископов затронула в своем заявлении вызовы цифровизации, социальной рыночной экономики, семейной политики. По поводу иммиграции и миграции епископы также призвали изменить подходы ЕС и взглянуть на проблему шире: «Интеграция является проблемой не только для тех, кто приезжает в ЕС, но и для тех, кто переезжает из одной страны в другую внутри ЕС… Кроме того, миграция и предоставление убежища — это не отдельные темы, они тесно связаны с солидарностью, вниманием к человеку, эффективной экономической и демографической политикой». Одно из пожеланий епископов звучит так: «Европа должна оставаться конкурентоспособной, не отказываясь от своих принципов и стандартов»[6]. Безусловно, епископы не могли обойти стороной и размышления папы Франциска «Переосмысляя Европу» (2017 г.) в рамках которых он пожелал Европе не терять надежду и обновиться, отвечая на нужды и ожидания граждан (включая, очевидно, и тех, кто является членами церкви). Католицизм, безусловно, стремится стать важной частью европейского проекта будущего.

Целый ряд церковных и околоцерковных организаций не только активно поддержали евроинтеграцию, но и резко выступили против национализма и всех «антиевропейских» сил. К примеру, Координационная группа по религии и образованию в Европе, объединяющая целый ряд общеевропейских союзов учителей, представителей церквей, в своем обращении по поводу выборов прямо отмечает, что единство Европы еще никогда не было в такой опасности. Кроме того, брекзит и политическая атмосфера растущего национализма поставили под угрозу европейский проект. Среди требований группы — противостояние антиевропейским голосам и силам, приверженность общим ценностям уважения к человеческому достоинству, демократии, равенству и т.д., которые следуют также из «традиции авраамических религий». Свое обращение группа заключает словами: «Надеемся, мы больше не увидим национализм снова!»[7].

Конференция церквей на Рейне выпустила обращение по теме «Европа и выборы», также сделав тревожное заявление: «Реалии и ценности, которые на нашем континенте воспринимались как должное — мир, демократия, социальная и

---

[5] Rebuilding Community in Europe. COMECE Bishops' Statement in view of the 2019 European Elections. URL: http://www.ceceurope.org/wp-content/uploads/2019/02/2019-02-12_Election_Statement.pdf.
[6] Ibid.
[7] CoGREE Appeal to take part in the European elections in May 2019 and to support educational activities for a peaceful and sustainable Europe. URL: https://cogree.org/2019/02/28/cogree-appeal-european-election.

экологическая справедливость, права человека — ставятся под сомнение. Церкви, которые внесли значительный вклад в поддержку этих ценностей в последние десятилетия, не могут оставаться в стороне от дискуссии». Помимо этого, церкви предложили шесть тезисов о будущем Европы по числу шести недель Великого поста для молитвенных размышлений: 1) созидание мира; 2) Европа солидарности и равных возможностей; 3) Европа и изменение климата; 4) индивидуальные свободы в противовес экономической и политической власти; 5) Европа разнообразия и плюрализма; 6) усиление правового государства и партиципаторной демократии, борьба с авторитаризмом[8]. В бюллетене Конференции говорится о том, что необходимо усилить Европу в духе Христа, в том числе защищая права беженцев и борясь с любыми формами расизма и национализма. По воскресеньям предполагается посвятить проповеди с библейскими чтениями следующим темам: 1) разрешение конфликтов гражданским действием; 2) как сделать мир справедливым, начав с Европы; 3) увеличение личной свободы от экономической и политической власти; 4) разнообразная и красочная Европа будущего; 5) усиление роли права и субсидиарности. Все эти молитвенные призывы были поддержаны Союзом протестантских церквей Эльзаса и Лотарингии, Евангелической церковью Бадена, Евангелической церковью Пфальца, которые и образуют Конференцию церквей на Рейне (в конфессиональном отношении они принадлежат к лютеранам и реформатам)[9].

Голосовать на выборах в Европарламент призвал также Комитет представителей православных церквей ЕС, состоящий из членов Вселенского патриархата, Московского патриархата, патриархатов Румынии, Болгарии, церквей Кипра и Греции. Православные выделили три главных направления: 1) воспитание молодого поколения в духе единой европейской идентичности как граждан демократического общества; 2) общую ответственность за прием беженцев среди стран ЕС; 3) политику сохранения окружающей среды как Божьего творения на основе инновационной сберегающей экономики. На иммиграционную проблему православные призвали смотреть шире: «необходимо более глубокое осмысление проблемы, основанное на более последовательной и дальновидной политике соседства и внешних действий»[10].

Следует отметить, что Католическая и православные церкви прямо не упоминали популистские партии в своих заявлениях и не говорили об угрозе национализма. Исторические церкви не хотят терять своих прихожан, включая ту их часть, которая голосует за правых. Православные церкви и так немногочисленны в рамках всего ЕС по сравнению с католиками и протестантами, а избиратели в Греции, Болгарии или Румынии явно симпатизируют правым популистам. Что касается католиков, то они в значительной степени ослаблены скандалами вокруг педофилии духовенства. Это подрывает доверие к Католической церкви у тех, кто мог бы ей симпатизировать, даже разделяя правые и традиционалистские взгляды.

Какую роль играют избиратели-христиане в электоральном европейском процессе?

---

[8] Élections européennes 2019: une déclaration des Églises riveraines du Rhin. URL: http://acteurs.uepal.fr/public_files/file/texte_de_reflexion.pdf.

[9] Conference of the Churches on the Rhine CCR newsletter. March–April 2019. 01.2019. URL: http://www.ceceurope.org/wp-content/uploads/2019/03/KKR_Info_EN_01_03-04.2019.pdf.

[10] Committee of Representatives of the Orthodox Churches to the European Union. Statement of CROCEU. In view of the European elections May 2019. URL: http://www.ceceurope.org/wp-content/uploads/2019/04/European-Elections-2019-1.pdf.

Исследователи отмечают большую роль религиозной аффилиации в восприятии евроинтеграции и евроскептицизма на примере референдума в Великобритании о сохранении членства в ЕС (различия есть между католиками и протестантами, а также внутри этих конфессий)[11]. Если к 1990-м гг. религиозно мотивированное голосование в Европе почти исчезло (за исключением Восточной Европы), то затем сами политические элиты сыграли большую роль в активации «религиозного голосования»[12]. Различия между различными христианскими деноминациями в рамках выборов стираются, но более выпуклым становится отличие религиозных избирателей и секуляристов[13]. В случае с Италией авторы подчеркивают традиционно большую персональную религиозность итальянских депутатов в Европарламенте (и влияние этого фактора на их голосование по вопросу о вступлении Турции в ЕС), а также значительную роль конфессиональной мотивации во внутринациональных вопросах[14]. Немецкие депутаты в ЕП делают акцент на сотрудничестве государства и религиозных институтов в социальной сфере, более критично относятся к исламу. При этом европейские политики оказываются более религиозно ориентированными, чем население Германии, но Европарламент — более секулярным, чем парламент Германии[15]. Исследования соотношения религии и голосования за различные партии в Европарламенте показали, что роль религии значительно возросла и, кроме того, христианская мотивация всегда играла роль при голосовании за христианско-демократические и консервативные партии[16].

Не преувеличивая эту роль, следует все же отметить активизацию граждан, которые идентифицируют себя с той или иной церковью. Особенно ярко это можно увидеть на примерах Франции и Италии.

Об этом говорят исследования, которые проводились в 2010-е гг. К примеру, по данным Института по изучению общественного мнения и маркетинга во Франции и за рубежом, в 2015 г. 58% практикующих католиков положительно оценили призыв папы Франциска ко всем приходам приютить семью мигрантов, 31% этого не одобрили, 11% ответили, что равнодушны к данному высказыванию. После личного посещения папой Франциском лагеря беженцев на острове Лесбос среди католиков значительно возросло положительное отношение к приему мигрантов. Помимо этого, можно отметить, что в 2015 г. на региональных выборах поддержка Национального фронта и Марин Ле Пен среди практикующих католиков составляла 25%, среди непрактикующих — 34%, а среди респондентов, не относящих себя ни к какой религии, — 24%. Часть консервативно настроенных католиков стала поддерживать М. Ле Пен несмотря на то, что сама она провозглашает принцип

[11] Kolpinskaya E., Fox S. Praying on Brexit? Unpicking the Effect of Religion on Support for European Union Integration and Membership. JCMS Journal of Common Market Studies. January 2019. P. 1–19. DOI: 10.1111/jcms.12836.

[12] Cordero G. Three Decades of Religious Vote in Europe. World Political Science. 2007. Vol. 13. Iss. 1. P. 77–98. DOI:10.1515/wps-2017-0001.

[13] Minkenberg M. Party politics, religion and elections in Western democracies. Comparative European Politics. December 2010. Vol. 8. Iss. 4. P. 385–414. DOI: 10.1057/cep.2009.5.

[14] Braghiroli S., Sandri G. (2014) Religion at the European Parliament: the Italian case. Religion, State and Society. 2014. Vol. 42. Iss, 2–3. P. 227–250. DOI: 10.1080/09637494.2014.937144.

[15] Jenichen A., Müller H. A social role for churches and cultural demarcation: how German MEPs represent religion in the European Parliament. Religion, State and Society. 2014. Vol. 42. Iss. 2–3. P. 148–165. DOI: 10.1080/09637494.2014.932081.

[16] Van der Brug W., Hobolt S.. de Vreese, C. Religion and Party Choice in Europe. West European Politics. 2009. Vol. 32. Iss. 6. P. 1266–1283.

абсолютной светскости и была против усиления роли церкви в обществе (при этом в рамках Национального фронта существует группа католиков).

Еще заметнее группа верующих проявила себя в опросе об исламе. В феврале 2015 г. французы в целом отмечали, что угрозой является не ислам, а радикалы (62%), и только 32% отметили, что ислам вообще может быть угрозой для страны. Настроения католиков были идентичны, как и почти всегда ранее, настроениям французов вообще. В июле 2016 г. настроения французов мало изменились (соответственно 63 и 33%). Однако мнения католиков разделились и уже 45% из них стали рассматривать ислам как таковой в качестве угрозы[17]. Одной из причин изменения настроений стало зверское убийство 85-летнего священника Жака Амеля, произошедшее 26 июля 2016 г. в храме святого Стефана в городе Сент-Этьен-дю-Рувре двумя деятелями «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная в России).

Конкретно для Франции это означает, что мнения части католиков стали отличаться от мнения большинства французов, а действия католических околоцерковных организаций показывают, что «Католическое действие» или Ассоциация католических семей еще заявят о себе во время гражданских акций. Во Франции также проявился и общий для Европы и ряда других регионов мира симптом: религиозный фактор стал политически мотивирующим.

Политизация религии и верующих, действительно, происходит, но при этом прямые столкновения представителей церквей и условных «правых популистов» и националистов чрезвычайно редки. Исключением, пожалуй, стала Италия, где лидер «Лиги» Маттео Сальвини подвергся критике со стороны католических прелатов за использование религиозных символов во время предвыборной кампании в ЕП. Хотя М. Сальвини отнюдь не является образцовым католиком (он разведен, у него дети от разных женщин), опросы показывают, что за него голосуют 33% практикующих католиков, что делает «Лигу» самой популярной партией среди прихожан[18]. Если в 2018 г. на всеобщих выборах она получила 12% голосов практикующих католиков, то на выборах в Европарламент в 2019 г. за нее проголосовали 27% этой категории католиков[19]. Критике (из-за политизации религии) М. Сальвини подвергся за свою речь в Милане на Соборной площади 18 мая 2019 г. во время политического ралли «Италия прежде всего» с участием других правых популистов (его речь слушали М. Ле Пен и Герт Вилдерс). Тогда М. Сальвини держал в руках четки розария и заявил, что посвящает свою жизнь и работу Деве Марии, просит у нее помощи и защиты[20]. Все это было осуждено Ватиканом.

Поскольку идеологические разделения еще не устоялись, да и воззрения лидеров католиков и лютеран часто неоднозначны, позиции партий также совмещают в себе разные элементы для привлечения электората. Где-то больше акцент на национальной самобытности и консервативных католических ценностях, как у партии «Право и справедливость» в Польше. В других случаях акцент делается

---

[17] Le rapport des catholiques à l'islamen France N°140. 16.08.2016. URL: https://www.ifop.com/publication/rapport-des-catholiques-a-lislam-en-france.

[18] Ferraresi M. How the Catholic Church Lost Italy to the Far Right. Pope Francis' retreat from culture-war politics has left a void that politicians have been all too eager to fill. The New York Times. 04.07.2019. URL: https://www.nytimes.com/2019/07/04/opinion/catholic-church-italy.html.

[19] Sorgi G. The Pope, the populist and the Italian bishops. The Tablet. 20.06.2019. URL: https://www.thetablet.co.uk/features/2/16251/the-pope-the-populist-and-the-italian-bishops.

[20] Этих святых в качестве главных святых покровителей Европы объявили папы Павел VI (в 1964 г. — св. Бенедикта Нурсийского) и Иоанн Павел II (в 1985 г. — святых Кирилла и Мефодия, в 1999 г. — остальных из списка).

на сохранении идентичности и критике Евросоюза, как в риторике лидера партии «Фидес» Виктора Орбана (за него выступают католики и Реформатская церковь, к которой он сам принадлежит). В Германии партия «Альтернатива для Германии», рассорившись с Католической церковью (которая осудила и идеологию партии, и исламофобию), безусловно, потеряла часть голосов католиков. В том, что касается выборов в Европарламент, и выигрыш, и проигрыш правых популистов связан с активной позицией верующих и церкви. В Германии еврооптимизм и политкорректность церковных лидеров совпали с настроениями граждан, и большинство в 2019 г. получил Христианско-демократический союз (хотя это большинство и стало менее осязаемым, чем прежде).

Выборы в Европарламент в 2019 г. стали одной из рубежных дат во взаимоотношениях европейского истеблишмента и правопопулистских партий. Президент Комиссии епископских конференций Европейского союза архиепископ Люксембургский Жан-Клод Холлерих позитивно отозвался об итогах выборов, отметив, что «люди видят важность европейской политики и чувствуют свою ответственность, приходя на выборы»[21].

Вместе с тем остается больше вопросов, чем ответов, связанных с позицией как церковных институтов, так и политических партий, отстаивающих суверенитет своих стран в самой разной его интерпретации. Прежде всего это тема различия во мнениях церковного руководства и простых верующих. Можно ли после скромного результата правых популистов на выборах в Европарламент окончательно отвергнуть их опасения, назвав их временным всплеском национализма и ксенофобии, игрой на чувствах народов Европы? И не станет ли это еще более циничной игрой на народных настроениях, чем та, которую вели некоторые популисты?

У представителей церквей нет готового ответа на вызовы общеевропейского кризиса, кроме призыва следовать христианским традициям. Тем не менее, христианство как основа европейской идеи интерпретируется по-разному, а христианская демократия как политическая идеология далеко ушла от христианства, превратив его скорее в символ. В этой ситуации незыблемой для христианского сообщества оказывается общеевропейская идентичность. Во многом именно благодаря консолидированной позиции церквей, мнимой или явной угрозе исламизации, единство Евросоюза остается определенной идеологической ценностью. Помимо этого, само по себе понятие идентичности постепенно наполняется содержанием, переходит из лексикона популистов в риторику тех, кто непосредственно отвечает за строительство Евросоюза. От внимания к вопросам национального суверенитета и идентичности во многом будет зависеть трансформация европейской идеи и формирование сознания новых европейцев.

[21] Roberts J.COMECE President finds positives in euro elections. The Tablet. 29.05.2019. URL: https://www.thetablet.co.uk/news/11734/comece-president-finds-positives-in-euro-elections.

*КАРИНЦЕВ О.И.**

Выборы в Европарламент и проблемы реформирования ЕС

Выборы в Европейский парламент (ЕП), состоявшиеся 23–26 мая 2019 г., показали, что Европейский союз находится в кризисе, связанном с поиском различными политическими игроками путей реформирования европейских институтов. Необходимость изменений, которая разделяется основными участниками политического процесса на европейском уровне, как правящими, так и оппозиционными, проявилась в ситуации вокруг брекзита, а также в ходе миграционного кризиса в европейских странах. Евросоюз столкнулся с необходимостью создания антикризисной повестки дня, которая бы обозначила траекторию развития единой Европы на ближайшие годы.

Прошедшие выборы являются важным политическим событием для Европейского союза, поскольку они определяют повестку дня европейского развития на перспективу. Несмотря на различия во взглядах и программных установках политических партий на европейском уровне (европартий), последние сходятся в том, что Евросоюз нуждается в реформировании, направленном на повышение прозрачности, подотчетности и эффективности евроинститутов, приведение системы принятия решений в соответствие с требованиями граждан государств-членов ЕС.

Основная идея, нашедшая отражение в программах политических партий и выступлениях партийных кандидатов в председатели Европейской комиссии в ходе предвыборной кампании, состоит в том, что ЕС нуждается в большей гибкости и децентрализации управления, снижении уровня бюрократизации и усилении политического участия государств-членов в принятии общеевропейских решений. Представители Европейской народной партии (ЕНП), а также ее партнеры — Альянс либералов и демократов за Европу, Партия европейских социалистов (ПЕС) и Европейская партия зеленых (ЕПЗ) — стремятся учесть позицию оппозиционных, евроскептических и протестных партий, предполагающую большее участие входящих в ЕС стран в политическом процессе на европейском уровне. Предлагается, в частности, усилить роль национальных парламентов в принятии общеевропейских решений.

Можно предположить, что ближайшее время в Евросоюзе пройдет под знаком преобразований, которые коснутся основных сфер и областей европейской политики, включая экономическую, социальную и финансовую, политику в области безопасности и обороны, миграционную, а также внешнюю политику. В связи с этим представляется актуальным очертить контуры реформирования ЕС в различных областях, а также охарактеризовать меры, которые предлагались ключевыми политическими игроками в ходе избирательной кампании в преддверии европейских выборов 2019 г.

Экономическая сфера и связанные с ней проблемы занимают центральное место в программах всех основных политических партий ЕС. Несмотря на то, что общепризнанной является характеристика европейской социальной модели и социальной рыночной экономики как основополагающей ценности, которая служит краеугольным камнем европейского развития, в последнее время постулаты

* Каринцев Олег Игоревич — кандидат политических наук, доцент Базовой кафедры европейских и интеграционных процессов Института мировых цивилизаций.

государственного регулирования экономики и участия государства в экономическом развитии подвергаются пересмотру со стороны основных политических игроков. Последние, в частности, требуют проведения политики дерегулирования экономики, усиления свободы предпринимательства, снижения налогов и отказа государства от экономического участия в пользу частных компаний. К масштабной приватизации, усилению роли свободного рынка и частной конкуренции в Евросоюзе призывают, например, представители правого крыла ЕНП, а также либерально-центристская группа в Европарламенте и ее единомышленники среди независимых и либерально-консервативных европейских депутатов. Так, они предлагают отказаться от европейской валюты евро в качестве единственной валюты в странах, входящих в еврозону, а также создать возможность для конкуренции различных валют в рамках Евросоюза, что должно способствовать преодолению последствий финансово-экономического кризиса в еврозоне и недопущению повторения подобных событий в перспективе. Свободная конкуренция валют, вплоть до создания валютного союза Германии, Нидерландов, скандинавских и других стран, с точки зрения сторонников реформирования ЕС, позволит также снизить диспропорции в области финансового обеспечения и оживить экономический рост в наиболее отсталых и периферийных государствах Евросоюза. Отказ от государственного вмешательства в экономику на европейском уровне предполагает переход инициативы в формировании экономической повестки дня к государствам-членам ЕС.

Миграция является одним из наиболее социально чувствительных вопросов европейской политики, который затрагивает также проблемы европейской безопасности, внешней политики, мультикультурализма и социальной сферы. Несмотря на то, что в последнее время в европейских странах усилились тенденции к ограничению миграции, антиммигрантские настроения и скептицизм в отношении адаптации и интеграции иммигрантов в европейское общество, среди основных политических партий и игроков существует убежденность в пользе миграции. Хотя миграция является трудным, болезненным и тяжелым процессом, сопровождающимся изменением привычных рамок поведения и социальной жизни, привлечение иностранной рабочей силы вызвано, с точки зрения основных европейских партий, необходимостью, связанной как с демографической ситуацией в странах ЕС, так и с потребностями европейской экономики в притоке кадров из-за рубежа.

То же самое относится и к политике в отношении беженцев и их социального обеспечения. ЕНП и другие ведущие политические игроки в ЕС считают необходимым продолжить политику предоставления убежища и социальной адаптации жителей Ближнего Востока, Северной Африки и других регионов, пострадавших от военных действий и тяжелой гуманитарной ситуации. То же самое относится и к миграции внутри ЕС. Несмотря на неоднозначность предпринимаемых в странах Центральной и Восточной Европы мер по поощрению миграции своих граждан в западноевропейские страны, данные меры считаются необходимыми для восполнения нехватки рабочей силы в Западной Европе и поддержки экономики стран периферии, зависимых от притока финансов от граждан, работающих в других странах Евросоюза. Вместе с тем в среде европейских политических партий признается, что политика привлечения мигрантов из стран Ближнего Востока имеет серьезные последствия для европейских стран в плане изменения культурно-цивилизационного и религиозного ландшафта Европы.

Расширение ЕС — еще один вопрос, вызывающий существенные разногласия между политическими партиями. Предыдущий состав Европейской комиссии во главе с Жаном-Клодом Юнкером объявил о приостановке присоединения новых

государств-членов на срок своей деятельности. Бывший кандидат на пост председателя Еврокомиссии от ЕНП Манфред Вебер в ходе предвыборной кампании заявлял, что является противником присоединения Турции к ЕС, хотя и поддерживает привилегированное партнерство между двумя сторонами. Значительно замедлился процесс евроинтеграции Западных Балкан, которые еще пять-семь лет назад рассматривались в качестве фаворита очередного этапа европейского строительства. Но при этом ведущие политические партии заявили о своей поддержке дальнейших переговоров о присоединении к ЕС стран-кандидатов, хотя и подчеркнули, что данный процесс имеет постепенный и поэтапный характер и не следует ожидать быстрых результатов. В настоящее время статусом кандидатов на членство в Евросоюзе обладают Албания, Северная Македония, Черногория, Сербия и Турция, а потенциальными кандидатами являются Босния и Герцеговина и Косово, которое, в то же время, не признается в качестве независимого государства пятью членами ЕС — Испанией, Грецией, Кипром, Словакией и Румынией. Заявляют о своей приверженности курсу на вступление в Европейский союз и государства Восточного партнерства, заключившие соглашения об ассоциации с ЕС, — Украина, Грузия и Молдова. Не снимается с повестки дня и европейская перспектива для Исландии; также остается нерешенным вопрос о будущих взаимоотношениях между Соединенным Королевством и ЕС.

Среди основных партий Евросоюза распространено представление о ЕС как о глобальном игроке, который призван играть существенную роль в мировой политике — как в сфере урегулирования кризисов и конфликтов, так и в области взаимодействия между сторонами в интересах глобальной безопасности и международной стабильности. Вместе с тем политические партии имеют различные представления о том, каким образом ЕС следует осуществлять эту роль. ЕНП, ПЕС, либеральное «Обновление Европы» и ПЕЗ призывают к более активному участию Евросоюза в формировании глобальной повестки дня, в то время как евроскептические, популистские и националистические партии выступают за снижение его роли в мировых делах и концентрацию на проблемах внутреннего развития европейских стран.

Реформа внешней политики предполагает в связи с этим акцент на двустороннем подходе к международному сотрудничеству, что означает фокусирование на взаимодействии с национальными игроками и государствами, а не на представительстве в международных организациях и структурах. Сторонники реформирования считают, что ЕС может лучше реализовывать свои интересы на международной арене посредством заключения двусторонних соглашений, охватывающих различные сферы деятельности на взаимовыгодной основе, включая торговлю, безвизовый режим, политическую ассоциацию, экономическое взаимодействие и сотрудничество в сфере прав человека. В качестве примера рассматривается британский опыт кооперации с внешними игроками, в том числе по линии Содружества наций, которое уже оправдало себя как эффективная модель взаимодействия между странами, разделяющими общие ценности и подходы в международных делах.

Результаты выборов в Европарламент показали, что партийно-политический ландшафт современной Европы за последние полтора-два десятилетия претерпел незначительные перемены. ЕНП удерживает лидерство на политической арене начиная с 1999 г., а ее неизменными союзниками по коалиции на европейском уровне являются либералы и ПЕС. Вместе с тем ЕНП в современный период занимает более правоконсервативные и еврореалистические позиции, чем пятнадцать-двадцать лет назад. В результате размежевания с группой

«Европейские демократы», приведшего к созданию новой политической группы «Европейские консерваторы и реформисты», ЕНП стала более однородной в политическом отношении и в ней стала больше превалировать христианско-демократическая направленность.

Реформирование Европейского союза, о котором говорят представители различных политических партий в европейских странах, охватывает множество сфер и областей, начиная от экономики и внутренней политики и заканчивая международной безопасностью и внешней политикой. Оно требует изменения формата большой коалиции, которая уже на протяжении двух десятилетий включает ЕНП, «Обновление Европы» и Прогрессивный альянс социалистов и демократов (в новом созыве ЕП к ним могут присоединиться «Зеленые»). Очевидно, что основная линия размежевания в Евросоюзе проходит между теми, кто стремится к преобразованиям на началах свободного рынка, децентрализации, усиления роли национальных правительств, дерегулирования экономики и уточнения внешней политики и политики в области безопасности, и теми, кто считает необходимым продолжение евроинтеграции в прежнем формате. Размежевание между проевропейскими силами и евроскептиками теряет свою актуальность перед лицом общих вызовов и задач, с которыми сталкивается Евросоюз на пороге третьего десятилетия XXI в.

Часть II
Изменение партийного ландшафта в ведущих странах ЕС

*РУБИНСКИЙ Ю.И.**

Франция: Макрон против Ле Пен

Кампания перед очередными, девятыми по счету выборами нового состава Европарламента, прошедшими 23–26 мая 2019 г.[1], и их результаты во Франции отражают свойственную большинству стран-членов ЕС общую тенденцию — заметное повышение электоральной активности на фоне прогрессирующей поляризации и фрагментации политического поля.

Впервые за последнюю четверть века к урнам для голосования на евровыборах пришли более половины зарегистрированных избирателей — 50,1% вместо 42,4% на предыдущих выборах 2014 г., в частности пассивная ранее молодежь. При этом на 74 депутатских мандата, составляющих квоту Франции в Брюсселе и Страсбурге из 751, претендовало рекордное число партийных списков — 34. Это обстоятельство во многом объяснялась принятой на сей раз избирательной системой — пропорциональным представительством всех партий в соответствии с полученным ими числом голосов в национальном масштабе[2]. Неудивительно, что большая часть партийных списков, выдвинутых зачастую просто в пропагандистских целях (28 из 34), не собрала 5% голосов, необходимых для участия в распределении французской квоты депутатских мандатов. Многие не получили даже 3%, которые дают право на компенсацию из бюджета части расходов на предвыборную агитацию. Среди них на крайне левом фланге фигурировали коммунисты и троцкисты, на крайне правом — националисты партии «Вставай Франция!» Николя Дюпона-Эньяна, в центре — Союз либералов и независимых.

Гораздо более важными оказались плачевные результаты обеих прежних системообразующих партий правого и левого центра — «Республиканцев» (8,5%) и Социалистической партии (6,2%), которые регулярно сменяли друг друга у власти в Пятой республике на протяжении нескольких десятилетий. По итогам выборов председатель «Республиканцев» Лоран Вокье был вынужден уйти в отставку. Дальнейшее существование партии находится под вопросом. В числе проигравших находится также еще недавно массовое левацкое движение «Непокоренная Франция» Жана-Люка Меланшона, набравшее 6,3%.

Глубокий кризис двух опор прежней биполярной партийно-политической системы Франции стал очевидным уже в ходе президентских выборов 2017 г., когда их кандидаты республиканец Франсуа Фийон и социалист Бенуа Амон не смогли выйти во второй тур и выбыли из дальнейшей борьбы. Причины этого были очевидны. Глубокое разочарование избирателей в обоих предыдущих президентах — республиканце Николя Саркози и социалисте Франсуа Олланде, которые не сумели справиться с последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008–2011 гг., — вызвало рост влияния популистских движений на крайних флангах политического спектра (Национального фронта справа и «Непокоренной Франции»

---

* Рубинский Юрий Ильич — доктор исторических наук, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН.

[1] Инициатором избрания депутатов Европарламента всеобщим прямым голосованием, которое впервые проводилось в 1979 г., был тогдашний президент Франции Валери Жискар д'Эстен.

[2] Границами единого избирательного округа считалась вся территория Франции, включая метрополию, заморские департаменты и территории.

слева). Их конкуренция переносила центробежные тенденции внутрь обеих системных партий, подпитывая фракционную борьбу, чреватую расколами[3].

Судьба ключевого в Пятой республике поста главы государства решилась в поединке лидеров двух несистемных партий — ультраправого «Национального фронта» М. Ле Пен и нового, созданного уже в ходе кампании центристского движения «Вперед, республика!» во главе с Эммануэлем Макроном, объявившим себя «и левым, и правым»[4]. Причем в центр противостояния между ними, особенно во время решающих теледебатов накануне второго тура, наряду с внутренними социально-экономическими проблемами (темпы роста, занятость, налоги и т.д.) выдвинулись вопросы внешней политики, прежде всего евроинтеграции. М. Ле Пен выступала под флагом воинствующего антиглобализма и евроскептицизма («патриоты против глобалистов»), тогда как Э. Макрон позиционировал себя как убежденный сторонник евроинтеграции («прогрессисты против националистов»).

В итоге убедительную победу одержал Э. Макрон: если в первом туре его перевес составлял 2,7 п.п. (24 против 21,3%), то во втором он опередил свою соперницу почти вдвое (66,1 против 33,9%). Это предопределило результаты выборов месяцем позже в нижнюю палату парламента, где президентская партия «Вперед, республика!» получила абсолютное (313 из 577 депутатских кресел), а вместе с примкнувшим центристским Демократическим движением Франсуа Байру и перебежчиками слева или справа — подавляющее большинство[5].

Приход никогда ранее не замеченного в активной партийной деятельности 39-летнего Э. Макрона сопровождался отторжением и радикальным обновлением — возрастным, профессиональным, гендерным — всего верхнего эшелона политических элит, дискредитированных застоем экономики, нерешенностью социальных проблем, прежде всего занятости и иммиграции, а также морально запятнанной коррупционными скандалами[6]. Новый депутатский корпус состоит не из профессиональных политиков, а чаще из технократов — чиновников, выходцев из структур гражданского общества и деловых кругов. Это делает их полностью зависимыми от президента, которому они обязаны своим избранием, но в то же время увеличивает риск безответственности и дилетантства.

В таких условиях евровыборы 2019 г. должны были подвести итог двум годам реформаторской деятельности президента и дать первый, пока сугубо предварительный ответ на вопрос о будущем созданной под его руководством партийно-политической системы на месте ушедшей в прошлое биполярной. Сохранится ли безраздельная гегемония президентской партии «Вперед, республика!» или она останется преходящим эпизодом в противоречивой, богатой переменами истории Франции?

Более того, евровыборы 2019 г. окажут немалое влияние на судьбы евростроительства в целом, у истоков которого в середине XX в. стояла именно Франция. Завершение болезненного процесса брекзита, серьезные трудности правящей большой коалиции в Германии, перспектива ухода с авансцены канцлера Ангелы Меркель на фоне ревизии президентом США Дональдом Трампом прежних основ трансатлантических связей открывают, казалось бы, перед Францией в лице Э. Макрона шансы на роль неформального лидера континентальной Западной

---

[3] См.: Рубинский Ю.И. Приметы времени. Т. III: Франция на новых рубежах. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 193–222.

[4] См.: Бунин И. Выборы Макрона или выбор Франции: французская политика в 2017–2018 гг. М.: Школа гражданского просвещения, 2018.

[5] См.: Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2017.

[6] Bigorgne L., Baudry A., Duhamel O. Macron, et en même temps… Pairs, Plon, 2017. P. 159–222.

Европы, на которую он откровенно претендует. Однако на этом пути его ожидает немало серьезных экономических и политических препятствий, как внутреннего, так и международного плана, которые нашли отражение в ходе кампании перед евровыборами и их результатах.

Сразу же после прихода в Елисейский дворец молодой, динамичный и амбициозный президент приступил к реализации широкомасштабной программы коренного преобразования социально-экономической модели, сложившейся во Франции после Второй мировой войны, которая не была в состоянии найти адекватные ответы на вызовы глобализации XXI в.[7] За первые полтора года по его инициативе правительство Эдуара Филиппа разработало и провело через парламент, при опоре на дисциплинированное большинство депутатов, 77 крупных законопроектов, затронувших самые разные аспекты экономики, социальных отношений и политики. Коренной ревизии подверглись трудовой кодекс, налоговая система, антикоррупционное законодательство, структура народного образования, статус госмонополий и многое другое.

Однако реальная отдача этих мер требовала времени, тогда как их неизбежные издержки были распределены весьма неравномерно. Они отвечали прежде всего интересам элит и верхнего слоя среднего класса — предпринимателей, управленцев высшего и среднего звена, части интеллигенции крупных городских центров, успешно вписавшихся в процессы глобализации и европейской интеграции. Именно они составили основной костяк электората Э. Макрона в первом туре президентских выборов 2017 г. (24% — 8,8 млн человек).

В то же время перечисленные выше меры явно ущемляли интересы значительной части «народных» категорий избирателей — рабочих, служащих, мелкой буржуазии в малых провинциальных городах и сельской местности, особенно на северо-востоке страны, где сосредоточены предприятия традиционных отраслей экономики, переживающих в условия глобализации глубокий кризис. Естественно, что они воспринимали постмодернистский, либерально-глобалистский дискурс Э. Макрона с недоверием, а затем и открытой враждебностью, что не замедлило отразиться на рейтингах президента. Если сразу после избрания в мае 2017 г. симпатию и доверие ему выражали 63% респондентов, то уже через полгода их число сократилось наполовину, а к весне 2019 г. — вдвое (23–30%).

Этому способствовал характерный для главы государства «бонапартистский» стиль правления, естественный для успешного выходца из административно-технократической элиты. Принятие императивных решений вертикалью власти при игнорировании интересов органов местного самоуправления и структур гражданского общества, в том числе профсоюзов, склонность к резким, иной раз оскорбительным для оппонентов формам полемики наносили несомненный ущерб имиджу Э. Макрона[8].

К этому добавился скандал в ближайшем окружении главы государства, разразившийся после того, как 1 мая 2018 г. его личный охранник Александр Беналла грубо превысил свои полномочия при разгоне студенческой демонстрации в Латинском квартале. Видеозапись этого эпизода, а также сведения о других его противоправных действиях стали предметом расследования комиссий Сената, где большинство сохраняют оппозиционные республиканцы. Это вызвало

[7] Она изложена в автобиографической и программной книге под броским заголовком «Революция» уже в ходе президентской кампании. См.: Macron E. Révolution. C'est notre combat pour la France. Paris: XO-éditions, 2016.

[8] La France d'Emmanuel Macron. Sous la direction de Riccardo Brezzi et Marc Lazar. Paris: PUF, 2017.

демонстративную отставку двух ключевых членов кабинета министров — Жерара Колона и Николя Юло, в прошлом близких к президенту.

Все эти факторы вместе взятые объясняют причины массового движения протеста, начавшегося 17 ноября 2018 г., когда на улицы и перекрестки дорог французских городов, в том числе столицы, вышли 282 тыс. демонстрантов в желтых жилетах, требовавших отмены новых акцизов на автомобильное топливо. Хотя их численность постепенно сокращалась, демонстрации продолжались каждую субботу на протяжении полугода, сопровождаясь уличными беспорядками, стычками с полицией и актами вандализма в центре Парижа — на Елисейских полях, а также в Лионе, Марселе, Тулузе, Страсбурге и многих других городах.

Резко осудив эти эксцессы и приняв жесткие меры по наведению порядка (под суд попали тысячи погромщиков-экстремистов) президент и правительство были вынуждены пойти на определенные уступки протестующим, обошедшиеся бюджету в 17 млрд евро. Очевидно, что социальный кризис общенационального масштаба нанес чувствительный ущерб авторитету Э. Макрона не только внутри страны, но и на международной арене, особенно в странах Евросоюза, в том числе в глазах привилегированного партнера — Германии.

Именно это определило тематику предвыборной кампании президента накануне выборов в Европарламент. Она была призвана решить сразу несколько задач — подвести черту под протестным движением, открыть, с учетом его уроков, новый этап модернизационных реформ во Франции и подтвердить заявку на лидерство Парижа в процессе обновления ЕС.

Внутренние аспекты этой тактики нашли отражение в так называемых больших дебатах — трехмесячной дискуссии с участием мэров коммун и представителей гражданского общества, результаты которой были переданы на рассмотрение в парламент, где абсолютное большинство правящей партии исключало любые неожиданности. В то же время основной темой кампании, которую президент возглавил лично, являлось жесткое противостояние популистскому евроскептицизму в лице Национального объединения (бывшего Национального фронта) и его лидера М. Ле Пен. Главной задачей правящей партии «Вперед, республика!» было объявлено предотвращение любой ценой выхода списка кандидатов от Национального объединения на первое место (которое оно уже занимало на предыдущих евровыборах 2014 г.). Тем самым президент явно пытался повторить опыт президентских выборов 2017 г., в ходе которых ему удалось существенно опередить соперницу, и сделать заявку на аналогичный расклад сил на следующей дуэли за Елисейский дворец в 2022 г.

Парадокс ситуации состоял в том, что такая перспектива вполне устраивала и М. Ле Пен, которая стремилась стать в глазах избирателей единственно возможной альтернативой Э. Макрону. Поэтому ее кампания была своего рода зеркальным отражением президентской.

Оба антагониста вполне естественно старались учитывать уязвимые стороны позиций оппонента. Э. Макрон рисовал катастрофические перспективы изоляции и краха экономики Франции в случае выхода из ЕС по британскому сценарию. В свою очередь М. Ле Пен играла на протестном движении в результате реформ, изобличала произвол брюссельской бюрократии и требовала восстановления национального суверенитета Франции, особенно в том, что касается борьбы с массовой иммиграцией. Вместе с тем усилия обоих по взаимной демонизации имели на сей раз определенные границы и не исключали жестов в адрес избирателей оппонента. Если президент несколько ужесточил свои подходы к иммиграционной

проблематике, то его противница сняла прежние требования выхода из еврозоны и проведения референдума о членстве в ЕС.

Этот поединок четко вписывался в международный контекст, который определялся столкновением либералов-европеистов с евроскептиками и суверенистами, пришедшими к власти в ряде стран Центральной и Восточной Европы, Австрии и Италии. Их кампанию пытался координировать бывший советник Д. Трампа ультраправый Стивен Бэннон, который обосновался в Европе и посетил Францию накануне выборов.

Нестандартный, противоречивый характер кампании перед выборами 2019 г. в Европарламент вообще и во Франции, в частности, подтвердили и их результаты, которыми оказались по-своему удовлетворены лидеры обоих противоборствующих лагерей.

Хотя Национальному объединению все же удалось выйти по числу голосов на первое место, президент отнюдь не последовал требованию соперницы рассматривать этот результат как вотум недоверия и подать в отставку по примеру генерала Шарля де Голля. Напротив, он с оптимизмом воспринял итоги выборов, которые, с его точки зрения, подтвердили статус правящей партии «Вперед, республика!» как главного претендента на роль системообразующей политической силы вместо разгромленных республиканцев и социалистов. Тем самым он сделал заявку на второй пятилетний мандат своей кандидатуры в 2022 г.

Кроме того, в новом составе Европарламента блок Европейской народной партии и Прогрессивного альянса социалистов и демократов утратил прежнее абсолютное большинство, которое ранее обеспечивало этим фракциям контроль над всеми институтами ЕС. Это открыло перед центристской группой либералов, к которой примкнул 21 депутат от макроновской партии, шансы на выигрышную роль арбитра в лагере европеистов перед лицом усилившейся оппозиции евроскептиков.

Сразу же после выборов Э. Макрон вновь выступил со своей программой радикальной модернизации ЕС, а премьер-министр Э. Филипп представил план новых реформ на предстоящие три года. В свою очередь М. Ле Пен не скрывала удовлетворения тем, что ее партия убедительно подтвердила притязания на роль главной оппозиционной силы и потенциальной альтернативы правящему большинству. В Европарламенте 22 представителя Национального объединения создали фракцию вместе с рядом других евроскептиков (хотя и далеко не всеми), благодаря чему получили важную пропагандистскую трибуну.

Тем не менее, реальные перспективы обоих антагонистов остаются неоднозначными. Безусловно, Э. Макрон усвоил уроки движения «желтых жилетов» и скорректировал предстоящие реформы с учетом роста влияния партии «Европа — Экология — Зеленые» во главе с Янником Жадо, получившей 13,5% голосов, расширил консультации с мэрами 3,5 тыс. коммун и социальными партнерами. Однако шансы его партии во многом зависят от итогов муниципальных выборов в марте 2020 г., а затем — выборов в региональные советы и Сенат, где большинство пока сохраняют оппозиционные республиканцы. То же относится и к Национальному объединению, которое до сих пор так и не смогло создать прочную базу в органах местного самоуправления.

Таким образом, перспективы Франции (а вместе с ней и всего Евросоюза) остаются в предстоящие годы многовариантными, с возможностью различных, порой неожиданных поворотов, которыми так богата политическая история страны.

*КУДРЯВЦЕВ А.К.**

«Второй акт» пятилетия Макрона

Евровыборы подтвердили неслучайность тектонических сдвигов в партийно-политической системе страны, произошедших по результатам избирательного цикла 2017 г. Напомним, что речь идет о резком ослаблении традиционных ведущих партий — «Республиканцев» и Социалистической партии; о захвате доминирующих позиций центристской политической группировкой; о расширении влияния радикальных движений, которые подпитываются возросшим отчуждением масс от политической элиты.

Макроновская «Вперед, республика!» не добилась заявленной цели, заняв второе место с 22,4% голосов и пропустив вперед праворадикальное Национальное объединение под руководством Марин Ле Пен (23,3%).[1] На первый взгляд, это неоспоримое поражение. Даже в президентском окружении первые комментарии были осторожными: достигнутые результаты, разумеется, не являются победой, но в то же время это и не поражение. На самом деле победителем евровыборов 2019 г. во Франции, пусть и неявным, теневым, стал президент Эммануэль Макрон. Тот самый политически ослабленный на фоне затяжного социального кризиса Э. Макрон, будущее которого казалось неопределенным.

При внимательном рассмотрении обращают на себя внимание следующие детали.

Разрыв между результатами двух ведущих партийных списков ничтожен — менее 1 п.п. Рискованный маневр исполнительной власти на завершающем отрезке кампании позволил сбить нараставшую протестную волну. К изначально присутствовавшей драматизации ситуации добавилась активная поддержка партии «Вперед, республика!» со стороны правительства и самого Э. Макрона, фактически выступившего лидером политического движения вопреки своему надпартийному статусу президента. В обстановке неулегшегося социального кризиса и невысокой популярности президента на промежуточных выборах, которые всегда дорого обходятся действующей исполнительной власти, президентская партия подтвердила, что она вписалась в политический пейзаж и занимает в нем ведущие позиции. Были опрокинуты представления, будто стремительный взлет недавно созданного буквально из ничего промакроновского политического новообразования, позиции которого казались и на самом деле были весьма уязвимыми, — явление временное. Характерно, что крайне правые, пытавшиеся представить евровыборы как референдум по курсу Э. Макрона, намеревались в случае крупного успеха поставить вопрос об отставке президента. Однако ознакомившись с фактическими результатами выборов, они ограничились «более скромным» заявлением о необходимости распустить парламент.

Национальное объединение продемонстрировало, что входит в тандем ведущих политических сил страны, а на текущий момент даже его возглавляет. Оно умело воспользовалось массовым недовольством и выступило выразителем

---

* Кудрявцев Андрей Константинович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

[1] Здесь и далее данные по результатам выборов приводятся по: Roger P. Elections européennes 2019 : radiographie d'une France coupée en deux. Le Monde. 27.05.2019. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/05/27/radiographie-d-une-france-coupee-en-deux_5468051_823448.html.

настроений низшего звена среднего класса, населяющего в основном французскую провинцию. Между тем сложившаяся двухполюсность политической жизни работает на Э. Макрона. Президент исходит из того, что в поединке с любыми радикалами он и близкое ему окружение всегда выйдут победителями в силу принципа «республиканской дисциплины» — своеобразной тактики меньшего зла, в соответствии с которой избирателю независимо от его политических предпочтений следует безо всяких иллюзий во втором туре голосовать за более умеренных оппонентов, чтобы не допустить победы антисистемного кандидата.

Добавим, что прошедшие выборы так и не выявили деятелей, способных предстать вызывающей доверие альтернативой действующему президенту. Нынешний политический пейзаж страны — это Э. Макрон и французская пустыня.

Прежние правительственные партии не смогли встать с колен после поражения 2017 г. Президентские выборы Э. Макрон выиграл с позиций левого центра, нанеся нокаутирующий удар по Социалистической партии. На сей раз борьба развернулась за правоцентристского избирателя. Новое руководство «Республиканцев», решившее продолжить правоуклонистскую линию с преимущественной опорой на консервативную часть электората и развернувшее фронтальную атаку на Э. Макрона в расчете на его неудачу, привело партию к жестокому поражению. Она получила 8,5% голосов, что стало худшим результатом за всю ее историю. Зажатые между жерновами центристов и правых радикалов «Республиканцы» потеряли на обоих фронтах, проиграв сражение за правый центр. Добрая половина избирателей Франсуа Фийона первого тура президентских выборов перетекла к макронистам (32%) и лепеновцам (20%).[2] Внутри партии с новой силой вспыхнули споры по поводу политического курса, который дал бы ей возможность расширять свое влияние в различных социальных группах, без чего нельзя победить на общенациональных выборах. «Республиканцы», похоже, надолго погружаются во внутрипартийные разборки, предполагая запустить широкое обсуждение или, как они сами говорят, «генеральные штаты» по вопросам программных и стратегических установок.

Плачевными выглядят показатели Социалистической партии, получившей 6,2% голосов. При этом ей удалось избежать откровенной катастрофы (менее 5%), которую предсказывали отдельные опросы, что закрыло бы ей дверь в Европарламент и, напротив, открыло перспективу обвальной маргинализации. Между тем открытым остается вопрос, кто и, главное, на какой идейной основе предпримет (если вообще предпримет) попытку возродить утраченное влияние Социалистической партии.

Раздробленные левые движения по-прежнему пользуются поддержкой избирателей. Вместе с тем выборы выявили заметные подвижки в левом спектре. «Непокоренная Франция» Жана-Люка Меланшона утратила статус главной оппозиционной силы режиму Э. Макрона (6,3% голосов — втрое меньше результата их лидера в первом туре президентских выборов). Сначала резкие заявления Ж.-Л. Меланшона пагубно отразились на его популярности, затем поддержка радикалов в разгар кризиса «желтых жилетов» оттолкнула от него часть общественного мнения, но так и не открыла путь к взаимодействию с протестным движением и возможность опереться на его популярность. Задачи выхода на лидирующие позиции в левом лагере и поиска будущих союзов или, как говорят «непокоренные», создания «народной федерации» — объединения лозунгов и идейных установок, повисли в воздухе.

---

[2] Bellan M. Européennes: un double tournant dans l'électorat senior. Les Echos. 27.05.2019. https://www.lesechos.fr/elections/europeennes/europeennes-un-double-tournant-dans-lelectorat-senior-1024473.

Неожиданным выглядит прорыв экологистов, вышедших с 13,5% голосов на первое место в левом секторе. Тревога по поводу состояния окружающей среды, подогреваемая предсказаниями надвигающейся вселенской катастрофы, питает озабоченность в связи с негативным воздействием экономического роста на природу. В этой обстановке открывается дополнительный фронт борьбы за экологически озабоченного избирателя. Как сразу же после выборов заявил премьер Эдуар Филипп, правительство непременно учтет поступивший от гражданского общества сигнал и сделает все возможное для того, чтобы экономическая политика «решительно позеленела». Наблюдатели заговорили даже о возможном возрождении левых сил на основе обширного «экологически чистого» общественного проекта.

Подтверждение партией «Вперед, республика!» ведущих позиций на внутриполитической арене чрезвычайно важно в преддверии предстоящих в 2020 г. муниципальных, а в 2021 г. — региональных выборов. Макронисты уверены, что избранники прежних правительственных партий будут вынуждены искать их поддержки, ведь переизбрание, как и Париж, стоит мессы. В дальнейшем ставится задача сделать из партии Э. Макрона неизбежный элемент любой коалиции при формировании правящего большинства, какова бы ни была политическая окраска президентской власти.

То же самое можно сказать и о европейском измерении итогов выборов во Франции. В Европарламенте группа центристов, в которой макронисты не без оснований претендуют на роль первой скрипки и если не «делателя королей», то, по крайней мере, арбитра при принятии важнейших решений. Благодаря этому, полагают в окружении президента, появляется дополнительная точка опоры для продвижения идей Э. Макрона по развитию евростроительства.

Результаты последних выборов сохранили политические условия для продолжения курса на совершенствование национальной социально-экономической модели или, как говорят обозреватели, «второго акта» пятилетия Э. Макрона. Но хотя внутриполитическая ситуация, казалось бы, не ставит палки в колеса реформаторскому курсу, следовать ему придется в обстановке более жестких социально-экономических ограничений, чем раньше.

Во-первых, кризис «желтых жилетов» выявил, что во Франции существует достаточно широкая прослойка населения, не являющаяся бедняками, пристегнутыми к социальным пособиям, у которой накопились серьезные проблемы с уровнем и качеством жизни. И эти социальные группы готовы активно отстаивать свои интересы без опоры на профсоюзы и политические организации.

Во-вторых, не подтвердились надежды на то, что Франция вышла из зоны вялого экономического роста. В обстановке ухудшившейся международной конъюнктуры в 2019–2022 гг. ежегодная хозяйственная динамика Франции, полагают эксперты, составит около 1,4% ВВП вместо ранее предполагавшихся 1,7% ВВП. Нельзя сбрасывать со счетов и вероятность очередного спада производства и экономического кризиса. Масла в огонь подливает обострение торговых войн, которые развязала администрация ДональдаТрампа.

Все это заметно сужает маневренность властей, а поиски решений той или иной проблемы, сопряженные с дополнительными затратами, нередко напоминают известную историю с «тришкиным кафтаном».

Названные обстоятельства, а также социальные поблажки, на которые власти были вынуждены пойти под давлением массовых протестов, уже заставили смягчить политику бюджетного оздоровления. Достаточно сказать, что, согласно скорректированным прогнозам, к окончанию президентского срока государственный долг по отношению к ВВП сократится всего на 1,5 п.п. вместо ранее заявленных 5 п.п.,

то есть фактически останется на прежнем уровне. Из двух целей, стоявших перед новой властью, а именно оздоровления правительственных финансов и проведения структурных реформ, Э. Макрон, похоже, решил частично поступиться первой. За этим стоит не только нехитрый расчет на то, что для избирателя важны прирост личных доходов и расширение занятости, а не состояние финансов. Все — серьезнее. При долговременном сохранении предельно низких процентных ставок ослабление режима бюджетной экономии признается экспертами допустимой ценой, которую приходится платить за возможность продолжать структурные реформы. Логика понятная, но рискованная. Любой экономический срыв и ужесточение условий кредитования может обернуться перенапряжением государственных финансов, лишенных запаса прочности.

Дополнительные сложности обусловлены финансированием обязательств в связи с обещанным президентом снижением поступлений от подоходного налога на 5 млрд евро, которое предполагается частично покрыть путем сокращения налоговых льгот предпринимателям. Понятно, что среди этих льгот есть устаревшие и малоэффективные, но в целом ухудшение финансового положения предприятий входит в противоречие с логикой политики предложения (которой до сих пор придерживались власти), нацеленной на повышение конкурентоспособности национальных производителей.

Не меньше вопросов вызывает декларированное усиление экологического измерения политики правительства. К нему относятся и теплоизоляция зданий, и развитие экологически чистого транспорта, и другие меры, уже внесенные в соответствующие программы, осуществление которых, однако, сдерживается из-за нехватки бюджетных средств. Вновь вплывает проблема введения экологических («углеродных») налогов, которые расширили бы возможности финансирования природоохранной деятельности. Но еще живы воспоминания о том, как повышение таких налогов без должного социального сопровождения спровоцировало протесты «желтых жилетов». Эти и массу других противоречий предстоит разрешать законодателям в ближайшее время при принятии бюджета на 2020 г.

Законопроект об административной реформе уже обсуждается в парламенте. Э. Макрон признал, что выдвинутое им предвыборное обещание сократить численность госслужащих на 120 тыс. и, следовательно, правительственные расходы, в нынешних условиях неосуществимо, поскольку массовые протесты во весь рост поставили вопрос о расширении доступа граждан к государственным услугам. Не решившись покуситься на статус государственных служащих, гарантирующий им пожизненную занятость, законопроект внедряет элементы гибкости обходным путем: расширяется наем новых чиновников по обычным трудовым контрактам; предоставляются возможности разрывать трудовые соглашения в администрации по взаимному согласию сторон; ограничивается контроль профсоюзов над карьерным продвижением чиновников и т. д. Между тем такие, казалось бы, отнюдь не радикальные предложения вызвали резкое отторжение профсоюзов, которые впервые за последние годы единым фронтом выступили против правительственной реформы.

В ближайшие недели будет сверстан законопроект о реформе системы страхования по безработице, вокруг которой долгие месяцы велись консультации представителей профсоюзов, деловых кругов и государства. Чтобы положить конец хроническим дефицитам и разбуханию задолженности системы, правительство настаивает на существенной экономии расходов путем снижения пособий, выплачиваемых служащим; введения дегрессивности вспомоществования в зависимости от продолжительности поиска нового рабочего места и, как опасаются

профсоюзы, общего сокращения размеров пособий. Реформа трудового законодательства, расширившая возможности предпринимателей избавляться от излишней рабочей силы, увеличила гибкость использования трудовых ресурсов. Официальные заявления о том, что реформа страхования по безработице вскроет огромные пласты экономии финансовых средств, плохо вяжется с провозглашенным властями принципом «флексекъюрити», то есть сочетания гибкости использования и защищенности трудящихся. Другой источник потенциальных конфликтов — повышение страховых взносов для тех предприятий, которые особенно широко прибегают к временной занятости. Патронат, недавно хлопнувший дверью на переговорах с профсоюзами, не сложил оружие и всячески пытается свести к минимуму прогнозируемые в связи с этим потери предпринимателей.

На подходе пенсионная реформа, главное содержание которой — объединение исторически сложившихся в стране 42 пенсионных режимов в единый равный для всех режим, что отвечает требованиям социальной справедливости. Хотя по имеющимся прикидкам финансовое равновесие страхования по старости сегодня обеспечивается при выходе на пенсию в 64 года, принято решение сохранить прежний пенсионный возраст на уровне 62 лет в соответствии с предвыборными обещаниями президента. Как в таком случае обеспечить вклад пенсионного обеспечения в общий тренд ограничения социальных расходов и сделать так, чтобы, как обязалось правительство, затраты пенсионного фонда не превышали нынешние 14% ВВП? Чтобы французы работали дольше, предлагается отодвинуть возраст фактического выхода на пенсию при помощи надбавок и вычетов из начисляемых пенсий. Если против надбавок профсоюзы не возражают, хотя надежность предлагаемого метода продлевать трудовой стаж за 62 года вызывает сомнения у экспертов, то более действенные вычеты из пенсионных отчислений встречены организациями трудящихся в штыки.

В более отдаленных планах властей стоит усовершенствование методов борьбы с бедностью, которые признаются экспертами одновременно и дорогостоящими, и недостаточно эффективными, а также дальнейшее реформирование организации местных органов власти, включающее обновление устаревшей системы местных налогов.

Успех на евровыборах сохранил благоприятные политические условия для продолжения преобразований. Однако болезненные реформы придется проводить в обстановке жестких социально-экономических ограничений. Власти как никогда нуждаются в достижении и предъявлении общественному мнению положительных результатов своей политики. Но их маневренные возможности в достижении таких результатов, как никогда после прихода к власти, сузились. В политическом плане Э. Макрон в очередной раз выиграл. Но в плане экономическом он остается таким же заложником состояния мировой экономики, какими были его предшественники — и Николя Саркози, и Франсуа Олланд.

*ФЕДОРОВ С.М.**

Евровыборы во Франции и их политические последствия

Хотя выборы в Европейский парламент (ЕП) считаются во Франции политическим событием «второго сорта» (они мало интересуют французов, в них обычно принимают участие примерно 40% избирателей), в контексте сложной социально-политической ситуации в стране, сложившейся в первые месяцы 2019 г., они приобрели явно неординарный характер[1].

Специфика предвыборной кампании и прошедшего голосования определялись влиянием нескольких главных факторов, среди которых отметим нижеследующие.

Нельзя не обратить внимания на общеполитический фон, на котором разворачивались баталии по выборам евродепутатов. Главной его особенностью был беспрецедентный для последних десятилетий рост влияния евроскептических сил как в самой Франции (прежде всего в лице Национального объединения Марин Ле Пен), так и в ЕС в целом, переживающем, наверное, самый глубокий кризис с момента своего создания. Угроза если не прихода к власти правых и левых популистов-евроскептиков, то, по крайней мере, значительного усиления их влияния не на шутку встревожила правящий истеблишмент Европы и Франции. И все это на фоне брекзита, ставшего символом кризиса ЕС. Отсюда аллармизм и нагнетание политической истерии в СМИ, ярким примером которой стала петиция тридцати писателей и деятелей культуры Европы во главе с Бернаром-Анри Леви под названием «Европейский дом в огне».

Предвыборная кампания совпала по времени с общенациональными дебатами по значимым социально-экономическим проблемам страны, инициированными президентом Эммануэлем Макроном для того, чтобы подвести черту под многомесячным острым социально-политическим кризисом, вызванным движением «желтых жилетов». В результате национальная повестка в ходе подготовки к евровыборам фактически сдвинула на обочину европейскую тематику. Да и само голосование приобретало явно протестный характер, похожий на своего рода референдум по доверию президенту и его политике реформ.

Кроме того, итоги выборов были крайне важны для поддержания политических амбиций французского президента, как внутренних, так и внешних. Ведь так называемый европейский проект Э. Макрона, предполагавший проведение целого ряда масштабных реформ ЕС, был составной частью его предвыборной программы и синхронизирован с внутренними реформами.

Наконец, прошедшие выборы стали своеобразным индикатором расклада сил в партийно-политической системе страны, претерпевшей кардинальную трансформацию в ходе электорального цикла мая-июня 2017 г. Они рассматривались французским политическим классом как генеральная репетиция перед предстоящими в 2020 г. муниципальными выборами, а также президентскими и парламентскими в 2022 г.

---

* Федоров Сергей Матвеевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

[1] Европейские выборы 2019 г. проводились во Франции по новой системе. Упразднены существовавшие ранее восемь избирательных округов, партии и объединения выдвигали один общенациональный список из 79 человек (квота Франции на выборах 2014 г. составляла 74 депутата). Пропорциональная система голосования в один тур осталась неизменной.

Упомянутые выше особенности объясняют присущий французским евровыборам судьбоносный характер. От их результатов во многом зависело не только будущее ЕС, но и, пожалуй, дальнейшая политическая судьба восьмого президента Пятой республики и задуманного им курса реформ. Словом, политические ставки были как никогда высоки.

Итоги голосования во Франции в целом не стали неожиданными: они подтвердили абсолютное лидерство двух главных политических формирований — правящей коалиции во главе с макроновской «Вперед, республика!» и лепеновского Национального объединения. Их отрыв от «бронзового призера» составил почти 10 п.п. Дуэль закончилась победой крайне правых со счетом 23,3 против 22,4%. Хотя второе место можно расценивать как поражение и моральный удар по политическому престижу Э. Макрона, это поражение не столь трагично. В самом деле, разрыв составил менее 1 п.п. — «маршисты» явно опасались худшего результата с учетом, мягко говоря, не лучшей предвыборной кампании, проведенной под руководством Натали Луазо, бывшего министра по европейским делам в правительстве Эдуара Филиппа. Ситуацию на излете неудачной кампании, вероятно, смог исправить сам президент, активно вмешавшийся в ее ход.

Что касается победы «лепеновцев», то она не стала пирровой, но и не позволила М. Ле Пен развить успех, как предполагалось изначально. Попытка лидера крайне правых представить итоги голосования в качестве своего рода референдума по доверию президенту Э. Макрону в контексте кризиса «желтых жилетов» и вынудить его если не уйти а отставку (действующая конституция не предусматривает такой процедуры), то хотя бы объявить досрочные парламентские выборы, не увенчалась успехом. Тем не менее, Национальное объединение, получив большинство голосов избирателей, подтвердило на этом этапе звание первой политической силы Франции. Это позволяет предположить, что прошлые электоральные успехи крайне правых не были случайными. Партия под руководством М. Ле Пен за последние годы сумела преодолеть период «нерукопожатности» и занять свое место на партийно-политическом ландшафте страны.

Французские евровыборы 2019 г. все-таки не обошлись без сюрприза, вызвавшего очередное политическое землетрясение, которые регулярно сотрясают страну начиная с 2002 г., когда одиозный Жан-Мари Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов, оставив «за бортом» социалиста Лионеля Жоспена — одного из главных фаворитов в борьбе за пост главы государства. Правда, на этот раз обошлось мини-землетрясением. Его спровоцировал провал «Республиканцев», набравших всего 8,5% голосов избирателей (для сравнения, в 2014 г. на евровыборах коалиция во главе с правоцентристами получила 25% голосов). Неудивительно, что политические комментаторы имели все основания окрестить этот провал «историческим». В результате в недавнем прошлом одна из главных политических сил страны, связанная с наследием голлизма, оказалась в глубоком кризисе, повторив траекторию политического пике своих когда-то главных конкурентов — социалистов, сумевших все-таки на прошедших выборах в Европарламент с трудом преодолеть проходной пятипроцентный барьер.

Остается загадкой, почему социологи, регулярно проводившие опросы и оценивавшие рейтинг партии неоголлистов в 12–13%, так серьезно промахнулись в своих оценках. Тем более что в последние недели перед выборами кампания «Республиканцев», возглавляемая молодым харизматичным политиком Франсуа-Ксавье Беллами, была явно на подъеме. Кстати, аналогичный сбой в

социологических замерах произошел и в отношении «Зеленых»: им давали 7–8%, а они получили 13,5% голосов, словно поменявшись местами с «Республиканцами».

Большинство политологов во Франции полагают, что главной причиной разгрома правоцентристов стал неверный стратегический курс нового лидера партии — Лорана Вокье — на смещение вправо в расчете на завоевание умеренной части лепеновского электората. В реальности эффект получился обратный: правые «Республиканцы» и их сторонники стали все больше ориентироваться на объединение М. Ле Пен, находя идеи и позиции неоголлистов по ряду ключевых вопросов размытыми и противоречивыми. Яркой иллюстрацией этой тенденции стал переход известного политика-республиканца, бывшего министра транспорта в правительстве Франсуа Фийона, Тьерри Мариани под знамена Национального объединения в ходе кампании по выборам в Европарламент.

Но переориентация правого крыла электората «Республиканцев» на Марин Ле Пен не в полной мере объясняет неудачу правоцентристов на прошедших выборах. Судя по всему, не меньший урон был нанесен так называемым буржуазным электоратом (умеренными сторонниками «Республиканцев»), решившим, вероятно, не без колебаний, отдать свои голоса за макроновскую коалицию.

Впрочем, приведенные выше доводы, объясняющие «исторический провал» правоцентристов на евровыборах, на наш взгляд, не учитывают другой важный аспект проблемы, а именно: была ли у Л. Вокье возможность выбрать другой, умеренный политический вектор в условиях, когда президентская партия «Вперед, республика!» вместе с союзниками «подмяла» под себя практически весь политический центр?

Похожий сценарий перелива голосов объясняет неожиданный успех «Зеленых», которые перетянули часть электората социалистов, переживающих трудный период в своем развитии. Аналогичные процессы затронули и «Непокоренную Францию» Жана-Люка Меланшона. Немалая часть его сторонников стала уставать от политики, проводимой крайне левым трибуном, все больше симпатизируя тем же «Зеленым» и даже М. Ле Пен, которая не без успеха переняла у крайне левых социальную риторику. Хотя «меланшоновцы» сохранили свое присутствие в Европарламенте, набрав 6,3% голосов, число их представителей заметно снизилось по сравнению с 2014 г.

* * *

Резюмируя, можно сказать, что прошедшие выборы сложились вполне удачно для президента Э. Макрона и правящего большинства. Незначительный проигрыш коалиции, возглавляемой партией «Вперед, республика!», отнюдь не стал ее поражением. Более того, руководству страны, судя по всему, удалось, наконец, переломить напряженную ситуацию в стране, связанную с «восстанием» «желтых жилетов», и в целом сохранить неизменным избранный курс реформ.

Хотя первоначальный энтузиазм Э. Макрона как еврореформатора заметно поубавился в связи с явной пробуксовкой его «европейского проекта», итоги выборов не стали для его партии разочаровывающими. Напротив, благодаря присоединению 22 депутатов, прошедших от партии «Вперед, республика!», к фракции либералов в Европарламенте, переименованной в «Обновление Европы» (так, кстати, назывался электоральный список «макроновцев»), французы получили удобную и важную роль своеобразного маклера, без учета мнения которого Европейская народная партия и фракция социал-демократов, лишившиеся большинства голосов, не смогут принимать важные решения, в том числе и по избранию нового руководства ЕС.

Итоги выборов в Европарламент показали, что во Франции складывается новая биполярная партийно-политическая система, представленная партией «Вперед, республика!» и Национальным объединением. Такая конфигурация очень выгодна действующему президенту, так как он гарантированно одержит победу над своей соперницей в случае выхода во второй тур голосования на президентских выборах 2022 г. Это в корне отличает сегодняшнюю биполярность от предыдущей, когда правоцентристы чередовались у руля государства с социалистами на протяжении нескольких десятилетий.

Однако эта новая биполярность пока достаточно хрупкая, неустойчивая. Представляется, что говорить о политической смерти «Республиканцев» (а также Социалистической партии), как это делает, например, известный французский публицист правого толка Эрик Земмур, — явный перегиб. Понятно, что ситуация сложная. Неясно, есть ли политическое пространство для классических правых, которых олицетворяют «Республиканцы», между «макроновцами» и «лепеновцами». Например, опрос 16,5 тыс. читателей газеты «Фигаро», проведенный 3 июня 2019 г., дал следующие результаты: 44% ответили «да», 56% — «нет». Это с одной стороны. Но есть и другая сторона медали: сотня депутатов-республиканцев в нижней палате парламента, контроль над Сенатом, сильные позиции в регионах и в других органах местной власти (так называемые нотабли).

Руководство «Республиканцев» осознает сложность ситуации и спешит предпринять действия, направленные на скорейшее преодоление кризиса в партии. В частности, влиятельный политик, спикер Сената Жерар Ларше возглавил антикризисный штаб партии после отставки Л. Вокье, чтобы к осени подготовить национальный конвент «Республиканцев». У партии пока остаются неплохие шансы взять реванш на муниципальных выборах 2020 г. Тогда, вероятно, и решится судьба правых, а заодно станут более очевидными контуры будущей партийно-политической системы Франции.

*КАНИНСКАЯ Г.Н.**

Экологический компонент французских выборов

Выборы в Европейский парламент (ЕП), прошедшие во Франции 26 мая 2019 г., на которые экологисты шли автономным списком «Европа — Экология — Зеленые» во главе с евродепутатом Янником Жадо, оказались для них весьма успешными и по некоторым показателям стали сюрпризом. Полученный результат — 13,5% голосов — вполне оправдал их собственные ожидания, равно как и опроверг все предшествовавшие прогнозы [1]. Став третьей партией страны после этих выборов, «Зеленые» провели в ЕП 12 депутатов[2].

За экологистов проголосовала бо́льшая часть молодого электората. Наряду с избирательным успехом у молодежи, они заметно упрочили свои позиции в ряде городов, где традиционно сильны социалисты. В частности, в Ренне за них проголосовали 24% французов, а за социалистов — около 11%; в Нанте — соответственно 24 и около 10%; в Лилле — 21 и около 9%; в Виллербанне — 20 и около 8%[3].

Если давать оценку результатам европейских выборов для «Зеленых» с точки зрения краткосрочной перспективы, то, согласно выше приведенным цифровым показателям, можно полагать, что курс на автономный партийный список, инициированный Я. Жадо и поддержанный национальным секретарем партии Давидом Корманом, был выбран верно. Ориентировать «Зеленых» на отказ блокироваться с другими политическими партиями в совместных электоральных списках под лозунгом «ни левые, ни правые» Я. Жадо начал сразу после того, как в июле 2018 г. в результате внутрипартийных праймериз он возглавил партийный список, набрав 58% голосов «за»[4].

Свою роль в принятии этого решения сыграл и плачевный опыт «Зеленых» во время президентских выборов 2017 г., когда Я. Жадо, выдвинутый кандидатом от этой партии, под нажимом тогдашнего партийного руководства снял свою кандидатуру ради поддержки единого списка с социалистами во главе с Бенуа Амоном. В результате впервые начиная с 1974 г. у «Зеленых» не оказалось собственного кандидата на первый тур, а социалисты, как известно, потерпели серьезное поражение на президентских выборах[5].

Программа, с которой экологисты выступали на европейских выборах, была представлена французским гражданам 25 марта 2019 г. Она называлась: «В защиту Европы и климата» и сопровождалась подзаголовком «За что мы выступаем, чтобы все изменить». Трудились они над подготовкой своего плана, который журналисты окрестили «новым зеленым курсом», в течение полугода. Реализация по срокам

---

* Канинская Галина Николаевна — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

[1] Я. Жадо, выдвигая идею автономного списка, заявлял, что его партия сможет добиться 12–15% голосов, тогда как опросы постоянно прогнозировали «Зеленым» от 7,5 до 9%.

[2] Если Великобритания выйдет из ЕС, «Зеленые» получат тринадцатое депутатское место.

[3] L'Obs. № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 33.

[4] Всего в партии экологистов насчитывается, согласно взносам, 3,8 тыс. человек. Конкуренткой Я. Жадо на внутренних праймериз была евродепутат Мишель Ривази, которой отдали голоса 35% партийцев, и она шла вторым номером в списке партии 26 мая 2019 г. Подробнее об этом можно прочитать на официальном сайте «Зеленых» (https://eelv.fr/nos-combats).

[5] Подробнее о перипетиях в партии накануне президентских выборов 2017 г. см.: Nazaret A. Une histoire de l'écologie politique: de René Dumont à Nicolas Hulot. Paris: Éd. La Tengo, 2019. Ch. 13. P. 313–325.

намечена на период от 2024 до 2030/50 гг. Общие положения плана сводились к пяти главным направлениям: 1. сделать экологию приоритетом для Европы и заключить договор по экологии и «зеленому протекционизму»; 2. создать Европейский банк по климату и увеличить биоинвестиции; 3. ввести прочные гарантии для евро и ликвидировать «фискальный рай» в Европе; 4. Перейти к стопроцентно органическому сельскому хозяйству; 5. покончить с властью лобби технократов и превратить Европу в «Европу граждан». В более конкретном виде требования партии свелись к 13 предложениям:

1. подписать европейский договор по проблемам окружающей среды;
2. ввести в действие срочный план по экологии;
3. изменить правила таким образом, чтобы сократить власть денег;
4. переориентировать задачи экономического роста;
5. свершить энергетическую революцию — на 100% добиться использования возобновляемых источников энергии;
6. гарантировать права всем гражданам;
7. заключить социальный европейский пакт;
8. охранять территории и благосостояние живущих на них людей;
9. передать власть тем, от кого эта власть исходит;
10. создать Европу образования и культуры;
11. обеспечить свободный доступ к информационным технологиям;
12. создать Европу миролюбивую, гостеприимную и солидарную;
13. защитить власть граждан и изменить договоры.

В рамках реализации программы предполагалось, например, закрепить экологические нормы в ЕС юридически, увеличив, в частности, с 3 до 5% ВНД эковзносы для стран и инвестировав 100 млрд евро на перевод экономики на экологические рельсы; реформировать ЕС в сторону федерализма и предоставить право референдума; обеспечить достойный прием иммигрантам. При этом подчеркивалось, что программа нацелена на то, чтобы сделать Европу экологической и социальной и усилить ее «против Америки Трампа, России Путина, Бразилии Болсонаро и Китая Си Цзиньпина»[6].

Анализируя программу экологистов, все аналитики отмечали, что она логически вписывается в левую парадигму, хотя Я. Жадо всячески избегает определения «левый» и призывает «отказаться от старых политических клише»[7]. В интервью корреспонденту журнала «Пуэн» 1 марта 2019 г. он рассказал, что осенью 2018 г. предложил Рафаэлю Глюкману, Клэр Нувьян и Томасу Порше сформировать единый «гражданско-экологический» список. Но те отказались и предпочли, по его словам, спасать социалистов, создав список «Социалистическая партия — Общественный форум». В феврале 2019 г. «Зеленые» уже достигли договоренностей о совместных списках с Альянсом независимых экологистов и группой «Солидарные народы и регионы».

Между тем шансы партии на то, чтобы в среднесрочной перспективе закрепить полученный на евровыборах успех в национальном масштабе, вызывают сомнения. Ближайшая возможность испытать свои силы ей представится на муниципальных выборах 2020 г., которые, в отличие от пропорциональных европейских, проходят по мажоритарной системе. Нельзя забывать также, что «Зеленые» 26 мая 2019 г. оказались все же на третьем месте после Национального

[6] Полный текст программы можно прочитать на официальном сайте «Зеленых» (https://eelv.fr/nos-combats).
[7] L'Obs. № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 28.

объединения Марин Ле Пен и партии «Вперед, республика!» Эммануэля Макрона, программу которого, кстати, одобрили немецкие «зеленые». К тому же известно, что 55% французов сделали свой выбор в пользу «Зеленых» всего за несколько дней до голосования. Феномен мобилизации молодежного электората иногда называют «эффектом Греты» по имени шведской школьницы, организовавшей в Европе многочисленные «марши за климат»[8]. Во Франции такой марш прошел в марте 2019 г., и на нем было собрано два миллиона подписей под петицией в защиту климата. Я. Жадо был одним из его активных участников.

«Экология стала главной темой этой кампании, — отмечали специалисты. — Все или почти все политические силы выдвинули на первый план необходимость экологического перехода… Партия «Вперед, республика!» сделала приоритетом своей программы экологический переход… За три дня до выборов Э. Макрон созвал новый «совет по экологической безопасности», чтобы скоординировать правительственные действия»[9].

По сути, электорат «Зеленых» и партии Э. Макрона на европейских выборах представляли граждане, очень близкие в социальном и профессиональном плане: это «главным образом дипломированные городские жители, приверженцы индивидуальной свободы и «социетального» прогрессизма, в противовес жителям той части Франции, где преобладает Национальное объединение»[10]. Однако, задавшись целью «превратить экологию в первую политическую силу страны», получить на муниципальных выборах 20–25% голосов, завоевать мэрии «Парижа, Нанта, Ренна, Тулузы» и «многих маленьких и средних городков», Я. Жадо на заседании федерального совета партии 22 июня заявил, что экологисты могут победить, если будут действовать «все вместе, без сепаратизма и гегемонизма». Также он решительно раскритиковал «проклятую пару», которую, по его мнению, являют собой Национальное объединение и «либералы-продуктивисты» из партии «Вперед, республика!»[11].

Иными словами, в долгосрочной перспективе (к президентским выборам 2022 г.), шансы партии «Европа — Экология — Зеленые» выступить в роли лидера третьего «прогрессистского» полюса не очень высоки. Вопрос о том, сумеет ли она удержаться на гребне зеленой волны, предложив французскому электорату убедительную доктрину «социальной экологии», остается открытым.

---

[8] L'Obs. № 2847 du 30 mai au 5 juin 2019. P. 3.

[9] Européennes : la surprise écolo. URL: https://fr.yahoo.com/news/europ%C3%A9ennes-surprise-%C3%A9colo-183629440.html.

[10] L'Obs. № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 18.

[11] EELV affiche ses ambitions pour les municipales... et la présidentielle. URL: https://fr.news.yahoo.com/eelv-affiche-ambitions-municipales-pr%C3%A9sidentielle-164642169.html.

*БАСОВ Ф.А.**

Германия и европейские выборы 2019 г.

Выборы в Европейский парламент (ЕП) в Германии проходят по единому избирательному многомандатному округу и по пропорциональной системе. В отличие от региональных выборов и выборов в бундестаг, на европейских выборах в ФРГ нет проходного барьера, поэтому помимо основных политических сил в Европарламент проходят многочисленные малые партии ФРГ. Как самая крупная страна по численности населения в ЕС Германия имеет самое большое количество мест в ЕП — 96. Поэтому один процент голосов примерно равен одному месту в Европарламенте [1].

В 2019 г. в Европарламент от ФРГ прошли семь малых партий, которые не представлены в бундестаге. Сатирическая лево-популистская партия «Ди Партай» получила два места, а остальные малые партии — по одному месту.

В Германии хорошая социология. Результаты выборов редко бывают неожиданными, поскольку они, как правило, совпадают с данными социологических опросов. Итоговые результаты голосования достаточно точно предсказывались с начала года.

Результаты голосования 26 мая 2019 г. за основные политические партии ФРГ выглядят следующим образом: Христианско-демократический союз Германии и Христианско-социальный союз в Баварии (ХДС/ХСС) набрали 28,9% голосов (минус 6,4 п.п. по сравнению с выборами 2014 г.); «Зеленые» — 20,5% (плюс 9,8 п.п.); Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) — 15,8% (минус 11,5 п.п.). «Альтернатива для Германии» (АдГ) аккумулировала 11% голосов избирателей (плюс 3,9 п.п.); Левая партия — 5,5% (минус 1,9 п.п.); Свободная демократическая партия (СвДП) — 5,4% (плюс 2 п.п.).

Главным вопросом европейских выборов в Германии было их возможное влияние на стабильность правительства А. Меркель, четвертого по счету и второго, созданного в рамках большой коалиции ХДС/ХСС и СДПГ. Участие последней в коалиции на правах младшего партнера во второй раз подряд во многом было связано с позицией президента Германии, социал-демократа Ф.-В. Штайнмайера, который настоял на этом, чтобы избежать политического кризиса. Значительная часть руководства СДПГ, однако, выступала против такого шага, опасаясь, что популярность партии из-за этого продолжит снижаться.

Многие наблюдатели отмечали риск того, что противники продолжения участия в коалиции с ХДС/ХСС настоят на выходе из правительства А. Меркель после провальных результатов выборов в Европарламент 2019 г. СДПГ действительно обновила антирекорд в мае 2019 г., однако социал-демократы не стали выходить из коалиции.

На это было несколько причин. Во-первых, их выход из коалиции не гарантировал им роста популярности. Партии нужно найти новые драйверы усиления электоральной поддержки. Во-вторых, в четвертом кабинете А. Меркель СДПГ получила очень значимые министерские посты, в том числе министра

---

* Басов Федор Алексеевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

[1] Для партий, набравших меньшее число голосов, результат округляется таким образом, чтобы один процент равнялся одному месту. Соответственно для партий, получивших лучшие результаты, одно место «стоит» немного дороже.

финансов и министра иностранных дел, а отказываться от властных полномочий раньше срока социал-демократы не хотят. В-третьих, развал правящей коалиции может стать поводом для досрочных выборов в бундестаг, в случае которых, судя по социологическим опросам, социал-демократы наберут еще меньше голосов.

Таким образом, выборы в ЕП 2019 г. не стали причиной правительственного кризиса, а четвертый кабинет А. Меркель, скорее всего, останется у власти вплоть до следующих очередных выборов в бундестаг в 2021 г. Обойтись в этой легислатуре без досрочных выборов и политических кризисов является для политической элиты Германии делом чести.

Однако для СДПГ провальный результат выборов в Европарламент стал причиной того, что с поста председателя партии и руководителя фракции в бундестаге ушла Андреа Налес. Избрание нового председателя немецких социал-демократов состоится в декабре 2019 г. на партийном съезде в Берлине.

Начиная с 2013 г., когда была создана ультраправая партия АдГ, одной из основных тем повестки дня являлись ее перспективы и влияние на политическую жизнь страны.

В 2015 г. АдГ пережила раскол. Руководство партии во главе с Берндом Луке считало необходимым дистанцироваться от начавшегося в 2014 г. националистического движения Pegida, («Прогрессивные европейцы против исламизации Запада»), которое проводило уличные демонстрации антиисламской и антииммигрантской направленности. Б. Луке и часть партийного руководства боялись поддержки националистического движения, что привело бы к восприятию АдГ в немецком обществе как националистической партии. По этому вопросу внутри партии началась борьба между респектабельным экономическим крылом во главе с Б. Луке и националистическим крылом во главе с Фрауке Петри, которая на съезде партии в июле 2015 г. была избрана ее председателем. Сторонники Б. Луке вышли из АдГ и организовали партию ALFA («Альянс за прорыв и прогресс»), которая в 2016 г. была переименована в «Либерально-консервативных реформаторов» (ЛКР).

Раскол также произошел среди семи депутатов АдГ в Европарламенте[2]. Пройдя в 2014 г. в ЕП, депутаты от АдГ вошли во фракцию Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР). После партийного раскола в 2015 г. двое депутатов, оставшихся в АдГ, перешли во фракции «Европа за свободу и прямую демократию» и «Европа наций и свобод». Пять депутатов, вышедших из АдГ и основавших ALFA, остались во фракции ЕКР. В 2017 г., после ухода Ф. Петри из АдГ, ее примеру последовал один из двух депутатов партии в Европарламенте. Таким образом, к концу предыдущей легислатуры у АдГ был только один депутат.

На европейских выборах 2019 г. АдГ выступила лучше, чем на предыдущих. Однако не стоит забывать, что в 2014 г. это была партия с другими персоналиями и политическим профилем. Поэтому рост электоральной поддержки на 4 п.п. не является показательным. Результат выборов 2019 г. уместнее сравнить с результатом АдГ на последних выборах в бундестаг (2017 г.), когда она получила 12,6%. Федеральный рейтинг партии не растет уже два года. Выборы в Европарламент 2019 г. подтвердили утверждение о том, что АдГ нашла свою нишу в немецком партийно-политическом ландшафте, но серьезной угрозы стабильности политической системы на федеральном уровне не несет.

---

[2] Басов Ф.А. Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России. Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 62–68.

При этом нельзя не отметить, что в самом Европарламенте положение АдГ, получившей вместо одного места сразу 11, укрепилось. В его новом составе депутаты от этой партии примкнули к фракции «Идентичность и демократия», которая в наибольшей степени подходит ей по профилю.

Результаты выборов в ЕП 2019 г. наглядно демонстрируют две серьезные тенденции развития немецкой партийно-политической системы последнего десятилетия — постепенный переход к простой многопартийной системе (размывание доминирования двух основных политических сил — ХДС/ХСС и СДПГ), а также усиление региональных различий.

СДПГ получила относительное большинство только в одной федеральной земле — Бремене, что является еще одним свидетельством провала немецких социал-демократов. Восхождение «Зеленых» демонстрирует их относительное большинство в Берлине, Гамбурге и Шлезвиг-Гольштейне. Региональные различия прекрасно иллюстрируются тем, что в двух восточных землях — Бранденбурге и Саксонии — относительное большинство получила АдГ.

* * *

Выборы в Европарламент 2019 г. в Германии стали хорошей иллюстрацией долгосрочных трендов немецкой политики. Результаты были ожидаемы и не оказали серьезного влияния на стабильность правительства.

*ПОГОРЕЛЬСКАЯ С.В.**

Германские левые между национальным избирателем и европейской парадигмой

Прошедшие в мае 2019 г. выборы в Европарламент (ЕП) можно оценивать по-разному, однако при любом раскладе главными неудачниками этих выборов остаются левые силы Европы. Левыми мы считаем социалистические и коммунистические партии и прочие движения, находящиеся левее социал-демократов. Количество находящихся в их распоряжении мандатов сократилось с 52 до 41. Многие левые партии вообще не получили в этот раз мест в ЕП, остальные же вынуждены были смириться со значительно меньшим количеством депутатских мест. Даже греческая СИРИЗА, одна из самых сильных левых партий, получила неудовлетворительные для нее результаты. Проиграли все — как левые популисты, так и традиционные коммунисты.

Левые партии выступают за социальную, близкую к гражданам Европу, критичны по отношению к современному капитализму и к капиталистической глобализации, не забывают они и экологическую тематику. Почему же их традиционный избиратель уходит от них? Не грозит ли левым силам утерять свою, пусть далеко не главную, но и не последнюю роль в определении направлений общеевропейского интеграционного процесса?

Эти вопросы хотелось бы рассмотреть на примере немецкой Левой партии. Германия — одна из сильнейших стран-основательниц ЕС. Левая партия, созданная в 2007 г. в результате слияния восточногерманской Партии демократического социализма (ПДС, наследница Социалистической единой партии Германии) и левых социал-демократов во главе с Оскаром Лафонтеном, покинувших Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) из-за несогласия с курсом правого социал-демократа Герхарда Шредера[1], более десяти лет занимала стабильное место левее СДПГ и «Зеленых». Партия набирала достаточное количество голосов, чтобы быть представленной не только в бундестаге и ландтагах федеральных земель, но, иной раз, и в земельных правительствах. Однако в последние годы ситуация меняется.

На выборах в бундестаг в 2017 г. Левая партия потеряла около 400 тыс. своих постоянных избирателей, ушедших от нее к правопопулистской «Альтернативе для Германии» (АдГ). На выборах же в ЕП более 600 тыс. ее избирателей предпочли «Зеленых», около миллиона вообще не голосовали, а ушедшие к АдГ, прежде всего в новых федеральных землях (бывшей ГДР), так при ней и остались. Причем, если поражение на выборах в бундестаг было еще воспринято как печальная неожиданность, то нынешнее было почти что ожидаемо. Накануне выборов в Европарламент Левая партия оказалась единственной среди оппозиционных малых партий Германии, которая совершенно не приросла избирателями. Налицо идейная аморфность и раздробленность при полной неспособности удержать свои фланги.

---

* Погорельская Светлана Вадимовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела философии ИНИОН РАН, старший научный сотрудник Института Европы РАН.

[1] Левые социал-демократы и профсоюзные организации в 2004 г. создали «Альтернативу избирателей за труд и социальную справедливость», которая объединилась с ПДС в 2007 г. в Левую партию. В 2011 г. партию называли «антинеолиберальной, антикапиталистической и антимилитаристской». Ее целями стали «демократический социализм», преодоление капитализма путем смены отношений собственности в пользу национализации структурно важных отраслей. См.: Programm der Partei die Linke. Erfurt, 2011. S. 58.

Стремясь стать «способной к коалициям» (Koalitionsfähig) с СДПГ и с «Зелеными», партия отказалась от ряда характеристик, присущих ей до слияния с западными левыми О. Лафонтена и обеспечивавших ей стабильный успех на востоке страны, в бывшей ГДР. Желая добиться успехов и на западе, она не учла, что в старых федеральных землях сложилась совершенно иная, чем на востоке, «левая культура», выросшая из студенческих протестов.

В странах ЕС в годы противостояния блоков ни одна партия левее социал-демократов не поднималась до уровня принятия государственных решений; их пределом были коалиции на коммунальном уровне. Первое поколение политиков ПДС оперировало иными категориями, нежели европейские левые. Наследники правившей в ГДР партии обладали государственным мышлением, не свойственным «интернациональным» левым, большинство из которых всю свою жизнь проводили в оппозиции и ничем не рисковали, выдвигая политически нереализуемые лозунги.

Именно эти характеристики своего политического профиля и следовало бы сохранить ПДС и Левой партии как ее правопреемнице. Стабильный электоральный успех на востоке страны — это отнюдь не мало. Последовательная разработка идеи немецкой (народной) социальной справедливости автоматически обеспечила бы партии и вожделенный ею «всегерманский формат», что подтверждают ныне успехи АдГ, пришедшей с запада и завоевавшей восток страны.

Вступив в политический процесс в 2007 г., партия заняла вакуум, образовавшийся на левом фланге после «поправения» СДПГ и «Зеленых». Стремясь объять все, что связано с политической «левизной», кроме разве что радикальных «автономных» группировок, она уже в 2011 г. расширила свои программные границы до максимальных пределов и вовлекла, как уже упоминалось, и западных левых с их антинационализмом и гендерной тематикой. Открытие границ для «нищей» миграции и поддержка граждан особых сексуальных ориентаций в борьбе за их гражданские права — лозунги, привлекательные для той образованной, по большей части студенческой молодежи, которая и пополняет, в основном, ряды западноевропейских левых. Однако эти лозунги совершенно чужды восточногерманскому избирателю, ущемленному творящейся по отношению к нему социальной несправедливостью и чувствующему себя покинутым той единственной партией, которая раньше артикулировала его интересы в политическом процессе.

Поэтому после интернационализации немецких левых и их программного сближения с современной западноевропейской культурой левых партий восток Германии стал «коричневеть». «Восточного» избирателя подхватила Национал-демократическая партия Германии, урезавшая, чтобы быть симпатичнее гражданам, свою откровенно неонацистскую часть, и выпятившая свои «народнические», популистские черты. Она стала заботиться о покинутых жителях мекленбургских деревень, о молодежном досуге в панельных кварталах саксонских городков.

В период мирового финансового кризиса Левая партия (как и остальные левые силы Европы) на волне антикапиталистических настроений пожинала успехи. Однако к 2014 г. эти настроения сошли на нет. Левая партия, с электоральной точки зрения, очень неправильно повела себя во время миграционного кризиса, поддерживав политику «открытых дверей». Потребовав от федерального правительства принять всех нуждающихся беженцев и обеспечить им ту же социальную поддержку, что и местному немецкому малоимущему населению, левые подписали себе электоральный приговор. Они окончательно потеряли восток страны.

Рассуждая о причинах поражения на выборах в ЕП, руководители партии, как показывает анализ публикаций, уверены, что ситуацию можно исправить

«косметическим ремонтом» программы. Они сетуют, что «не учли интерес граждан к изменениям климата» и обещают, что в будущем активнее займутся этой темой, чтобы стать привлекательнее для тех избирателей, которые недовольны обуржуазившимися «Зелеными» и заинтересованы в появлении левой экологической партии. Таким образом, левые второй раз наступают на те же грабли: они снова хотят копировать темы, с которыми уже победили другие, вместо того чтобы работать над новым левым профилем. Поэтому даже если Левая партия и придет к власти на федеральном уровне в коалиции с давно уже сместившимися в сторону «политической середины» СДПГ и «Зелеными», ее ждет та же судьба, которая постигла «Зеленых» в федеральной власти, а именно — обуржуазивание. На сегодняшний день Левая партия как самостоятельная сила никакой левой альтернативы для Германии предложить не может. Поэтому прозвучавшее в июне 2019 г. предложение О. Лафонтена снова «слиться» с социал-демократами отнюдь не так абсурдно, как его попыталась представить возмущенная и оскорбленная СДПГ[2]

Все вышеизложенное доказывает, что Левая партия вряд ли способна к структурной перестройке и новому началу. А между тем они необходимы. Пусть даже результат выборов в ЕП и не отражает электорального расклада на федеральных и земельных выборах, слабость левых сил бесспорна. Левая партия в ее нынешнем виде возникла, когда социал-демократы сдвинулись вправо. В ней превалируют силы, которые скорее являются левыми социал-демократами, нежели социалистами. Отделываясь косметическим ремонтом программы и не меняя себя в основах, партия останется левым дублером СДПГ и будет слабеть от выборов к выборам.

Поэтому логичнее был бы левый раскол. Германии нужна новая левая партия, которая будет в состоянии сочетать идейный интернационализм с фактической национальной зацепкой. Партия, которая не бросит интересы немецких трудящихся под ноги глобализированным работодателям, прикрывающим свои утилитарные интересы удешевления труда лозунгами солидарности с беженцами.

Заметим, что не только немецким, но и всем левым партиям ЕС, желающим влиять на европейский процесс (для чего и нужно избрание в ЕП), следовало бы уделять больше внимания национальным проблемам своего электората, поскольку избираются они у себя дома, в своих странах, а не в «Европе без границ». Новый подъем левых сил станет возможен лишь с переходом к новой модели левой политики, в рамках которой основной упор будет сделан не на гонку за количеством мандатов и не на представительство в институтах власти, а на повседневную борьбу трудящихся в районах, на предприятиях, в профсоюзах своих стран. Левым нужны переформатирование и новая организация. Тогда и репрезентация не заставит себя ждать.

[2] „Ist die SPD noch zu retten?“ — Lafontaine fordert Fusion mit Linkspartei. Münchner Merkur. 12.06.2019. URL: https://www.merkur.de/politik/spd-lafontaine-will-fusion-mit-linke-aber-wie-ernst-ist-es-ihm-zr-12390841.html

*АНДРЕЕВА Т.Н.**

Причины участия Великобритании в выборах

Великобритания приняла участие в выборах в Европарламент 23–26 мая 2019 г., поскольку не вышла из Европейского союза в законодательно закрепленный срок (29 марта 2019 г.), а ЕС предоставил ей очередную отсрочку для осуществления организованного выхода на условиях ее участия в этих выборах. Такое стечение обстоятельств имело глубинные внешнеполитические и внутриполитические причины.

Еще в начале переговоров о брекзите для предотвращения возникновения подобных ситуаций в будущем и снижения вероятности развала организации 27 стран ЕС сплотились в единый фронт для жесткого противостояния британскому плану выхода. Переговоры велись Евросоюзом с единых позиций. Так, для Великобритании закрывалась возможность добиваться уступок от ЕС при помощи традиционной тактики «челночной дипломатии», подразумевавшей поездки британского премьера и министров его кабинета по странам Союза для разъяснения в приватных беседах с главами стран ЕС тех выгод, которые они могут получить, поддержав британские планы.

Доминирование в ЕС германского подхода, согласно которому спровоцировавшая брекзит Великобритания должна пострадать от него больше стран-членов Евросоюза, а также слабость британской позиции на переговорах из-за отсутствия рычагов воздействия на организацию предопределили неуступчивость Союза на протяжении всего переговорного процесса. Набиравшая обороты торговая война между США и ЕС только ужесточила протекционистскую политику Евросоюза, дополнительно затруднив пересмотр условий экономической и финансовой интеграции между ЕС и Великобританией на период после брекзита.

На фоне скептического отношения президента США Дональда Трампа к НАТО и американских требований к европейским союзникам увеличить расходы на оборонные нужды выход Великобритании, больше других европейских стран тратившей на безопасность и оборону Европы, заставил страны ЕС задуматься о создании собственных военных возможностей для защиты континента от разного рода угроз. В частности, они начали движение в сторону учреждения Европейского оборонного союза и европейской армии.

Вместе с тем успешное развитие военных и военно-политических интеграционных процессов в ЕС требовало сплочения научно-технических и военно-промышленных комплексов стран-членов на основе реализации стратегии «объединения и совместного использования» ресурсов (pooling and sharing), поскольку являлось капиталоемким и наукоемким делом. При этом открывались возможности для продвижения экономической интеграции ЕС в целом, для обеспечения большей финансово-экономической стабильности еврозоны и увеличения конкурентоспособности европейских производителей в мире в сравнении с производителями третьих стран, прежде всего — американскими и британскими.

Потенциальный провал переговоров по брекзиту и разрушение в связи с этим устоявшихся производственно-технологических цепочек программировали вытеснение британских производителей из экономических связей с Европой. Особенно чувствительным для британской экономики могло стать прекращение

* Андреева Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

научно-технологического и промышленного взаимодействия по линии военно-технического сотрудничества (ВТС), в рамках которого на основе совместного использования финансов и ресурсов европейских стран создавались современные дорогостоящие инновационные технологии многоцелевого назначения. Так закладывались предпосылки для технологического отставания Соединенного Королевства и вытеснения его промышленной продукции и технологий с различных европейских и мировых рынков, например, с рынков авиакосмической продукции и информационных технологий.

Для лучшей организации оборонных закупок и разработки военного оборудования на основе стратегии «объединения и совместного использования» ресурсов европейцы увеличили финансирование Европейского оборонного агентства. Для облегчения финансирования совместных военных НИОКР без дублирования НАТО в июне 2017 г. был создан Европейский оборонный фонд [1]. Отсутствие механизмов участия третьих стран в его работе закрывало для Великобритании в ближайшем будущем возможность сотрудничества с европейцами в его рамках. С целью объединения усилий в деле создания европейской оборонной идентичности и разработки вооружений силами стран-членов ЕС в ноябре 2017 г. было подписано Соглашение о постоянном структурированном сотрудничестве (PESCO). Великобритания выразила желание сотрудничать с европейцами в рамках этих институтов, однако пока не могла добиваться этого, поскольку находилась в стадии выхода из ЕС.

Чтобы брекзит не подорвал влияние британского оборонного сектора (самого крупного по объему экспорта военного снаряжения и услуг в Европе и второго после США в мире) на европейском рынке вооружений и промышленную базу страны в принципе, британское правительство взяло на себя роль механизма политического управления в виде «головного заказчика» вооружений. В целях оказания поддержки собственным производителям оно занялось распределением финансирования и заказов между различными британскими фирмами из разных районов страны. Производство технологий и вооружений на экспорт стало основой британской стратегии военных закупок, направленной на поддержание конкурентоспособности британских производителей и производственной базы страны во всех частях Соединенного Королевства на период брекзита и далее.

Для обеспечения процветания страны даже в случае ее выхода из ЕС без договора («жесткий брекзит») правительство Терезы Мэй стремилось сохранить технологические и производственные связи, прежде всего по линии ВТС, с европейскими компаниями, находившимися во владении сразу нескольких европейских государств — MBDA; BAE Systems, Airbus, Leonardo и т.д.[2]

Резервируя возможность доступа после брекзита британских производителей на европейские рынки разработки и создания вооружений и другой промышленной продукции британцы заключили ряд двусторонних перспективных договоров. В 2017 г. были подписаны соглашение с Нидерландами о партнерстве в области кибербезопасности, противодействия терроризму и гибридным войнам [3] и широкомасштабный Договор о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности с

---

[1] A European Defence Fund: 5.5 Billion Euro Per Year to Boost Europe's Defence Capabilities. European Commission. 07.06.2017. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-1508_en.htm.

[2] UK's International Defence Engagement Strategy. Ministry of Defence. 2017. P. 16. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/596968/06032017_Def_Engag_Strat_2017DaSCREEN.pdf.

[3] Defence Secretary agrees stronger partnership with Netherlands. 17.06.2017. URL: https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-agrees-stronger-partnership-with-netherlands.

Польшей[4]. С 2010 г. по линии Ланкастерских соглашений Великобритания тесно сотрудничала в сфере ВТС с Францией[5].

Кроме того, ЕС отказал британским фирмам в участии (и финансировании) в последней стадии разработки двух космических программ — спутниковой навигационной системы Galileo и программы наблюдения за состоянием Земли Copernicus, что стало серьезным ударом по британской аэрокосмической промышленности, являющейся второй по своим размерам в мире после американской. Позднее под предлогом того, что, выходя из ЕС, Великобритания становится третьей по отношению к ЕС страной, ей отказали и в использовании на равных с другими странами ЕС этих систем[6].

К лету 2018 г. стало очевидно, что жесткие и безрезультатные переговоры о выходе из ЕС могут привести к разрушению существующих финансово-экономических, производственно-технологических и научно-исследовательских связей между Великобританией и Евросоюзом. Стремясь избежать финансовых потерь, в июне 2018 г. корпорации BMW и Airbus пригрозили британскому правительству выводом из Великобритании их производств в том случае, если к концу лета не появятся четкие договоренности об условиях брекзита. Заявление этих двух крупных европейских фирм стали тревожным сигналом для британского премьера, поскольку сохранение в условиях брекзита промышленных мощностей и квалифицированных кадров имело ключевое значение для стабильного развития нескольких регионов страны. Бездоговорный выход вел также к сворачиванию в разных частях Великобритании иностранных производств (главным образом, японских) не менее прибыльного британского автопромышленного комплекса.

Согласно опросам, проведенным летом 2018 г., большая часть директоров средних и крупных британских фирм (55% опрошенных) считали, что для их компаний наибольшую важность представляют максимальный доступ к рынку ЕС и минимальные различия в стандартах и таможенных правилах[7].

Ситуация осложнялась тем, что Великобритания оказалась одна без реальной поддержки со стороны ее самого близкого союзника — США — перед лицом единой жесткой, протекционистской позиции Евросоюза. Хотя действующий президент США Д. Трамп высказывался за развал ЕС и начал с ним торговую войну, он действовал в интересах американских производителей и мало считался с интересами своих ближайших союзников[8].

Горячо поддерживая заключение торгового соглашения с Великобританией на период после брекзита, Д. Трамп стремился пролоббировать его в американских интересах и помешать установлению более тесного, чем с США, сотрудничества Великобритании с ЕС после выхода. Не устраивало его и активное налаживание финансового и экономического сотрудничества Великобритании с Китаем.

---

[4] PM announces landmark new package of defence and security cooperation with Poland. 21.12.2017. URL: https://www.gov.uk/government/news/pm-announces-landmark-new-package-of-defence-and-security-cooperation-with-poland.

[5] UK and France commit to new defence cooperation. 18.01.2018. URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-and-france-commit-to-new-defence-cooperation.

[6] Rothwell J. UK threatens to pull out of Galileo project as EU rejects calls for full access after Brexit. The Daily Telegraph. 13.06.2018.

[7] Chapman B. Brexit: UK Businesses Reject Government's "Max-fac" Customs Plan. The Independent. 04.07.2018.

[8] Isaac A., Crisp J., Riley-Smith B. Fears tariffs could hit plan for US-UK submarines project. The Daily Telegraph. 01.06.2018.

Военно-политические (признание Иерусалима столицей Израиля и перенесение туда в 2018 г. посольства США; выход из ядерного договора с Ираном и введение против него экономических санкций в 2018 г.; нагнетание напряженности на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива в 2017–2019 гг.; признание Голанских высот территорией Израиля в марте 2019 г.) и торгово-экономические (торговая война с Китаем и ЕС в 2018–2019 гг., запрет на использование продукции китайской фирмы Huawei в мае 2019 г.) авантюры США грозили Великобритании дополнительными и нежелательными в период брекзита финансовыми издержками. Требования Д. Трампа к союзникам по НАТО увеличить военные расходы до 4% ВВП в год также были обременительным делом. Поскольку его политика слишком часто противоречила интересам большинства европейских союзников по многим вопросам международной жизни, чтобы не рисковать выстраиванием «особых партнерских отношений» с Евросоюзом, Великобритания стала солидаризироваться со странами ЕС в противостоянии американским действиям.

Британская критика американской политики все еще компенсировалась британо-американским партнерством в военной области. Но из-за брекзита заметно сократились британские ассигнования на военные нужды, и Франция стала теснить Великобританию с позиций особо близких отношений с США.

На таком внешнеполитическом фоне и в условиях нараставшего беспокойства в британском обществе, профсоюзах и предпринимательской среде появились сначала (летом 2018 г.) «план Чекерс», а затем (в ноябре 2018 г.) — 585-страничный проект Договора о выходе Великобритании из ЕС и проект Политической декларации о будущих отношениях между ними.

Эти два документа были одобрены 27 странами ЕС на внеочередном саммите организации 25 ноября 2018 г. Однако британский парламент дважды их отклонил — 15 января 2019 г. (432 голосами против 202 голосов) и 12 марта 2019 г. (391 голосом против 242). А 29 марта 2019 г. (344 голосами против 286) он отклонил в третий раз проект Договора, представленный британским правительством без Политической декларации.

Проблема заключалась в том, что Договор позволял стране соблюсти демократические принципы — выйти из ЕС в обозначенные законом сроки — (29 марта 2019 г.), однако в течение переходного периода Великобритания не имела права голоса при принятии законов ЕС, но должна была распространять на себя их действие. Фактически, она оказывалась в «вассальном» положении по отношению к Евросоюзу.

Британские парламентарии жестко критиковали и пункт проекта Договора о механизме сохранения режима открытой границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландия. Положение о возможности введения режима пограничных пунктов досмотра в портах Северной Ирландии и распространения на эту британскую территорию действия законодательства ЕС и европейского суда без закрепленного договором срока окончания действия такого режима и механизма его отмены сохраняло на неопределенный срок фактическое членство страны в ЕС и программировало развал государства.

Т. Мэй сделала ряд безуспешных попыток договориться с ЕС о пересмотре положений проекта Договора, чтобы обеспечить его прохождение через парламент и избежать сценария бездоговорного брекзита с последующим обвалом британской экономики. Небольшая уступка ЕС, позволившая внести некоторые дополнения в проект не являвшейся юридически обязывающим документом Политической декларации, лишь дополнительно настроила британских депутатов против Т. Мэй и ее законопроекта.

Не заставило британских парламентариев одобрить правительственный проект соглашения с ЕС и начавшееся в феврале-марте 2019 г. перед лицом грядущего «жесткого брекзита» массовое бегство из страны фирм и капиталов. В конце февраля 28 крупных иностранных и британских промышленных фирм и банков озвучили планы сворачивания своей деятельности в Великобритании[9]. Под вопросом оказалось 161 международное соглашение с не входящими в ЕС странами, регулирующее практически все сферы их международных и экономических отношений с Великобританией — от авиационного сообщения до торговли[10].

В свете возраставшей вероятности «жесткого брекзита» к концу марта 2019 г. более 275 фирм уже переместили или перемещали часть своего бизнеса, персонала, капиталов или структур в страны Евросоюза. Также стало известно о выводе банками и страховыми компаниями из лондонского Сити порядка 900 млрд ф. ст.[11]

Хотя в массе своей депутаты британского парламента стремились не допустить бездоговорного выхода страны из ЕС, на 29 марта 2019 г. помимо правительственного законопроекта они отвергли все другие пути решения проблемы, вплоть до отказа от брекзита. В Великобритании сложилась уникальная внутриполитическая ситуация: правительство и парламент не смогли договориться об условиях выхода страны, приемлемых для большинства членов парламента, правительства и Евросоюза. Тщательное соблюдение демократических процедур, норм и правил завело внутриполитический процесс в тупик и вплотную приблизило страну к «жесткому выходу» из ЕС 12 апреля 2019 г.

Для решения связанных с выходом проблем Великобритания получила у ЕС очередную отсрочку до 31 октября 2019 г., запустив процедуру подготовки страны к выборам в Европарламент. При этом у нее оставалось право не проводить их, если парламент одобрит любой вариант выхода до даты их проведения.

Нежелание правительства реализовать вариант «жесткого брекзита» в закрепленные законодательством сроки, его готовность подписать с ЕС договор о выходе, напоминавший безоговорочную капитуляцию, а также начало переговоров о поиске «мягкого» варианта выхода с лидером лейбористов Джереми Корбином спровоцировали массовый отток из Консервативной партии ее членов и требования незамедлительной отставки Т. Мэй. Значительная часть электората партии перешла на сторону появившейся в феврале 2019 г. и выступавшей за однозначный выход страны из ЕС даже без договора Партии брекзита Найджела Фараджа. Консервативная партия оказалась на грани глубокого кризиса. В схожей ситуации (хотя и в менее острой форме) оказалась и Лейбористская партия.

Законодательный тупик в британском парламенте, провал переговоров между двумя ведущими парламентскими партиями, разочарование электората в политике обеих и его отток к другим (иногда — к только что созданным) партиям, четко сформулировавшим свое отношение к проблеме брекзита, высветили кризис двухпартийной системы. А отсутствие приемлемого для парламента договорного решения проблемы выхода до 22 мая 2019 г. сделало участие Великобритании в выборах в Европарламент 23–26 мая 2019 г. решенным делом.

* * *

[9] Sommerlad J., Chapman B. Which companies are leaving UK, downsizing or cutting jobs ahead of Brexit? The Independent. 26.02.2019.

[10] Isaac A. More than half of UK's 161 international agreements in doubt ahead of Brexit. The Daily Telegraph. 07.03.2019.

[11] Wright B. How the City has moved 900 bn pounds out of UK already to prepare for Brexit. The Daily Telegraph. 11.03.2019.

Таким образом, не ожидавшееся еще в марте 2019 г. британское участие в выборах в Европарламент было обусловлено сразу несколькими факторами.

Отсутствие у Соединенного Королевства на переговорах о выходе из Евросоюза действенных экономических и внешнеполитических рычагов воздействия на ЕС в условиях протекционистской политики Союза предопределили появление проекта Договора о брекзите, составленного в интересах, главным образом, этой организации. Британские парламентарии как поборники интересов страны и ее граждан оказались не готовы одобрить такой вариант, равно как и предложить собственный. Стремление парламента и правительства избежать бездоговорного, «жесткого» выхода страны из ЕС привело к конституционному кризису и вызвало серьезные потрясения партийно-политической системы. Также оно позволило высокопоставленным чиновникам Евросоюза заговорить о снижении вероятности брекзита.

В условиях, когда основной темой политической жизни британского общества в течение трех лет оставалась реализация брекзита, выборы в Европарламент 2019 г. показали реальное отношение электората к самой идее выхода через поддержку политических партий, предлагавших разные подходы и пути решения проблемы. Система подсчета голосов на этих выборах традиционно лучше отражает предпочтения избирателей, нежели мажоритарная (Вестминстерская) система, используемая во время парламентских выборов. В связи с этим многие эксперты назвали выборы в Европарламент 2019 г. вторым референдумом по брекзиту. Так проявилась еще одна застарелая проблема необходимости смены избирательной системы в стране для лучшего, более демократичного отражения предпочтений электората.

Выборы в Европарламент показали, что спустя три года переговоров о брекзите и связанных с этим стрессов и лишений процент британцев, однозначно желающих выхода страны из ЕС, все еще остается значительным. Так, больше всего мест получила выступающая за однозначный выход страны из ЕС (вплоть до «жесткого» его варианта) Партия брекзита Н. Фараджа (29 мест). Сторонники членства в ЕС — «Либеральные демократы» (16 мест) — оказались на втором месте, лейбористы (10 мест) стали третьими. По числу полученных мест настроенная против выхода Зеленая партия Англии и Уэльса (семь мест) обогнала правящих консерваторов (четыре места), оказавшихся на разгромном пятом месте. Результаты выборов перекликались с результатами проведенного немного ранее социологического опроса Института Гэллапа, в соответствии с которым 43% британцев считали брекзит хорошим делом для своей страны, тогда как 40% — плохим[12].

В ходе выборов стало известно о грядущей (7 июня 2019 г.) отставке с поста лидера партии британского премьера Т. Мэй. Ее место вполне предсказуемо занял Борис Джонсон. Теперь перед следующим консервативным правительством стоит не только задача скорейшей реализации брекзита и урегулирования связанных с ним экономических и внешнеполитических проблем, но и возникшая из-за его проволочки проблема сохранения позиций консерваторов как одной из ведущих парламентских партий.

[12] Malnick E. Theresa May to launch last-ditch attempt to gain MPs' approval for her Brexit deal with 'bold offer'. The Daily Telegraph. 18.05.2019.

*АНАНЬЕВА Е.В.**

Британия: выборы на фоне брекзита

На саммите, состоявшемся 10 апреля 2019 г., ЕС предоставил Британии отсрочку выхода до 31 октября, сохранив за ней права и обязанности «члена клуба» [1]. Это означает, что 22 мая стало последним днем, когда британский парламент мог одобрить Соглашение с ЕС, которое бы позволило Британии не принимать участие в выборах в Европейский парламент (ЕП). Но Соглашение с ЕС так и не было одобрено, и страна была вынуждена провести выборы.

Позиция правительства консерваторов состояла в том, чтобы добиться одобрения Соглашения с ЕС и не участвовать в выборах в ЕП, что было вполне объяснимо. Напомним, что в 2014 г. Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК) Найджела Фараджа выиграла выборы в ЕП (проводятся по пропорциональной системе), получив 24 мандата из квоты Британии в 73 места, обойдя лейбористов (20 мандатов) и правящих консерваторов (19 мандатов), которые тогда возглавляли коалиционное правительство с либерал-демократами.

Учитывая победу ПНСК, Дэвид Кэмерон перед парламентскими выборами 2015 г. обещал провести референдум о членстве Британии в ЕС для того, чтобы не только умиротворить евроскептиков в собственной партии, но и предотвратить отток избирателей к ПНСК (партия получила 12,6% голосов, но лишь одно место в парламенте, учитывая мажоритарную избирательную систему).

После референдума о членстве Британии в ЕС (2016 г.) Н. Фарадж, сочтя свою миссию по выводу страны из Евросоюза выполненной, уступил место лидера ПНСК, но с его уходом партия погрузилась в череду скандалов, сдвинулась вправо и к ярому национализму. В результате Н. Фарадж вышел из ПНСК и после того как правительство не смогло добиться брекзита зарегистрировал в феврале 2019 г. новую партию, которая получила название Партии брекзита. За первые десять дней апреля нынешнего года она получила мелких пожертвований на общую сумму 750 тыс. ф.ст. [2] Первое массовое собрание новой партии Н. Фарадж провел 13 апреля. В своей статье в газете The Express [3] он объявил о начале отпора истэблишменту, который «умышленно предал наше доверие». «Брекзит, — по мнению политика, — уже касается не только Европейского союза, он символизирует более широкую борьбу народа против политиканов». По его словам, британская «двухпартийная система разрушена, и ее следует вывести из убожества, в которое она впала». Н. Фарадж отметил, что порядка тысячи людей «высокого калибра» заявили о готовности выставить свои кандидатуры на выборы в ЕП. Среди них вышедшая из Консервативной партии Аннунциата Рис-Могг — сестра ведущего брекзитера-тори Джейкоба Рис-Могга, который в парламенте возглавляет Группу европейских исследований (примерно 100 депутатов), выступающих за «жесткий

---

* Ананьева Елена Владимировна — кандидат философских наук, руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН.

[1] Special meeting of the European Council (Art. 50) (10 April 2019) — Conclusions. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/39042/10-euco-art50-conclusions-en.pdf.

[2] Brexit Party receives THOUSANDS in donations as Nigel Farage declares WAR on establishment. The Express. 12.04.2019. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1113219/Brexit-news-Nigel-Farage-Brexit-Party-EU-election-2019-Ukip-leave-EU-latest-update.

[3] It's up to YOU! Nigel Farage's REQUEST to Express readers — We need EVERYONE to do this'. The Express. 14.04.2019. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1113917/brexit-news-nigel-farage-brexit-party-eu-elections-brexit-delay-theresa-may.

брекзит». Н. Фарадж призвал и бремейнеров, даже если они не согласны с исходом референдума 2016 г., голосовать за его партию в знак протеста против «извращения демократии» — нарушения воли народа, высказавшегося за брекзит. Выборы в ЕП — «лишь начало революции, которой жаждет Британия».

Консервативная партия не напрасно опасалась, что проиграет выборы в ЕП. Премьер-министр Тереза Мэй отменила пасхальные каникулы для переговорщиков по брекзиту, чтобы все же «протащить» свое Соглашение через парламент до 22 мая, что позволило бы исключить участие Британии в евровыборах и, соответственно, избежать вероятного провала на них Консервативной партии. Добиться одобрения Соглашения парламентом Т. Мэй могла лишь при поддержке голосов депутатов-лейбористов, с лидером которых Джереми Корбином она начала переговоры, подав еще один повод для недовольства своих однопартийцев. Закономерно переговоры окончились провалом.

Дж. Рис-Могг заявил, что приложит все усилия, чтобы брекзитеры завоевали как можно больше мест в Европарламенте: «Если из-за длительной отсрочки мы застрянем в ЕС, то мы должны создать как можно больше трудностей [Брюсселю]. Мы можем наложить вето на любое увеличение бюджета [многолетнего финансового плана на 2021–2027 гг.], устроить обструкцию созданию европейской армии и блокировать интеграционистские схемы Макрона»[4].

Что касается Лейбористской партии, то лидер фракции лейбористов в Европарламенте Ричард Корбетт предупредил Дж. Корбина, что миллионы избирателей лейбористов из рядов противников брекзита не станут за нее голосовать, если партия не выскажется однозначно за второй референдум в предвыборном манифесте к евровыборам[5]. В верхах партии не напрасно опасались потерять поколение молодых проевропейски настроенных избирателей, которые могут перейти к либерал-демократам и другим партиям, выступающим за членство Британии в ЕС.

В то же время партия не хотела бы оттолкнуть от себя и своих избирателей-брекзитеров. Так, ведя переговоры с правительством, лейбористы не снимали вариант второго референдума, но не желали заранее подтверждать согласие на референдум по одобрению неприемлемого для них варианта Соглашения. Отсюда и спекуляции на тему отказа обещать референдум в предвыборном манифесте. Партия стремится оставить Британию в постоянном Таможенном союзе и частично в Общем рынке. Часть членов теневого кабинета (Кир Стармер, Эмили Торнберри, Том Уотсон) высказываются за второй референдум, а часть, включая председателя партии Иэна Лэвери, — против. Третьи надеялись достичь компромисса на переговорах Дж. Корбина с правительством, чтобы обеспечить занятость, экологические стандарты и права трудящихся. Соответственно, они считали, что не следует торпедировать переговоры с правительством требованием провести второй референдум (поскольку Т. Мэй не смогла бы настоять на жесткой партийной дисциплине депутатов-тори при голосовании за его проведение). Цель должна была быть одна — согласовать с правительством сделку с ЕС, которая отвечала бы задачам лейбористов, причем зафиксировать договоренности таким образом, чтобы будущий лидер партии тори не смог их нарушить.

---

[4] Garton Ash T. Brexit is just one front in Europe's battle for its soul. The Guardian. 09.04.2019. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/09/brexit-europe.

[5] Brexit: Corbyn told to back new EU referendum or lose millions of supporters. The Guardian. 13.04.2019. URL: https://www.theguardian.com/politics/2019/apr/13/corbyn-told-back-eu-referendum-or-lose-millions-voters-brexit.

В свою очередь проевропейские партии (Партия либеральных демократов, Зеленая партия Англии и Уэльса, «Изменим Соединенное Королевство» [6], «Обновление») надеялись использовать выборы в ЕП в качестве «мягкого» референдума, чтобы продемонстрировать рост сторонников членства Британии в ЕС. Все эти партии настаивают на втором референдуме.

Естественно, эти партии выступают за пропорциональную избирательную систему на парламентских выборах и надеялись завоевать голоса бремейнеров. Если бы победили проевропейские партии, то они продемонстрировали бы преобладание сторонников членства Британии в ЕС над его противниками, которое отражают опросы общественного мнения вслед за изменением демографической ситуации (уходом старшего поколения, склонного к брекзиту, и приходом молодежи, положительно воспринимающей ЕС). В таком случае выход Британии из ЕС без второго референдума выглядел бы недемократичным.

Однако ни бремейнеры, ни брекзитеры не были намерены заключать между собой союзы и коалиции. Так, Зеленая партия и «Изменим Соединенное Королевство» отказались от соответствующего предложения Партии либеральных демократов, а Партия брекзита и ПНСК и вовсе выступили на выборах соперниками. Тем самым партии бремейнеров заранее упустили возможность завоевать больше мест, хотя могли бы, заключив альянс, если не победить, то заставить лейбористов занять более четкую позицию по референдуму, чтобы сохранить свой электорат. Партии, которые заявляли о стремлении сломать нынешнюю «заскорузлую» двухпартийную систему, повели себя вполне в ее духе.

Опросы свидетельствовали, что только 17% респондентов, намеревавшихся участвовать в выборах в Европарламент, изберут консерваторов. За лейбористов были готовы отдать свои голоса 29%, за проевропейские партии — 26% респондентов (10% — за Партию либеральных демократов, 6% — за Шотландскую национальную партию, 6% — за Зеленую партию, 4% — за «Изменим Соединенное Королевство»). Антиевропейские партии готовы были поддержать 25% избирателей (13% — ПНСК, 12% — Партия брекзита) [7]. Однако опрос агентства YouGov показал, что Партия брекзита стремительно отбирает сторонников у ПНСК, за неделю нарастив рейтинг с 15 до 27%, в том числе (хотя и незначительно) за счет консерваторов с лейбористами. Обе партии брекзитеров вместе набирали 33% голосов[8].

Примечательно замечание председателя фракции Альянса либералов и демократов за Европу в ЕП Ги Верхофстадта: «Я больше всего боюсь, что отсрочка [выхода Британии из ЕС] импортирует кавардак брекзита в Европейский союз и, более того, отравит предстоящие европейские выборы». По его мнению, консерваторы и лейбористы по-прежнему будут «тянуть время», и единственный человек, который может спасти ЕС, — Н. Фарадж[9].

При явке в 37%, как и ожидалось, победу одержала партия Партия брекзита, получив 30,7% голосов и 29 мест. Партия либеральных демократов набрала 19,7%

---

[6] «Изменим Соединенное Королевство» (Change UK) — межпартийное объединение, возникшее в феврале 2019 г. В него вошли три депутата от Консервативной партии и восемь депутатов от Лейбористской партии, разочарованных в позициях своих партий.

[7] Brexit: Corbyn told to back new EU referendum or lose millions of supporters…

[8] Brexit Party leading in EU Parliament polls. YouGov. 13.04.2019. URL: https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2019/04/17/brexit-party-leading-eu-parliament-polls.

[9] BREXIT LIVE: Tories poised for Brexiteer TAKEOVER — Fears 1000s sign up to select next PM. The Express. 17.04.2019. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1114810/brexit-news-latest-uk-eu-theresa-may-brexit-party-today.

голосов и 16 мест, лейбористы — 13,7% и десять мест, Зеленая партия — 11,8% и семь мест, консерваторы — 9% и четыре места, Шотландская национальная партия — 3,5% голосов и три места. По одному месту досталось Партии Уэльса («Плайд Камри»), ирландской «Шинн Фейн», Демократической юнионистской партии и партии «Альянс» Северной Ирландии[10]. Что касается партий «Изменим Соединенное Королевство» и ПНСК, то они в ЕП не прошли.

Впервые обе ведущие партии получили около 23% голосов, что стало самым низким результатом с 1920-х гг., когда лейбористы вытеснили либералов на политической арене Британии. Правящая Консервативная партия опустилась на пятое место. Похоже, Партия либеральных демократов преодолела неприятие избирателей, вызванное ее соглашательской политикой в коалиционном правительстве Д. Кэмерона. Выиграли партии (Партия брекзита, Партия либеральных демократов, Зеленая партия), четко обозначившие свою позицию по брекзиту, оттянув голоса у консерваторов и лейбористов, которые не могли себе позволить четко обозначить свой политический курс. Партия брекзита отобрала голоса и у ПНСК. Страна остается расколотой: голоса за проевропейские партии и за партии брекзита распределились примерно поровну (35–40%). Ни партии бремейнеров, ни партии брекзитеров не создали предвыборных альянсов на евровыборах, что снизило их электоральный потенциал и обеспечило провал ПНСК, равно как и новой партии «Изменим Соединенное Королевство», которая после них распалась.

Безусловно, избиратели голосуют на европейских выборах иначе, чем на выборах в национальный парламент, однако результаты показательны: выборы в ЕП стали суррогатным референдумом по брекзиту, но не разрешили дилемму. Даже через месяц после их проведения Партия брекзита опережала соперников в опросах о партийных предпочтениях избирателей в случае всеобщих выборов. За Партию брекзита готовы проголосовать 23%, Партию либеральных демократов — 21%, лейбористов и консерваторов — по 20%, Зеленую партию — 9%[11]. Таким образом, казалось, прерванная на досрочных парламентских выборах 2017 г. тенденция оттока избирателей к малым партиям возродилась в свете патовой ситуации в национальном парламенте.

Участие Британии в выборах в Европарламент еще больше углубило раскол в обществе и вызвало отставку премьер-министра Т. Мэй, обострив политический кризис в стране. Представляется, что брекзит стал основной разделительной линией в Соединенном Королевстве, отодвинув противостояние по горизонтальной линии политического спектра (правые — левые) на второй план.

---

[10] 2019 European Election Results. United Kingdom. URL: https://www.election-results.eu/national-results/united-kingdom/2019-2024/.

[11] Voting Intention: Brex 23%, Lib Dem 21%, Lab 20%, Con 20% (18–19 June). YouGov. 21.06.2019. URL: https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2019/06/21/voting-intention-brex-23-lib-dem-21-lab-20-con-20-.

*АВИЛОВА А.В.**

Сила и слабость итальянских еврокритиков

Для Италии европейские выборы 2019 г. обозначили важный рубеж в развитии ее внутриполитической обстановки и взаимоотношений с Евросоюзом. Они способствовали выдвижению лидера партии «Лига» Маттео Сальвини на ведущую роль в правящей коалиции и превращению его в неформального предводителя правых националистов (суверенистов) в политическом пространстве ЕС. В то же время итоги выборов выявили ограниченность влияния этой политической группы в европейских структурах нового созыва.

Новое соотношение сил

Выборы в Европейский парламент (ЕП) рассматривались в Италии прежде всего как проверка соотношения сил в правящей коалиции — между «Лигой» и Движением пяти звезд (ДПЗ).

На протяжении года, прошедшего между подписанием правительственного Соглашения об основных направлениях «политики перемен» и выборами в Европарламент, партнеры по коалиции соперничали и спорили по всем вопросам практического руководства страной. За «Лигой» и ДПЗ стоят разные слои электората: «Лига», опирающаяся на малый и средний бизнес Севера, выдвигает на первый план снижение налогов и ужесточение миграционного законодательства, ДПЗ с его массовой поддержкой на полуаграрном Юге — проблемы занятости, коррупции и борьбы с бедностью. Инициативы М. Сальвини одна за другой встречали неприятие и торможение со стороны лидера ДПЗ Луиджи Ди Майо. Разногласия в правительстве создали напряженную обстановку, все более явным становилось стремление М. Сальвини играть главную роль в правящем тандеме.

Выборы в Европарламент должны были стать пробой сил, тем более что к ним были приурочены региональные выборы в области Пьемонт и муниципальные в 3852 коммунах с населением более 16 млн человек — 60% коммун Севера и 25% коммун Юга, в том числе в таких крупных городах, как Флоренция, Ливорно, Феррара и др.

Явка на выборы в Европарламент в Италии была выше среднеевропейской — 56,1% против 51%. Но эти показатели не идут в сравнение с активностью населения на парламентских выборах 2018 г. (72,9%), которые привели к власти в Италии коалицию еврокритиков (см. табл. 1).

Состоявшееся 26 мая 2019 г. голосование принесло триумфальную победу «Лиге» во главе с М. Сальвини. На европейских выборах она получила более трети всех голосов, в Пьемонте — пост губернатора. Муниципальные выборы подтвердили рост ее влияния. Она собрала более 40% голосов в северных областях Венето и Ломбардия, сильно продвинулась в Центральном регионе (в том числе вышла на первое место в области Эмилия-Романья, всегда считавшейся цитаделью левых сил). На Юге, где с 2018 г. абсолютно доминировало ДПЗ, «Лига» увеличила свой электорат вчетверо — с 6 до 23,5%. По сравнению с парламентскими выборами

* Авилова Агнесса Викторовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

2018 г. численность сторонников «Лиги» на европейских выборах увеличилась с 5,7 млн до 9,2 млн человек[1].

Таблица 1. Итоги выборов в Европейский парламент (2019 и 2014 гг.) и национальный парламент Италии (2018 г.)*

Партия	2019		2014		2018 (палата депутатов)	
	% голосов	Кол-во мест	% голосов	Кол-во мест	% голосов	Кол-во мест
Лига	34,3	28	6,1	5	17,4	73
ДПЗ	17,1	14	21,5	17	32,7	222
Демократическая партия	22,7	19	40,8	31	18,7	91
Вперед, Италия	8,8	6	16,8	13	14,0	59
Братья Италии	6,5	6	– (3,7)	-	4,3	19
Народная партия Южного Тироля[2]	0,5	1	0,5	1	0,4	1

Источники: Risultati delle elezioni europee del 2019 (https://risultati-elezioni.eu/risultati-nazionali/italia/2014-2019/sessione-costitutiva); Elezioni 4 marzo 2018: ecco i risultati definitivi | Chi ha vinto (https://www.tpi.it/2018/03/07/elezioni-4-marzo-2018-risultati-definitivi).

* Указаны только партии, прошедшие в Европейский парламент 2019 г.

Решающее преимущество принесли «Лиге» темы иммиграции и безопасности, которым в предвыборных кампаниях других ведущих партий уделялось меньшее внимание. Жесткая политика министра внутренних дел М. Сальвини, фактически закрывшего итальянские порты для иммигрантов, прибывающих морем из Африки и с Ближнего Востока, получила широкую поддержку. Успешной оказалась и тактика выступления с двумя избирательными списками: на Севере — «Лиги Севера», на Юге — «Лиги за Сальвини-премьера». Совмещение европейских выборов с муниципальными также благоприятствовало «Лиге», поскольку Север голосовал на них шире, чем Юг.

ДПЗ во главе с Л. Ди Майо потеряло за год 6 млн голосов из прежних 10,7 млн. Это поражение в значительной мере стало результатом пассивности его электората, около 40% которого не приняло участия в европейских выборах. У многих возникло разочарование в способности ДПЗ вести конструктивную политику, в частности, реализовать во всей полноте идею базового дохода. По оценке, около четверти электората ДПЗ перешло к Лиге, а часть — к Демократической партии. В тех коммунах Юга, где проводилось голосование, у ДПЗ осталось всего 29% сторонников против прежних 43,4%; на Севере оно собрало лишь 10% голосов[3].

В итоге всего лишь за год соотношение сил в правительстве изменилось зеркально: если в марте 2018 г. оно составляло 2:1 в пользу ДПЗ, то теперь — 2:1 в

[1] D'Alimonte R. Lega – M5S, Sud chiave del ribaltone. Il Sole 24 Ore. 28.05.2019.

[2] Народная партия Южного Тироля (SVP) — региональная автономистская партия, представляющая интересы немецко- и ладиноязычного населения провинции Альто Адидже (Южный Тироль). На парламентских выборах 2018 г. выступала в коалиции с Демократической партией, на европейских выборах 2019 г. — в коалиции с партией «Вперед, Италия». Традиционно представлена в итальянском парламенте и ЕП.

[3] D'Alimonte R. Lega – M5S, Sud chiave del ribaltone. Il Sole 24 Ore. 28.05.2019.

пользу «Лиги». После этого выборного цикла «Лига» определилась как общенациональная партия и ведущая политическая сила в стране.

Вместе обе правящие политические силы получили 50,4% — некрупное, но абсолютное большинство голосов.

Демократическая партия (ДП) во главе с новым лидером Николой Дзингаретти удержала основную часть своего электората. На европейских выборах она выступила успешно, выйдя на второе место и опередив ДПЗ по числу собранных голосов. В 22 из 25 региональных столиц, где проводилось голосование, ее электорат не раскололся — вопреки доминирующей тенденции последних лет, которая привела к обособлению нескольких стоящих левее ДП группировок. Однако, несмотря на прирост в процентном отношении, партия понесла потери: число поданных за нее голосов сократилось за год с 6,1 млн до 6,0 млн. Немногочисленные левые силы, выступавшие отдельно от ДП и порознь, не смогли преодолеть четырехпроцентный барьер. В результате этого избирательного цикла ось политической жизни Италии ощутимо сдвинулась вправо.

Обе не входящие в правительство партии правоцентристской коалиции провели своих представителей в Европарламент. При этом партия «Вперед, Италия» продолжила терять сторонников, часть которых перешла к «Лиге». Но ее лидер Сильвио Берлускони, досрочно освободившийся от запрета занимать выборные должности, смог получить европейский мандат. Ультраправая партия «Братья Италии» во главе с Джорджей Мелони, выступавшая с антимиграционными лозунгами, значительно нарастила свое влияние.

М. Сальвини и Л. Ди Майо заявили, что результаты выборов 26 мая не отразятся на их дальнейшем сотрудничестве. М. Сальвини обещал «не сводить счеты», Л. Ди Майо призвал своих сторонников «учиться на ошибках», и оба апеллировали к «мандату, полученному от избирателей в 2018 г. для проведения политики перемен». Однако победа М. Сальвини радикально изменила положение дел, обеспечив ему стратегическое преимущество. Он ясно дал понять, что именно его повестка дня отныне превалирует, и если партнер не пойдет навстречу, придется прибегнуть к досрочным выборам.

Для Л. Ди Майо сложившаяся ситуация создала угрозу потери власти, так как в случае новых выборов трехпартийная правая коалиция («Лига», «Вперед, Италия» и «Братья Италии») может получить абсолютное большинство голосов. Даже двухпартийная коалиция — без С. Берлускони (с которым не хочет сотрудничать лидер ультраправых Дж. Мелони) — может набрать 40%, что при определенных условиях позволит сформировать правительство меньшинства. Однако проведения новых выборов желает, судя по опросам, не более 30% населения, хотя наличие риска для правительства видит больше половины[4]. Ожидания перемен, таких как введение «дохода от гражданства» (главное предвыборное обещание ДПЗ) и общее снижение налогов (главный козырь «Лиги»), превалируют. Эти меры воспринимаются как общая политика правящей коалиции, но, по мнению электората «Лиги», их следует претворять в жизнь, увеличив ее присутствие в правительстве, где пока что численно преобладает ДПЗ. Стоит отметить, что губернаторы северных областей оказывают сильнейшее давление на М. Сальвини, побуждая его освободиться от проигравшего партнера.

[4] Pagnoncelli N. Piu' di un italiano su due vede il governo a rischio, solo il 29% vuole il voto. Corriere della Sera. 31.05.2019. URL: https://www.corriere.it/politica/19_maggio_31/piu-un-italiano-duevede-governo-rischiosolo-29percento-vuole-voto-99d81682-83db-11e9-89bd-2f20504508c1.shtml?refresh_ce-cp.

Разногласия между «Лигой» и ДПЗ охватывают широкий круг проблем. Одной из главных является вопрос о расширении автономии трех северных областей (Ломбардии, Венето и Эмилии-Романьи), которое продвигает «Лига» и которому противится ДПЗ, указывая на возможность чрезмерного благоприятствования более развитым регионам в ущерб отстающим. Стороны расходятся в вопросе об инфраструктурном строительстве, в частности — о сооружении скоростной железной дороги Турин — Лион, которая считается необходимой для промышленного Севера, но воспринимается в ДПЗ как бесполезный и расточительный проект. Нет единого решения для срочной проблемы спасения от банкротства национальной компании Alitalia, нормализации обстановки вокруг крупнейшего металлургического комбината ArcelorMittal (Ilva), стоящего на грани закрытия. Дискуссия по поводу введения плоской шкалы налогообложения упирается в вопрос об источниках покрытия выпадающих бюджетных поступлений. Предложение ДПЗ о минимальной заработной плате в размере 9 евро в час встречено в штыки «Лигой», указывающей на недоступность этой меры для большой части предприятий. Позиции расходятся по вопросам реформы судебной системы, выплаты семейных пособий и т.д. При этом М. Сальвини, вторгаясь в сферу компетенций министра экономики и труда Л. Ди Майо, взял на себя инициативу обращения к предпринимателям и профсоюзам для коллективного обсуждения спорных вопросов[5]. Премьер-министру Джузеппе Конте удается сдерживать проявления конфликта между политическими лидерами, опираясь на поддержку президента Серджо Маттареллы.

Европейское измерение

Острота противоречий в правительстве непосредственно связана с его оппозиционностью ЕС в вопросах экономической и миграционной политики в условиях перехода европейских стран на новый уровень интеграции. В выборах 26 мая «Лига» и ДПЗ участвовали порознь, но под общим лозунгом «необходимости изменить Европу». Их главной мишенью была политика структурных реформ, проводившаяся левоцентристскими правительствами Италии по настоянию ЕС и обернувшаяся, как и для других стран Южной Европы, большими социальными издержками. М. Сальвини объявил эти выборы референдумом против «европейских элит» и поставил целью объединить европейские силы, выступающие «в защиту национального суверенитета» за ограничение полномочий Брюсселя. Л. Ди Майо призывал к борьбе с коррупцией и транснациональным лобби в Брюсселе, преодолению «старых идеологий» и утверждению прямой демократии в противовес бюрократизму европейских структур. «Европа» трактовалась обоими лидерами враждебно, хотя накануне выборов они исключили из своих программ и выступлений требование выхода Италии из зоны евро.

По итогам выборов «Лига» оказалась одним из главных победителей. Она получила 28 евромандатов, тогда как в 2014 г. имела только пять, и образовала самое большое национальное представительство в парламентской группе «Идентичность и демократия» (прежнее название — «Европа наций и свобод»), вице-президентом которой М. Сальвини был с июня 2015 г.

В новой группе представлены девять стран — Италия, Франция, Германия, Бельгия, Австрия, Чехия, Финляндия, Дания и Эстония. Ее возглавит Марко Дзанни, избранный в Европарламент впервые в 2014 г. от ДПЗ, но перешедший теперь в

[5] Fiammeri B. Salvini prepara la manovra. Incontro con imprese e sindacati. Il Sole 24 Ore. 06.07.2019.

партию М. Сальвини[6]. Благодаря высокому государственному статусу последнего эта парламентская группа становится авангардом европейского правого популизма.

На европейском уровне М. Сальвини стремится продвинуть идеи жесткой миграционной политики и пересмотра основ бюджетной дисциплины ЕС. Он вел кампанию, рассчитывая на прорыв — поражение нынешних европейских партий-лидеров и полную победу еврокритиков. Несмотря на то, что прорыв не состоялся, М. Сальвини не отказался от наступательной стратегии, заявляя, что имеет «мандат от итальянских избирателей на переобсуждение параметров ЕС».

Правительство Италии в своей экономической политике заняло позицию, которая идет вразрез с неолиберальным экономическим курсом Брюсселя. Оно сделало ставку на бюджетную экспансию кейнсианского образца, направленную на рост и стимулирование потребительского и инвестиционного спроса как способ выведения экономики из затянувшейся рецессии. Главные пункты экономической программы правительства — снижение налогов (плоская шкала) и введение «дохода от гражданства» (базового дохода для социально уязвимых категорий населения) — требуют серьезной бюджетной поддержки. Без общего снижения налогов, считает М. Сальвини, итальянская экономика не сможет выйти на траекторию устойчивого роста. Для преодоления застоя необходимы и государственные вложения в инфраструктуру, уровень которых резко сократился из-за жесткого режима, установленного для Италии правилами ЕС. Пенсионная реформа, заключающаяся в снижении пенсионного возраста и замещении освобождающихся рабочих мест более молодым контингентом, а также введение в стране минимальной заработной платы (требование Л. Ди Майо) ставят целью комплексное решение назревших социальных проблем. Все это предполагает существенное перераспределение национальных ресурсов и гораздо большую, чем сейчас, свободу рук в области бюджетной политики.

Утверждение бюджета на 2019 г., разработанного в соответствии с этими установками, потребовало длительных переговоров с Еврокомиссией и закончилось хрупким компромиссом, достигнутым ценой больших усилий премьер-министра Дж. Конте и министра финансов Джованни Триа. Для Италии остро встала проблема нарушения Пакта стабильности и роста — принятого в ЕС правила поддержания бюджетного равновесия и последовательного сокращения государственного долга, который достиг 132% и в 2020 г., по оценке Еврокомиссии, может вырасти до 135% ВВП. Несоблюдение Пакта, подтвержденное полгода спустя, вызвало угрозу применения санкций, которую удалось временно снять с помощью нового компромисса — коррекции бюджета при сохранении, однако, основных направлений курса, намеченного «правительством перемен».

В Европарламенте одной из главных целей группы «Идентичность и демократия», заявил ее руководитель М. Дзанни, будет утверждение права стран-членов ЕС на «гибкость» в управлении своими расходами, то есть права иметь больший, чем 3% ВВП, бюджетный дефицит и высокий уровень государственного долга без угрозы оказаться объектом санкций.

В группе, однако, нет единства мнений по этому вопросу: расходятся прежде всего позиции депутатов от Италии и Франции, с одной стороны, и ФРГ и Австрии — с другой. Последние считают, что страны Южной Европы должны навести порядок в своих финансах.

---

[6] Nasce “Identita’ e democrazia”, neo gruppo sovranista al Pe. ANSA Europa. 13.06.2019. URL: http://ansa.it/europa/notizie/europarlamento/news/2019/06/13/ue-le-pen-e-il-momento-del-cambiamento-_ef6cb066-5eb4-453e-82fe-ba5ad22fac3b.html.

Группа М. Сальвини стала по численности только пятой в Европарламенте, уступив народникам, социалистам, либералам и «зеленым», хотя с последними она почти сравнялась (73 места против 74). Бросив вызов ЕС в области бюджетной политики, правительство Италии не может в той мере, в какой надеялось, рассчитывать на внешнюю поддержку. Это ставит его перед необходимостью поиска компромисса с Еврокомиссией, причем надолго: проблемы итальянской экономики носят структурный характер и требуют долгосрочных реформ.

Членов группы объединяет общее понимание европейской идентичности. По словам М. Дзанни, она противостоит той Европе, защитниками которой выступают традиционные политические партии. Чтобы идти вперед, Европа должна основываться на защите национальной самобытности и идее государства-нации, а не европейского супергосударства. Ее задачи — внутренняя безопасность и лучшее управление процессом миграции, отказ от политики открытых дверей, поскольку она принесла нестабильность, и охрана внешних границ[7].

Многие члены группы высказываются за снятие европейских санкций против России. Однако этот вопрос тоже является одним из главных пунктов расхождений: за отмену санкций выступают представители Италии, Франции, Германии и Австрии, против — остальные, особенно представители Финляндии и Дании. Он же мешает и объединению группы «Идентичность и демократия» с другими радикальными правыми в новом составе Европейского парламента. В частности, разногласия по этому вопросу стали препятствием для присоединения к группе М. Сальвини польской партии «Право и справедливость» и радикальных правых партий, представляющих скандинавские страны.

Точкой опоры для проведения оппозиционной руководству ЕС политической линии послужит обещанный Италии пост главы одной из экономических комиссий, соединенный с полномочиями вице-председателя Еврокомиссии. Согласно итогам выборов, эту должность получит депутат «Лиги».

Политическая окраска «Лиги» препятствует развитию внутрипарламентских контактов. Еще до выборов от сотрудничества с суверенистами отказалась Европейская народная партия. Идейно близкая «Лиге» венгерская «Фидес» дистанцировалась от нее, не желая терять свою принадлежность к народникам. Депутаты ультраправой испанской «Вокс», впервые прошедшие в Европарламент, считают, что с «Лигой» их «слишком многое разделяет»[8]. Так же далеки от сотрудничества и депутаты ДПЗ: «Мы онтологически отличаемся от «Лиги», — заявил их руководитель Фабио Массимо Кастальдо. — Наше видение Европы совершенно иное»[9].

ДПЗ испытывает еще большие трудности. Ему не удалось создать отдельную группу: не хватило численности депутатов и странового представительства (требуется 25 депутатов из семи стран). В Европарламенте 2014 г. ДПЗ вместе с британской Партией независимости Соединенного Королевства была организатором группы под названием «Европа за свободу и прямую демократию», в которую входили также несколько мелких правых партий, преимущественно из стран Восточной Европы. В ходе предвыборной кампании 2019 г. Л. Ди Майо, найдя новых

---

[7] Com'e' finite il gruppo dei sovranisti europei. Il Post. 13.06.2019. URL: https://www.ilpost.it/2019/06/13/sovranisti-gruppo-europa-salvini.

[8] Gonzalez M. Vox descarta sentarse en el Parlamento europeo con Salvini y Le Pen. El País. 01.06.2019. URL: https://elpais.com/politica/2019/05/31/actualidad/1559301886_976588.html.

[9] M5s a Europarlamento non saranno alleati nè con Salvini nè destra. Askanews. 04.06.2019. URL: http://www.askanews.it/politica/2019/06/04/m5s-a-europarlamento-non-saranno-alleati-n%c3%a8-con-salvini-n%c3%a8-destra-pn_20190604_00242.

союзников в лице популистских партий Хорватии, Греции, Финляндии и Польши, надеялся создать группу, способную стать «осью баланса сил» в парламенте нового созыва. Но его партнеры, за исключением хорватской «Живой стены», не преодолели пороговый барьер.

Депутатам от ДПЗ было отказано в присоединении к «зеленым», хотя у них имеются общие экологические установки. Глава этой группы Филипп Ламбер назвал ДПЗ «автократией», подчиненной консалтинговой компании Джанроберто Казаледжо — политического стратега Движения. Группа либералов, в которой главную роль играет партия Эммануэля Макрона «Вперед, республика!», не принимает депутатов от ДПЗ, лидер которых пытался (безуспешно) наладить отношения с «желтыми жилетами». Народники и социалисты дали понять, что считают позиции слишком далекими, чтобы устанавливать какое-либо сотрудничество. Попытка присоединиться к «Европейским консерваторам и реформистам» также была неудачной. В результате 14 депутатов от ДПЗ оказались в числе неприсоединившихся. Между тем членство в парламентской группе — единственный способ для европейской партии получить доступ к материальным ресурсам и возможность активного участия в работе Европарламента[10].

Демократическая партия выступала на выборах под лозунгом «Мы — европейцы». В ее манифесте говорилось: «Целью является не сохранение той Европы, которая есть сейчас, а воссоздание ее через укрепление ценностей демократического гуманизма в условиях глубоко изменившегося мира». ДП взяла реванш за поражение в 2018 г., проведя своего представителя Давида Сассоли на пост председателя Европарламента. Это удалось сделать при согласованной поддержке групп, образовавших новое парламентское большинство — народников, социалистов и либералов. Избрание итальянского социалиста на один из высших европейских постов стало продолжением тактики, примененной еще в 2014 г. в отношении партий, выступавших с евроскептических позиций, а именно — организованного недопущения их к руководству. По свидетельству прессы, в парламенте нового созыва сторонники евроинтеграции объединили свои усилия для установления «санитарного кордона» против суверенистских партий[11].

Таким образом, итоги выборов в Европарламент 2019 г. неодинаковы для итальянского правительства во внутриполитическом и внешнем, европейском плане. Внутриполитический эффект заключается в радикальном изменении соотношения сил в правящей коалиции и решительном продвижении М. Сальвини к роли единоличного лидера в проведении «политики перемен». Но во внешнеполитическом плане победа М. Сальвини лишь повысила его личный престиж как сильного политического деятеля и неформального предводителя правых националистов в Европарламенте. Эта победа не принесла ожидаемого прорыва во власть итальянским и европейским суверенистам. Италия, начав свой оппозиционный экономический эксперимент, остается уязвимым звеном еврозоны и вынуждена искать приемлемую для себя линию взаимодействия с новым руководством Евросоюза.

---

[10] Il M5S ha un grosso problema al Parlamento Europeo. Il Post. 07.06.2019. URL: https://www.ilpost.it/2019/06/07/m5s-parlamento-europeo.

[11] Mauro A. All'Europarlamento cordone sanitario contro i sovranisti. HuffPost Italy. 08.06.2019. URL: https://www.huffingtonpost.it/entry/alleuroparlamento-cordone-sanitario-contro-i-sovranisti_it_5cfb7bf5e4b04e90f1c9d7da.

*АЛЕКСЕЕНКОВА Е.С.**

Италия: «Лига» и другие

Состоявшиеся 23–26 мая выборы в Европейский парламент (ЕП) проходили под лозунгом борьбы «совранистов» и «интеграционистов» — сторонников большей самостоятельности национальных правительств и инициаторов дальнейшего углубления интеграции Европейского союза. Ставки ключевых оппонентов были довольно высоки: претендующий на роль главного лидера «интеграционистов» Эммануэль Макрон пугал всю Европу дальнейшим распространением националистической «проказы», а самый харизматичный суверенист, лидер итальянской «Лиги» Маттео Сальвини заявлял об «исторической миссии» по изменению всей Европы. Таким образом, предвыборная агитация в ключевых странах ЕС выглядела как подготовка к решающей битве за будущее Европы, компромиссы в которой невозможны.

В ходе предвыборной борьбы теряющие популярность силы политического мейнстрима прибегали среди прочего к провокациям и информационным вбросам о «руке Москвы» и связях представителей евроскептиков с Кремлем. Так, в частности, за несколько дней до выборов был спровоцирован политический кризис в Австрии, где лидер Австрийской партии свободы Хайнц-Кристиан Штрахе был обвинен в сговоре с подставной племянницей российского олигарха. А лидер «Лиги» М. Сальвини еще в феврале 2019 г. обвинялся в прессе в получении трех млн евро от Кремля для ведения предвыборной кампании[1].

Однако информационная кампания по дискредитации «совранистов» не увенчалась успехом. Хотя евроскептики и не получили трети мест в ЕП, как того опасались накануне выборов, все же им удалось существенно увеличить свое присутствие. Так, «Лига» займет в новом парламенте в пять раз больше мест, чем занимала в предыдущем (28 мест вместо пяти). Сам М. Сальвини, чья партия по итогам выборов получила 34% голосов, заявил о безусловной победе и намерениях начать «менять Европу изнутри».

Между тем результаты выборов для Италии представляются не столь однозначными, и есть весомые аргументы, которые позволяют предположить, что победа итальянских «совранистов» повлечет за собой еще большее ухудшение отношений между Римом и Брюсселем и, что не менее важно, дальнейшее ослабление коалиционного правительства в Италии. Однако тенденцию к большему вовлечению и граждан, и политиков в процесс артикуляции и защиты национальных интересов уже вряд ли удастся остановить.

Главным итогом выборов в ЕП для Итальянской Республики стала, безусловно, легитимация правительства желто-зеленой коалиции, пришедшей к власти по итогам национальных парламентских выборов 4 марта 2018 г., и проводимого им курса на изменение баланса национального и наднационального суверенитета. Сформировавшие коалицию силы — «Лига» и Движение пяти звезд (ДПЗ) — получили 34,33% и 17,07% голосов соответственно[2], что в сумме составляет 51,4% проголосовавших. При довольно высокой явке (54%) такие

---

* Алексеенкова Елена Сергеевна — кандидат политических наук, руководитель Центра итальянских исследований Отдела черноморско-средиземноморских исследований Института Европы РАН.

[1] Quei 3 milioni russi per Matteo Salvini: ecco l'inchiesta che fa tremare la Lega. L'Espresso. 21.02.2019. URL: http://espresso.repubblica.it/plus/articoli/2019/02/21/news/tre-milioni-matteo-salvini-russia-1.331924.

[2] Italy — European Parliament Election 2019. Politico.eu. URL: https://www.politico.eu/2019-european-elections/italy.

результаты голосования, безусловно, свидетельствуют о том, что «правительство перемен» легитимно и по-прежнему пользуется доверием избирателей спустя год после выборов. Это означает, что политически активное население Италии в целом одобряет избранный коалицией курс на «возвращение национального суверенитета» народу Италии, в частности посредством проведения экономических и социальных реформ, не одобряемых в Брюсселе. Речь идет прежде всего об отходе от мер жесткой экономии в пользу кейнсианской экономической политики — введении безусловного дохода гражданина, пенсионной реформе («квоте 100»[3]), переходе на плоскую шкалу налогообложения, а также рестриктивной миграционной политике.

Однако прошедшие выборы в ЕП зафиксировали не только легитимность «правительства перемен» и его политического курса, но и изменение баланса сил внутри правящей коалиции. С момента национальных выборов 2018 г. две политические силы фактически поменялись местами по уровню поддержки электората: ДПЗ с 32% в марте 2018 г. опустилось до 17% на выборах в Европарламент, «Лига» же, напротив, набрав 17% в марте прошлого года[4], в мае 2019 г. опередила прошлогодний рейтинг ДПЗ, получив 34%. Две других правых партии также попали в Европейский парламент: «Вперед, Италия» получила шесть мест (8,8% избирателей), а «Братья Италии» — пять мест (6,5%). Однако их тренды с точки зрения поддержки электората оказались разнонаправленными: «Вперед, Италия» потеряла половину голосов по сравнению с общенациональными выборами 2018 г. (14%) и выборами в Европарламент 2014 г. (16,8%, 13 мест), а союзники М. Сальвини «Братья Италии», напротив, прибавили: в марте 2018 г. у них было всего 4,3% голосов, а в Европарламенте 2014 г. вообще ни одного кресла[5].

Результаты Демократической партии (ДП) на выборах 26 мая могут стать первым признаком консолидации оппозиционных сил противников политического курса «правительства перемен». В 2014 г. на выборах в ЕП эту партию поддержали 40,8% избирателей, а сейчас лишь 22,7% (количество занимаемых мест сократилось с 31 до 19), что, безусловно, отражает колоссальное падение степени поддержки левоцентристов. Однако необходимо признать, что по сравнению с национальными выборами 2018 г., на которых ДП получила всего лишь 19%, ей удалось несколько восстановить утраченное доверие избирателей. Возможно, это является сигналом, свидетельствующим о том, что новому лидеру левых Николе Дзингаретти удалось привлечь голоса протестного электората, не согласного с политикой желто-зеленой коалиции. На сегодняшний день ДП это, по сути, единственная серьезная политическая сила в стране, способная составить альтернативу действующему «правительству перемен», и в случае его неспособности вывести страну из экономической рецессии у левых есть все шансы вернуться к высоким рейтингам поддержки электората.

М. Сальвини оценивает результаты выборов исключительно как победу. Его партия — безусловный лидер в Италии, а количество занимаемых ею мест в Европарламенте практически равно весу немецких христианских демократов (у тех 29 кресел — всего на одно больше). Несомненно, у сторонников укрепления национального суверенитета Италии никогда не было такого представительства в

---

[3] «Квота 100» — формула, положенная в основу новой пенсионной системы: для выхода на пенсию требуется, чтобы сумма возраста и пенсионного стажа работника равнялась 100. Начальный вариант, предложенный на ближайшие три года — возраст 62 года и пенсионный стаж 38 лет.

[4] Elezioni politiche 2018 camera — Spoglio in tempo reale. La Repubblica, URI:https://elezioni.repubblica.it/2018/cameradeideputati.

[5] Italy — European Parliament Election 2019…

европейских институтах. Кроме того, победа Национального объединения во Франции, Партии брекзита в Великобритании, «Фидес» в Венгрии и партии «Право и справедливость» в Польше, по мнению итальянского политика, отражает серьезное изменение баланса сил в пользу «совранистов» на европейском уровне, а значит, получение ими бо́льших возможностей для реализации своей повестки и изменения Европейского союза.

В ходе предвыборной кампании М. Сальвини неоднократно заявлял о намерении объединить в одну коалицию всех «совранистов» Европы. Однако, как отмечают многие эксперты, эта идея лидера «Лиги» не увенчалась успехом, что свидетельствует о низкой договороспособности данных политических сил и неминуемо лишает их возможности усилить свои позиции внутри европейских институтов. Сторонники тезиса о поражении евроскептиков на выборах в Европарламент подчеркивают, что в предвыборной кампании итальянских «совранистов» не было европейской повестки: не предлагались конкретные реформы ЕС, не озвучивались альтернативные экономические решения, не было новой стратегии развития Евросоюза. По сути, произошла подмена общеевропейской кампании национальной кампанией, что и вылилось в итоге в то, что выборы стали легитимацией проводимого действующим правительством курса.

Кроме того, у «совранистов» разных стран отсутствует общая идейная платформа, а количество расходящихся интересов, напротив, делает их позиции фактически несовместимыми[6]. Так, Италия и Венгрия по-разному смотрят на решение проблемы миграции, французские и итальянские популисты не имеют общих подходов к решению проблемы финансовой дисциплины в ЕС, в Варшаве и в Риме по-разному относятся к России. К тому же евроскептики разных стран входят в разные коалиции внутри Европарламента и перспективы объединения их в одну совершенно не видно.

Действительно, объединить всех «совранистов» в одну коалицию у М. Сальвини пока не получается. Однако существенные шаги в этом направлении уже были сделаны. В частности, 13 июня 2019 г. было объявлено о создании новой коалиции «Идентичность и демократия», которая заменит существовавшую в ЕП предыдущего созыва «Европу наций и свобод»[7]. В коалицию, насчитывающую на данный момент 73 депутата, войдут итальянская «Лига», французское Национальное объединение, немецкая «Альтернатива для Германии», а также депутаты от Австрийской партии свободы, Партии финнов, Датской народной партии и, возможно, Консервативной народной партии Эстонии и чешской «Свободы и прямой демократии». Также идут переговоры о присоединении испанской «Вокс». Председателем новой коалиции станет советник М. Сальвини по внешнеполитическим вопросам Марко Дзанни.

По мнению ряда итальянских экспертов, для Италии подобный расклад означает лишь дальнейшую изоляцию страны внутри ЕС, поскольку партии мейнстрима, коих пока в Европарламенте все же большинство, с М. Сальвини говорить не станут, а представителей ДП и партии «Вперед, Италия» в ЕП стало вдвое меньше[8]. В то же время совершенно очевидно, что коалиция весом 73 кресла уже способна заявить свой голос по ключевым вопросам интеграционной повестки и

---

[6] Villa M. Euroscettici: gli ostacoli di un'opposizione fuori dall'ordinario. ISPI. 24.05.2019. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/euroscettici-gli-ostacoli-di-unopposizione-fuori-dallordinario-23176.

[7] Nationalism in the EU has a new name: 'Identity and Democracy'. Euronews. 13.06.2019. URL: https://www.euronews.com/2019/06/13/nationalism-in-the-eu-has-a-new-name-identity-and-democracy.

[8] Tocci N. How Italy lost the European election. La Reppublica. 28.05.2019. URL: https://www.politico.eu/article/how-italy-lost-european-election-2019-national-maginalization.

игнорировать этот голос будет довольно сложно. А вот вопрос о том, смогут ли объединившиеся в новую коалицию партии выработать некую общую позитивную повестку для реформирования ЕС, пока что действительно остается открытым. На данный момент помимо требования пересмотра баланса национального и наднационального суверенитета, а также стремления ограничить приток мигрантов и остановить процесс исламизации ЕС, новых идей, например, в сфере финансового регулирования и экономической политики ЕС, не прозвучало. И это, безусловно, серьезный вызов для партии «Лига», поскольку накануне выборов ставки были подняты слишком высоко, а теперь, когда позиции «совранистов» в Европарламенте столь значительно укрепились, М. Сальвини вынужден сформулировать и предложить какую-то конкретную повестку для Европы. Лозунгов о необходимости изменений уже явно недостаточно, наступило время оправдывать доверие избирателей. Пока же одной из первых инициатив итальянского вице-премьера стало проведение общеевропейской министерской конференции по вопросам экономического развития. Конференция должна затронуть вопросы обеспечения экономического роста, сокращения безработицы, налоговой и инвестиционной политики, проблемы государственного долга и бюджетного дефицита[9].

Помимо отсутствия позитивной повестки для реформирования ЕС, позиции Италии в Европарламенте ослабляет также то, что ДПЗ не присоединилось к коалиции М. Сальвини, хотя такие предложения делались лидером «Лиги» еще до выборов 26 мая. Луиджи Ди Майо рассчитывал на формирование собственной группы евроскептических «нетрадиционных» партий, заручившись поддержкой лидера «Живой стены» в Хорватии, Павела Кукиза в Польше, «Движения сейчас» в Финляндии, «желтых жилетов» во Франции, а также греческой Партии аграриев и животноводов. Однако, как и ожидалось, многие из тех партий, с которыми вел переговоры Л. Ди Майо[10], не получили ни одного кресла в парламенте. Партия брекзита, набравшая 30,8% голосов (29 мест) и, по сути, единственный весомый коалиционный партнер ДПЗ, вынуждена будет покинуть его с выходом Великобритании из ЕС.

Внутри страны выборы в ЕП также сформировали ряд существенных вызовов, от ответа на которые во многом зависит дальнейшая судьба желто-зеленой коалиции.

Во-первых, неоспоримым фактом стало превращение «Лиги» в общенациональную политическую силу. История данной партии была не одно десятилетие связана с борьбой за независимость Падании — богатых северных областей Италии, что традиционно обеспечивало ей высокую электоральную поддержку именно на севере страны. Юг в последние годы выступал в поддержку ДПЗ, предлагавшего ряд социально ориентированных экономических инициатив[11]. Однако недавний цикл прошедших в Италии региональных выборов убедительно показал, что «Лига» стала самой популярной партией и на юге страны. Ее представители победили на выборах глав регионов в Абруццо, Базиликате, на Сардинии[12]. Выборы в ЕП еще раз зафиксировали этот тренд.

---

[9] Matteo Salvini Facebook page. URL: https://www.facebook.com/salviniofficial/videos/463598991113662/UzpfSTI1MjMwNjAzMzE1NDoxMDE1NjY0ODQ0NzU3ODE1NQ.

[10] The Five Star Movement's attempt to create a European Parliament group. Euractiv.com. 18.02.2019. URL: https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2019/opinion/the-five-star-movements-attempt-to-create-a-european-parliament-group.

[11] Elezioni politiche 2018 camera — Spoglio in tempo reale…

[12] Regionali: tutti i risultati. Corriere della sera. 29.05.2019. URL: https://www.corriere.it/elezioni-2019/risultati-regionali.

Во-вторых, скромный результат ДПЗ, очевидно, повлечет за собой существенную трансформацию данной политической силы[13]. Л. Ди Майо сразу после неудачных выборов призвал сторонников ДПЗ проголосовать на платформе «Руссо» по вопросу доверия ему как лидеру партии. Более 80% из 56 тыс. зарегистрированных на платформе граждан проголосовали в его поддержку[14]. Однако среди партийных лидеров ДПЗ по-прежнему нет единства по дальнейшей стратегии развития партии и по вопросам социально-экономических реформ. Л. Ди Майо объявил, что в ближайшее время последует реорганизация ДПЗ, но оно продолжит работу в правительственной коалиции. М. Сальвини в свою очередь также заявил, что пересмотра постов и самого «контракта» не будет, однако он намерен настаивать на осуществлении тех мер, которые были предметом многочисленных споров «Лиги» и ДПЗ, таких как строительство магистрали Турин — Лион, новый закон о безопасности, налоговые изменения, усиление региональной автономии и др.

В некоторой степени арбитром хрупкой коалиции выступил премьер-министр Джузеппе Конте, который 3 июня на пресс-конференции[15] объявил о том, что уйдет в отставку в случае, если две партии не прекратят политическую борьбу и противостояние по реформам, обозначенным в «правительственном контракте». Подобная публичная артикуляция конфликта, представляется, свидетельствует о довольно высоком риске раскола коалиции. Однако вслед за этим последовали переговоры и заверения всех трех лидеров о том, что она продолжит свою работу. Очевидно, что на данном этапе М. Сальвини заинтересован в извлечении максимальных дивидендов из своего политического веса, а не в политическом скандале, способном подорвать репутацию всех. Кроме того, в случае распада коалиции и досрочных выборов он рисковал столкнуться с оппозицией сразу двух политических сил с примерно равным уровнем поддержки около 20% (ДП и ДПЗ). В текущих условиях гораздо выгоднее иметь младшего партнера по коалиции, который в силу политической слабости вынужден будет поддерживать решения старшего. А Л. Ди Майо, очевидно, ждет именно такая участь: для него идти на новые выборы с рейтингом 17% — это политическое самоубийство.

Определенным «сплачивающим» фактором для коалиции сегодня является реальная угроза введения санкций ЕС против Италии за нарушение финансовой дисциплины. Наличие внешнего «врага» в виде Брюсселя, возможно, отодвинет на некоторое время политическое соперничество М. Сальвини и Л. Ди Майо на задний план.

В-третьих, результаты итальянских выборов в Европарламент свидетельствуют о происходящем изменении характера политического процесса в самой Италии и в ЕС в целом. На национальном уровне с приходом желто-зеленой коалиции все больше имеет место «эффект вовлечения» граждан в политику. СМИ, социальные медиа и электронные платформы для выражения мнения граждан, активно используемые, в частности, итальянскими «Лигой» и ДПЗ, создают эффект присутствия и вызывают ощущение причастности к принятию политических решений. Они позволяют достичь эффекта мгновенного влияния на политику для

---

[13] Elezioni europee, Di Maio: "Nessuno vuole mie dimissioni". Di Battista: "Problema è cosa si fa". Parte la resa dei conti interna. La Repubblica. 27.05.2019. URl: https://www.repubblica.it/politica/2019/05/27/news/m5s_nugnes_ridiscutere_ruolo_di_maio_fico_scenda_in_campo_per_leadership_-227334304.

[14] Di Maio rimarrà il capo politico del M5S. Il Post. 30.05.2019. URL: https://www.ilpost.it/2019/05/30/di-maio-votazione-capo-politico.

[15] Conferenza stampa del Presidente Conte // Governo Italiano. 03.06.2019. URL: http://www.governo.it/it/articolo/conferenza-stampa-del-presidente-del-consiglio-conte/11998.

немедленных изменений «здесь и сейчас». Победа политических сил, демонстрирующих готовность к такого рода решительным действиям, — это тренд, с которым партиям мейнстрима, которых пока большинство, так или иначе придется считаться.

*ЯКОВЛЕВ П.П.**

Европарламент: испанский вариант

Всю первую половину 2019 г. Королевство Испания жило в состоянии повышенной политической напряженности, вызванной практически перманентной избирательной борьбой. Реперными точками электорального марафона стали досрочные парламентские выборы 28 апреля и избирательный *mix* так называемого супервоскресенья 26 мая, когда испанцы голосовали за депутатов Европейского парламента (ЕП), а также выбирали муниципальные и региональные власти в 12 из 17 автономных сообществ. Другими словами, в течение нескольких месяцев вся политическая жизнь Испании концентрировалась вокруг избирательных кампаний разных уровней.

Правительство Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), пришедшее к власти 1 июня 2018 г. в результате вотума недоверия администрации консервативной Народной партии (НП), с самого начала не имело достаточной поддержки в Генеральных кортесах (национальном парламенте), чтобы провести необходимые стране социально-экономические реформы[1]. Каплей, переполнившей чашу терпения руководства социалистов, явился отказ большинства парламентариев одобрить государственный бюджет на 2019 г. (в основе своей разработанный еще администрацией НП), содержавший политически выигрышные для ИСРП поправки социального характера. По подсчетам экспертов, их принятие улучшало материальное положение порядка 14 млн испанцев [2], что могло существенно укрепить авторитет правительства и лично его главы — Педро Санчеса. Вполне понятно, что правая оппозиция не горела желанием преподнести ИСРП такой «подарок».

В ответ социалисты назначили и провели 28 апреля 2019 г. досрочные всеобщие выборы, на которых добились значительного успеха (число членов ИСРП в конгрессе депутатов возросло с 85 до 123). Тем самым П. Санчес ощутимо укрепил свое положение внутри страны. Достигнутый результат социалисты рассчитывали закрепить на выборах в ЕП и таким образом «подать заявку» на более заметную политическую роль в европейских делах.

Следует подчеркнуть, что выборы в Европарламент рассматривались в испанских властных кругах и экспертном сообществе как возможность расширить влияние Мадрида в институтах Евросоюза, занять сильные позиции на европейском политическом пространстве. Позиции, как считают испанцы, соответствующие экономическому, демографическому и военному потенциалу страны. При этом в испанском истеблишменте ссылались на бесспорные экономические достижения последних лет, когда после кризисного провала 2009 г. и тяжелых лет рецессии Испания стала одним из лидеров Евросоюза по темпам прироста ВВП и другим ключевым макроэкономическим показателям (см. табл. 1).

---

* Яковлев Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

[1] Яковлев П.П. Испания на крутом политическом вираже. Свободная мысль. 2018. № 4 (1670). С. 99–112.

[2] Puntos clave de los Presupuestos y todas las novedades fiscales que traen las cuentas de 2019. El Economista. 14.01.2019.

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели стран ЕС и Испании (изменение за год, %)

Страна	2010–2014	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП						
Страны Евросоюза	1,1	2,3	2,0	2,5	2,0	1,4
Испания	*-1,5*	*3,6*	*3,2*	*3,0*	*2,6*	*2,1*
Частное потребление						
Страны Евросоюза	0,3	2,1	2,4	2,0	1,6	1,6
Испания	*1,5*	*3,0*	*2,9*	*2,5*	*2,3*	*1,9*
Государственное потребление						
Страны Евросоюза	0,4	1,4	1,7	1,0	1,1	1,6
Испания	*-1,2*	*2,0*	*1,0*	*1,9*	*2,1*	*1,7*
Инвестиции в основной капитал						
Страны Евросоюза	0,2	4,9	3,1	3,1	3,2	2,1
Испания	*-3,9*	*6,7*	*2,9*	*4,8*	*5,3*	*3,6*
Экспорт товаров и услуг						
Страны Евросоюза	5,2	6,3	3,2	5,4	3,0	2,5
Испания	*5,3*	*4,2*	*5,2*	*5,2*	*2,3*	*2,3*

Источник: European Economic Forecast. Spring 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. P. 105, 174, 177, 178, 197.

Выход Испании из глубокого финансово-экономического кризиса и затянувшейся рецессии вселил в испанский истеблишмент надежду на своего рода стратегический реванш как внутри страны, так и на внешнем периметре. В этом смысле европейские парламентские выборы имели для Мадрида особое значение по двум главным причинам.

Первая — в Испании не без оснований считают, что роль ЕП в проведении коммунитарной политики будет возрастать, в частности потому, что формирование данного органа происходит наиболее демократическим путем — прямым голосованием, а данный механизм становится в странах Европы все более востребованным. Особенно, подчеркнем, на фоне широкого и, по сути, общеконтинентального недовольства действиями брюссельской бюрократии, «которую никто не выбирал». «Парламент в Страсбурге наращивает влияние в архитектуре Европейского союза…», — отмечалось в редакционной статье газеты «Паис»[3].

Вторая — именно в Европарламенте испанское представительство традиционно было наиболее значимым. В период с присоединения Испании к объединенной Европе в 1986 г. испанцы трижды занимали посты председателей Европарламента, 28 раз — заместителей председателя и в 32 случаях возглавляли парламентские комиссии[4]. Ни в одном другом органе ЕС эмиссары Мадрида никогда не имели столь сильных позиций.

В связи с этим напомним, что максимальным количеством евродепутатов (64 парламентария) Испания располагала в 1994–2004 гг. Затем их число сократилось до 54. В случае выхода Великобритании из ЕС Мадрид дополнительно получит пять депутатских мест.

[3] ‘Superdomingo’. El País. 26.05.2019.
[4] Velarde J. Nuestra situación relativa en la UE. El Economista. 21.01.2019.

В испанских правящих кругах считают, что в ближайшие годы страны Евросоюза и организация в целом столкнутся с целым рядом проблем, в решении которых новый состав ЕП (в том числе депутаты-испанцы) должен принять максимально активное участие.

После досрочных всеобщих выборов 28 апреля 2019 г. общественно-политическая ситуация в Испании «зависла» в нестабильном равновесии. Причиной тому стали во многом ожидаемые результаты голосования, в значительной мере изменившие соотношение партийно-политических сил, но оставившие открытыми ряд вопросов, которые должны были окончательно прояснить намеченные на 26 мая выборы в Европарламент, фактически ставшие «вторым туром» всеобщих выборов[5].

Результаты голосования 26 мая 2019 г. за евродепутатов в целом подтвердили те политические сдвиги, которые произошли в Испании в последние годы. Как и на апрельских всеобщих выборах, правящая ИСРП получила самую широкую поддержку и провела в Европарламент 20 депутатов (в 2014 г. их было на шесть меньше — 14). Более того, социалисты набрали на 4 п.п. голосов больше, чем на всеобщих выборах (см. табл. 2).

Таблица 2. Результаты выборов в Европарламент в Испании в 2019 и 2014 гг.

Партия, коалиция	Выборы 26 мая 2019 г		Выборы 25 мая 2014 г.	
	% голосов	Места в ЕП	% голосов	Места в ЕП
ИСРП	32,84	20	23,00	14
НП	20,13	12	26,08	16
Граждане	12,17	7	3,17	2
Вместе можем (в 2014 г. — Подемос)	10,05	6	7,97	5
Вокс	6,20	3	1,57	0
Остальные	18,61	6	38,21	17
Итого	100,00	54	100,00	54

Источник: Resultados Electorales en Total España: Elecciones Europeas. (https://resultados.elpais.com/elecciones/2019/europeas/index.html).

Уступив первенство социалистам и потеряв четыре депутатских места, консервативная НП, тем не менее, заметно улучшила результат, достигнутый в апреле, и получила 12 европарламентских мандатов. На третьем месте по числу голосов и количеству евродепутатов (семь вместо двух в 2014 г.) обосновалась правоцентристская партия «Граждане», что подтвердило ее растущий вес в национальной политике.

Формально, по сравнению с 2014 г. немного улучшили свои показатели левые радикалы, получившие шесть мест вместо пяти. Но следует иметь в виду два момента: за месяц, прошедший со всеобщих выборов, коалиция «Вместе можем» утратила поддержку значительной части электората (10,1 вместо 14,3%); кроме того, в 2014 г. «якорная» организация коалиции — партия «Подемос» — участвовала в выборах в одиночку, без союзников.

[5] Llaudes S. Elecciones al Parlamento Europeo 2019: cinco elementos a destacar y una coda. Real Instituto Elcano. 27.05.2019. URL: https://blog.realinstitutoelcano.org/elecciones-al-parlamento-europeo-2019-cinco-elementos-a-destacar-y-una-coda.

Наконец, три места в Европарламенте получила ультраправая партия «Вокс», набрав в четыре раза больший процент голосов, чем в 2014 г. Но и в данном случае электоральный результат ультраправых был значительно скромнее по сравнению со всеобщими выборами: соответственно 6,2 и 10,3%.

Какие можно сделать выводы из приведенного анализа?

Прежде всего, обращает на себя внимание своеобразный «электоральный отскок» двух ведущих партий — социалистов и народников. Обе они закрепили свое лидерство и оторвались от ближайшего преследователя — «Граждан», несмотря на его очевидный прогресс. Кроме того, показательна концентрация политического влияния в руках большой партийной пятерки (социалисты, народники, «Граждане», «Подемос» и «Вокс»). Если в 2014 г. на их долю пришлось менее 62% голосов и 37 депутатских мест, то в 2019 г. — свыше 81% и 48 мандатов. И последнее. По сравнению со всеобщими выборами, при голосовании за евродепутатов испанские избиратели в своем большинстве явно отдали предпочтение более умеренным политическим силам, снизив уровень поддержки радикальных партий.

В обстановке усилившегося беспокойства за будущее Евросоюза испанские политические и экспертные круги проявили значительный интерес к ситуации в других странах ЕС и общим результатам выборов в ЕП. По мнению многих аналитиков, выборы в Европарламент в целом «оставили кисло-сладкое послевкусие». С одной стороны, евроскептики получили несколько меньше голосов избирателей, чем ожидалось (порядка 25%, а не 33%, как предсказывали отдельные эксперты). С другой стороны, «призрак правого популизма продолжает бродить по Европе», угрожая стабильности институтов Евросоюза[6].

В Испании считают, что ЕС «выдержал лобовую атаку ультраправых сил и сумел «обуздать популистскую волну» главным образом благодаря либералам и «зеленым», которые увеличили свое представительство в Европарламенте. Одновременно в ведущих «мозговых центрах» отметили то немаловажное обстоятельство, что Испания (вместе с Португалией) превратилась в политический бастион европейской социал-демократии и наиболее последовательно выступает против сворачивания тех интеграционных инициатив, которые не устраивают евроскептиков. В Мадриде надеются, что еврооптимистическая центристская позиция испанского руководства поможет предотвратить развал Евросоюза и сохранить вектор на дальнейшее развитие объединительных процессов[7].

Новая расстановка сил в Европарламенте дает Испании шанс покинуть обычный для нее «задний план» европейской политики и занять место, точнее отвечающее ее реальному демографическому и экономическому потенциалу. Ключевым фактором политического возвышения Испании может стать договоренность П. Санчеса и Эммануэля Макрона о формировании оси Париж — Мадрид и, если говорить шире, налаживании общеевропейского стратегического взаимодействия либералов и социал-демократов. На практике, считают в испанском экспертном сообществе, это должно означать образование новой большой коалиции, призванной заменить традиционный альянс консерваторов и социалистов, доминировавший на европейском политическом поле в течение нескольких десятилетий[8]. Именно об этом, по свидетельству наблюдателей, шла речь на

[6] Núñez Villaverde J.A. El agridulce sabor de las elecciones europeas. Real Instituto Elcano. 27.05.2019. URL: https://blog.realinstitutoelcano.org/el-agridulce-sabor-de-las-elecciones-europeas.

[7] De Miguel B. Los nacionalistas vencen en países clave, pero no ganan poder en la Eurocámara. El País. 27.05.2019.

[8] España vuelve a Europa. El País. 30.05.2019.

встрече двух лидеров в Елисейском дворце непосредственно после завершения выборов в ЕП.

Привлекает к себе внимание и заметная активизация дипломатических контактов между Испанией, Францией и другими странами юга Европы. Новым свидетельством этому явилось совещание в верхах в Ла-Валлетте в середине июня 2019 г., в котором приняли участие лидеры семи южноевропейских государств — Греции, Испании, Италии, Кипра, Мальты, Португалии и Франции (на их долю приходится 55% населения всех государств ЕС за исключением Великобритании). По сообщениям испанской прессы, на саммите в мальтийской столице речь шла о перспективах формирования внутри Евросоюза своего рода блока средиземноморских стран, способного с согласованных позиций отстаивать собственные политические, социальные и финансово-экономические интересы и вести диалог как с органами ЕС, так и с другими европейскими межнациональными объединениями — Советом министров северных стран и Вишеградской четверкой[9].

Претендуя на значительно более заметную роль в европейских делах, официальный Мадрид стремится продвинуть в институтах Евросоюза собственную повестку, согласовав ее ключевые моменты с лидерами ведущих государств объединенной Европы и в первую очередь с Э. Макроном. По мнению Мадрида, основными задачами стратегического порядка, стоящими перед ЕС, являются:

1) политически нейтрализовать популистов и евроскептиков и укрепить позиции еврооптимистов. Правительство П. Санчеса готово играть в этом активную роль, в частности — через своих эмиссаров в органах ЕС. Например, на пост верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности стали продвигать известного испанского и европейского политика-социалиста, министра иностранных дел Испании Жозепа Борреля;

2) акцентировать в политике Евросоюза социальную составляющую в русле предложений социал-демократических партий. Мадрид настаивает на том, чтобы и на национальном, и на коммунитарном уровне был совершен переход от политики антикризисных мер и «бюджетного аскетизма» (сдерживания роста государственных расходов) к стратегии создания условий для обеспечения долговременного устойчивого экономического роста и (на этой основе) повышения жизненного уровня большинства населения[10];

3) занять жесткую и непримиримую позицию в отношении сепаратистов, в частности, «перестать заигрывать» с каталонскими националистами;

4) четко зафиксировать европейские финансовые и торгово-экономические интересы и отказаться от автоматической поддержки действий США на мировой арене. Испанцы считают, что при «непредсказуемом президенте» Дональде Трампе «Соединенные Штаты повернулись к Европе спиной», а своими резкими действиями могут втянуть европейских союзников в опасные авантюры[11]. Показательный пример позиции Мадрида — беспрецедентный в испано-американских отношениях случай с фрегатом «Мендес Нуньес», когда в середине мая 2019 г. этот испанский военный корабль получил приказ покинуть ударную авианосную группу США, поскольку

[9] Sánchez Á., Abellán L. La Europa del Sur cierra filas para defender sus intereses en el nuevo ciclo de la UE. El País. 14.06.2019.
[10] PSOE. Programas electorales. URL: https://www.psoe.es/programa-electoral.
[11] Suanzes P. Un presidente «imprevisible». El Mundo. 15.05.2019.

американцы отклонились от первоначального маршрута и направились в Персидский залив[12];

5) проводить политику сдерживания экспансии Китая в Европе. В Мадриде считают, что китайско-европейские отношения носят асимметричный и невыгодный Европе характер. Требуются согласованные действия всех членов Евросоюза для того, чтобы изменить такое положение дел;

6) активизировать политику экономического сотрудничества с африканскими и латиноамериканскими странами, теснее привязать их к экономике Евросоюза, решительнее конкурировать в этих районах с другими мировыми центрами силы, прежде всего с США и Китаем. Показательно, что именно Испания из числа государств ЕС была самым действенным сторонником подписания торгового соглашения между Евросоюзом и южноамериканской интеграционной группой Меркосур. Переговоры по этому вопросу длились без малого 20 лет, а об их благополучном завершении было объявлено 28 июня 2019 г. на саммите «Группы двадцати» в Осаке (Япония) в присутствии П. Санчеса, представителей руководства Европейской комиссии и лидеров латиноамериканских стран[13];

7) видимо, более сложный алгоритм (с рядом негативных коннотаций) приобретут российско-испанские политико-дипломатические отношения. В сфере торгово-экономических связей известный откат уже произошел: в 2012–2018 гг. взаимный товарооборот снизился на 41% (с 8270 млн до 4877 млн евро); теперь, судя по некоторым демаршам, настала очередь политики.

В целом испанское политическое руководство выступает за то, чтобы Брюссель смог выработать «державную логику» поведения Евросоюза в международных делах, предотвратил стратегическое отступление Европы на мировой арене.

Определенное усиление международных лоббистских возможностей Мадрида показали итоги напряженной борьбы за распределение высших постов в органах Евросоюза. П. Санчесу в союзе с Э. Макроном, несмотря на все усилия, не удалось «вырвать» руководство Еврокомиссией из рук европейских народников, которые заблокировали поддержанную франко-испанским «дуэтом» кандидатуру голландского социал-демократа Франса Тиммерманса. В то же время в качестве компенсации испанцы добились назначения Ж. Борреля главой европейской дипломатии. Оценивая результаты «кадровой сделки», газета «Паис» в редакционной статье отмечала: «это не катастрофа, но и не повод тешить себя иллюзиями о кардинальных переменах»[14].

* * *

Испания занимает в Европе особое место. Это малая страна среди крупных и самая крупная среди малых. Официальный Мадрид считает, что своей политикой он способен повлиять на нынешний неустойчивый баланс сил в Евросоюзе.

Результаты избирательного марафона 2019 г. (итоги всеобщих выборов 28 апреля и выборов в Европейский парламент 26 мая) еще долгое время будут оказывать воздействие на политическую и социально-экономическую ситуацию в Испании в широком общеевропейском контексте. Как в целом в Европе, в Испании

---

[12] Испания вывела свой фрегат из состава УАГ ВМС США, идущей к Ирану. Военное обозрение. 14.05.2019. URL: https://topwar.ru/157855-ispanija-vyvela-svoj-fregat-iz-sostava-aug-vms-ssha-iduschej-k-iranu.html.

[13] La UE y Mercosur cierran un acuerdo tras 20 años de negociaciones. Cinco Días. 28.06.2019.

[14] Quinteto deslucido. El País. 02.07.2019.

происходит изменение общественно-политического климата, о чем, в частности, свидетельствовала сравнительно высокая явка избирателей и в апреле, и в мае. Складывается впечатление, что многие испанцы осознали, что от их голоса зависит, каким образом будут решаться многочисленные проблемы, накопившиеся в стране и на континенте в кризисные и посткризисные годы.

Успех, достигнутый на выборах ИСРП, укрепляет внутриполитическое положение П. Санчеса и его команды, дает социалистам и их возможным союзникам шанс провести в жизнь анонсированную программу модернизации, осуществить давно назревшие социально-экономические преобразования и на этой основе усилить позиции Мадрида в Европейском союзе. Но у курса реформ остается немало влиятельных противников, готовых (если им позволят обстоятельства) заблокировать правительственные решения. Правая оппозиция считает, что социалисты, встав на путь отхода от политики «бюджетного аскетизма», поставят под угрозу с трудом достигнутую макроэкономическую стабильность, а на европейском пространстве — войдут в клинч с Берлином, все посткризисные годы выступавшим за жесткую экономию. Это говорит о том, что испанскому обществу в обозримом будущем предстоит пройти через сложный этап политических сражений, окончательный исход которых остается под вопросом. Не менее сложными представляются и вызовы, которые ожидают испанское правительство в Европе и мире.

*НИКУЛИН К.А.**

Выборы в Испании: национальный и европейский аспекты

Результаты прошедших в Испании 26 мая 2019 г. выборов, именуемых в СМИ «супервоскресеньем» (выборы состоялись на трех уровнях — *европейском, уровне автономных сообществ и муниципальном*), оказались неоднозначными.

С одной стороны, левоцентристская Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) стала ведущей на всех уровнях испанской политической системы (учитывая также итоги *всеобщих* выборов 28 апреля 2019 г.[1]). Более того, ИСРП заняла лидирующие позиции не только в Испании, но и внутри социал-демократического блока ЕС.

С другой стороны, в условиях сильной политической фрагментации (как на национальном уровне, так и в Европарламенте) и сложностей с формированием коалиций власть ИСРП нельзя назвать прочной. При этом для испанских социалистов достижение политического консенсуса внутри самой Испании является первоочередной задачей. Перед началом активных действий на европейской авансцене ИСРП и ее лидеру Педро Санчесу как главному претенденту на роль премьера необходимо сформировать устойчивое правительство, а это связано с преодолением противоречий с другими политическими акторами, как новыми, так и старыми. По итогам выборов парламенты автономных сообществ должны утвердить глав региональных правительств, а муниципальные парламенты утвердят мэров.

Непростая для партии П. Санчеса ситуация сложилась вокруг выборов в парламенты двенадцати из семнадцати автономных сообществ[2] и выборов на уровне муниципалитетов. Почти везде одержавшие победу социалисты испытывают трудности с формированием абсолютного большинства.

Набрав большинство голосов на выборах почти во всех *автономных сообществах* и соответствующих муниципалитетах, ИСРП столкнулась с множеством вызовов в формировании абсолютного большинства в автономных сообществах Мадрид, Кастилия-Леон, Арагон и Мурсия, где потенциально формируется большинство блока правых. В Наварре и Кантабрии традиционно на политическую авансцену выходят местные «Наварра Сум» и Регионалистская партия Кантабрии.

Особенно напряженная обстановка сложилась вокруг Мадрида, главного центра принятия политических и экономических решений. Здесь социалисты получили относительное большинство — как на муниципальном уровне, так и на уровне автономного сообщества Мадрид, получив, как и в 2015 г., 37 мест из 132. При этом впервые в Мадридской ассамблее разместятся шесть парламентских групп

---

* Никулин Кирилл Андреевич — младший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

[1] См. также: Никулин К.А. К итогам парламентских выборов в Испании 2019 г.Актуальный комментарий. Официальный сайт ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. 30.04.2019. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4998.

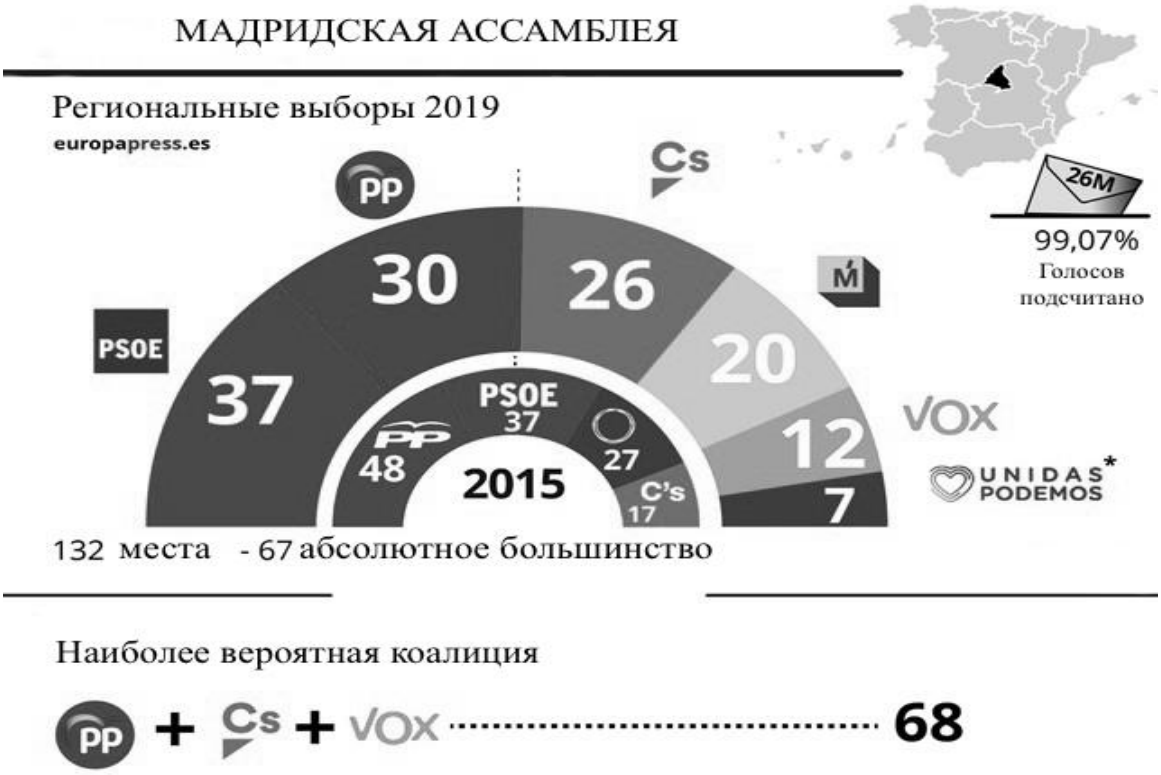
[2] Исключениями являются Андалусия и Валенсия, где выборы уже прошли, а также Страна Басков, Галисия и Каталония, где выборы запланированы на другое время.

— три «справа» (Народная партия, «Граждане» и «Вокс») и три «слева» (ИСРП, «Мас Мадрид» и «Унидас Подемос»)[3].

По результатам предвыборных опросов, при поддержке двух левых избирательных платформ — «Мас Мадрид» и «Унидас Подемос» — социалисты могли вернуть себе управление автономным сообществом после почти четверти века бессменного правления правоцентристской Народной партии (НП). Однако ситуация осложнилась очередным крупным поражением «Унидас Подемос». Она получила всего семь мест (по сравнению с 27 в 2015 г.). Это привело к численному перевесу условно консервативного лагеря в составе НП (30 мест по сравнению с 48 в 2015 г.), прогрессистской партии «Сьюдаданос» («Граждане», 26 мест) и ультраправой «Вокс» («Голос», 12 мест), которые в сумме набрали 68 мест — на четыре места больше, чем левые силы (см. рис. 1).

Такая расстановка сил позволит правым в ближайшей перспективе продолжить «андалусские традиции»[4] в противостоянии левым политическим силам, поскольку для формирования большинства в Мадридской ассамблее необходимо 67 мест.

Рисунок. 1. Результаты выборов 26 мая 2019 г.
в автономном сообществе Мадрид



Источник: инфографика Europapress.es.

[3] См. также: Никулин К.А. Горький вкус победы или издержки испанской демократии. Актуальный комментарий. Официальный сайт ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. 04.06.2019. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=5084.

[4] Последние выборы в испанском автономном сообществе Андалусия позволили НП и «Гражданам» сформировать трехстороннюю коалицию, вступив в соглашение с ультраправой «Вокс», достигшей первых значительных электоральных успехов.

Данная ситуация для главы НП Пабло Касадо может послужить отправной точкой для восстановления позиций партии и наращивания политического авторитета, изрядно пострадавшего за последние пять лет. Лидер НП понимает, что даже один из худших результатов партии все еще позволяет управлять Мадридом и сохранять влияние в других автономных сообществах, таких как Кастилия-Леон и Мурсия. Из Мадрида открываются широкие возможности для воздействия не только на внутреннюю социально-экономическую политику сообщества, но и на ключевые СМИ страны, которые способны усилить давление на П. Санчеса.

Тем не менее, слабость НП и нарастающие разногласия внутри правого политического лагеря ощущаются намного сильнее, чем проблемы левых сил, где как минимум присутствует явный лидер в лице ИСРП. Долгое время являвшаяся флагманом при формировании коалиций на уровне автономного сообщества Мадрид, НП опередила «Граждан» всего на четыре места (30 против 26), что обострило все грани противоречий между двумя, казалось бы, естественными в сложившейся политической ситуации союзниками. Более того, активное включение в повестку дня требований «Вокс» и сам факт необходимости достичь договоренностей с ультраправой партией приводит к расколу мнений внутри «Граждан».

С учетом того, что глава «Граждан» Альберт Ривера называет свои и партийные предпочтения центристскими, в Испании можно ожидать разных поворотов, включая сотрудничество «Граждан» и ИСРП. Такое сотрудничество обеспечило бы коалиции прочное большинство в первую очередь на уровне Генеральных кортесов — парламента страны, не говоря уже о разрешении многочисленных спорных ситуаций в парламентах автономных сообществ.

Основная проблема дальнейшего политического развития состоит в выборе стратегии партии А. Риверы. Пока «Граждане» четко не определились, какую сторону им поддержать. Для усиления своего политического веса им следовало бы окончательно примкнуть к «Вокс» и НП, однако политическая стабильность, которой, как показали все прошедшие выборы, требует большинство испанцев, находится на «социалистической» чаше весов.

«Граждане» сегодня — это та политическая сила, которая способна определить будущее испанской демократии и в чьих руках находится ключ к обретению стабильности в испанской политике, поскольку левые и правые блоки не способны без ее помощи сформировать абсолютное большинство в Конгрессе депутатов и ключевых регионах страны. Это во многом связано с тем, что партия является, по сути, новой: ее появление в 2005 г. стало первым предвестником отхода от традиционной бипартийной системы, сформировавшейся после демократического транзита в Испании. Более того, это центристская партия, программа которой стала квинтэссенцией либерально-демократических и консервативных идей, отвечающих интересам различных групп испанского общества. Тем не менее, на протяжении большей части периода своего существования партия оказывала поддержку консервативной НП, не отказываясь при этом от левоцентристской риторики. Вполне вероятно, что примыкание «Граждан» к Народной партии связано с дружественным отношением к бизнесу, характерным для политической элиты партии А. Риверы. Продолжающаяся с 2015 г. политическая неопределенность при правительствах меньшинства и череда повторных выборов в Испании в конечном итоге способны сблизить ИСРП и «Граждан».

На наш взгляд, если «Гражданам» не удастся достичь былого консенсуса как со своим историческим союзником НП, так и с союзником ad hoc «Вокс», при условии

тупика в потенциальных переговорах с левыми силами, весьма вероятно возникновение «устойчивой нестабильности» не только в политике сообщества Мадрид, но и в национальном парламенте.

Результаты *муниципальных* выборов отражают, по сути, аналогичную ситуацию. Правый фланг, с учетом возможной коалиции с «Гражданами», набрал большинство голосов в Сарагосе и в андалусских Малаге, Альмерии, Кордобе, Гранаде и Хаэне, а левые сохранили первенство в Валенсии, где традиционно популярна местная партия «Компромисс», и увеличили присутствие в Севилье и Уэльве. Правая баскская националистическая партия традиционно одержала победу на муниципальных выборах в Бильбао.

Наиболее успешными с точки зрения укрепления позиций П. Санчеса для проведения внутренней и особенно внешней политики стали *выборы в ЕП*, восьмые с момента вступления Испании в ЕС в 1986 г.

Впервые за 15 лет (с 2004 г.) ИСРП одержала на *евровыборах* уверенную победу. Она набрала почти 33% голосов и получила 20 из 54 отведенных Испании мест — на шесть больше, чем в 2014 г. Народная партия потеряла четыре места, получив 12 мандатов (20,1%), что укладывается в полосу антирекордов этой второй по значению политической силы страны. «Граждане», «Унидас Подемос» и «Вокс» получили соответственно семь, шесть и три места в ЕП, при этом испанские ультраправые провели своих депутатов впервые. «Граждане», вокруг которых в Испании, как уже было замечено, разыгрывается очень интересная ситуация, назвали партию президента Франции Эммануэля Макрона наиболее идеологически близкой в Европе[5].

Примечательно, что на евровыборах ИСРП получила на 4 п.п. больше голосов, чем на выборах в национальный парламент. Партию П. Санчеса поддержали те испанцы, которые относят себя к числу еврооптимистов и рассматривают ИСРП в качестве главного противовеса ультраправым тенденциям. Подтверждением этого служат результаты партии «Вокс», которой не удалось повторить успех, достигнутый на *всеобщих* выборах (вместо 10% она набрала лишь 6% голосов избирателей).

Идейным лидером социалистов в новом созыве ЕП станет Жозеп Боррель, занимающий с 2018 г. пост министра иностранных дел Испании, в прошлом — председатель Европарламента (2004–2007 гг.).

Представительство в ЕП также получила каталонская коалиция «Свободные для Европы», лидером которой является бывший глава каталонского женералитета небезызвестный Карлес Пучдемон, скрывающийся от правосудия в Бельгии. Коалиция получила два депутатских мандата.

Три места достались коалиции «Республика сейчас», состоящей из баскских, галисийских и каталонских левых националистов, в которой первым номером в списке идет Ориол Жункерас, бывший заместитель председателя женералитета Каталонии, находящийся в предварительном заключении в связи с процессом в Верховном суде об антиконституционном каталонском референдуме. Еще одно место получила коалиция «За солидарную Европу», в которую входят Баскская националистическая партия, Канарская коалиция и др. [6]

---

[5] Согласно материалам и инфографике испанского издания El País, поиск по тегам “28 A Elecciones Generales”и “26 M Elecciones”.

[6] Стоит отметить, что на сегодня особенно острая ситуация — именно в Каталонии. В Стране Басков сепаратизм пошел на спад. В программу требований баскских партий не входит жесткое отделение от Испании, речь идет скорее о расширении полномочий автономии или вообще данный вопрос не поднимается.

Результаты *европейских* выборов стали очередным предметом споров и обвинений действующей власти ИСРП в попустительстве сепаратистам. В Испании на большинство лидеров партий, выступающих за независимость Каталонии и так или иначе связанных с референдумом 1 октября 2017 г., выдан ордер на арест, а некоторые из них уже находятся под следствием. Тем не менее по результатам *евровыборов* партиям, выступающим за независимость, удалось получить места в ЕП. Однако К. Пучдемону, О. Жункерасу и Тони Комину [7] требуется личное присутствие в Мадриде для завершения необходимых процедур, в том числе для принесения клятвы на конституции страны и дальнейшего получения аккредитации в Европарламенте, что обернется для них незамедлительным арестом или попросту невозможно ввиду ведения следствия. Антонио Таяни, являвшийся председателем ЕП до начала июля 2019 г., когда настал момент выдачи мандатов представителям партий, выступающих за независимость Каталонии, заявил, что никоим образом не хочет вмешиваться в национальный избирательный процесс[8].

С учетом противостояния левого и правого лагерей и их различий в жесткости принятия решений по каталонскому вопросу, дальнейших народных волнений в Каталонии и поляризации мнений внутри испанского общества не избежать. Это в свою очередь сыграет на руку растущему популизму со стороны как каталонских партий, выступающих за независимость, так и ультраправых из «Вокс».

Тем не менее, на данный момент у каталонских партий мало шансов добиться успеха в борьбе за независимость внутри самой Испании. Им попросту невыгодно присоединяться ни к левому, ни к правому лагерю, поскольку предотвращение выхода Каталонии из состава Испании — один из немногих пунктов, объединяющих политический спектр Генеральных кортесов. Более того, сам процесс отделения Каталонии без внесения поправок в конституцию невозможен: никакая юридическая процедура помимо всенародного референдума не будет считаться легитимной. Ни одна из лидирующих партий не собирается уступать каталонским политикам в вопросе отделения региона. Разница лишь в том, как именно будет строиться диалог с ними — «нащупывая камни ногами» или с жестким применением статьи 155 конституции Испании, что, на наш взгляд, лишь обострит противоречия и даст карт-бланш популистской риторике в Каталонии.

Возвращаясь к оценке текущих позиций лидирующей партии, подчеркнем, что по итогам «супервоскресенья» испанские социалисты стали самой многочисленной группой внутри фракции «Прогрессивного альянса социалистов и демократов», что делает ИСРП ведущей социал-демократической силой в ЕС. В условиях возросшей фрагментации Европарламента принятие решений на наднациональном уровне во многом будет зависеть от того, насколько успешным будет сотрудничество между различными фракциями и их лидерами. В этом контексте большой интерес представляет прошедшая 27 мая встреча Э. Макрона и П. Санчеса, которая так или иначе была связана с формированием нового курса взаимодействия между социалистами и либералами[9]. Источники, близкие к премьер-министру, указывали, что оба «отстаивают необходимость создания альянса прогрессивных и проевропейских сил, которые остановят ультраправых».

---

[7] Бывший советник правительства К. Пучдемона.

[8] Европарламент лишил предварительной аккредитации всех испанских депутатов. DW. 01.06.2019. URL: https://www.dw.com/ru/европарламент-лишил-предварительной-аккредитации-всех-испанских-депутатов/a-48998054.

[9] Quiñonero J.P. Macron y Sánchez se alían para el reparto de cargos en Bruselas. ABC. 28.05.2019. URL: https://www.abc.es/espana/abci-macron-y-sanchez-alian-para-reparto-cargos-bruselas-201905280901_noticia.html.

С учетом общих результатов выборов в ЕП можно предположить, что оба политика взяли на себя руководство своими «политическими семьями». Социалисты и либералы стремятся объединить силы (соответственно 147 и 109 мест в ЕП), что в перспективе способно привести к трехсторонней коалиции со смещением позиций Европейской народной партии в сторону социал-демократов и либералов. Подтверждением этого стало избрание 3 июля на пост главы Европарламента итальянского политика Давида Сассоли, выдвинутого Прогрессивным альянсом социалистов и демократов и поддержанного частью народников.

* * *

Резюмируя вышесказанное, представляется необходимым выделить следующие особенности выборного цикла в Испании, который объединил четыре уровня голосования.

Как и всеобщие выборы 28 апреля, «супервоскресенье» ознаменовало трансформацию традиционной бипартийной системы: вместо двух партий в противостояние вступают левый и правый лагеря. Относительное большинство и шансы закрепить за собой власть на всех уровнях — на стороне левых. Всего за один год ИСРП существенно окрепла, а главный оппонент в лице Народной партии потерял свои позиции на всех уровнях власти. Сам лагерь правых является более разобщенным, каждая из трех партий преследует собственные амбиции, а ключевая для испанской политики партия «Граждане», по сути, является центристской, что не исключает занятие гибкой позиции по отношению к курсу левоцентристов и в перспективе способно создать необходимые условия для коалиции с ИСРП.

Тем не менее, амбиции каждой из партий становятся преградой, когда речь идет о формировании коалиций, а правительства меньшинства, учитывая опыт последних лет, в Испании малоэффективны. Политическая неопределенность и нежелание условно правого блока уступить левоцентристам в конечном счете могут привести к новому витку политического кризиса.

Что касается выборов в Европарламент, то ИСРП стала явным лидером не только внутри Испании, но и внутри социал-демократического блока ЕС. Это в свою очередь способно превратить испанских социалистов во флагмана борьбы с евроскептицизмом и крайне правыми популистскими настроениями, а также усилить политический вес Мадрида в европейских институтах.

Ключ к активному участию Испании в жизни ЕС, на наш взгляд, — в обеспечении стабильности внутри страны. Наименее тернистый путь создания такой благоприятной ситуации может быть проложен политической волей «Граждан», которым приходится идти на ситуативное сотрудничество с «Вокс».

Часть III
Результаты выборов в малых европейских странах

*ВОЛКОВ А.М.**

Северная Европа: разнонаправленные тенденции

Выборы в Европейский парламент (ЕП) для северных стран имеют достаточно скромное значение. Мизерное количество мест в ЕП при весьма небольшом населении (в Швеции — порядка 10 млн человек, в Финляндии и Дании — свыше 5 млн) не позволяет им оказывать заметное влияние на работу Европарламента, где доминируют страны-тяжеловесы — ФРГ, Франция, Италия, Испания, Польша.

Для выборов в Европарламент характерно несколько особенностей. Во-первых, это снижающаяся явка избирателей. Во-вторых, это усиление протестного голосования. Растет популярность крайних (особенно с правой стороны) партий, возрастает доля голосов, поданных за евроскептиков и популистов. В-третьих, это нехватка истинно европейской тематики. Выборы обычно проходят в проблемно-национальном контексте. И в этом отношении кардинальных изменений не предвиделось.

Опросы общественного мнения в странах Северной Европы дают достаточно точное представление о взглядах местных жителей на вопросы европейской интеграции. Согласно социологическому исследованию, которое прошло 22 ноября 2018 г. и было опубликовано в «Евробарометре», о положительном отношении к Евросоюзу заявили 53% шведов, 48% датчан и лишь 40% финнов; о нейтральном — 44% финнов, 36% датчан и 33% шведов. О негативном восприятии ЕС — 14–15% граждан во всех трех странах.

Среди конкретных аспектов деятельности ЕС наибольшее одобрение вызвали свободное перемещение граждан (78–92%), общая политика в области безопасности и обороны (64–72%), энергетическая политика (65–73%) и торговая политика (71–73%). Общую политику в области миграции в Финляндии поддерживают 56% жителей, в Дании — 60% и в Швеции — 76%. Примечательно отношение жителей северных стран к Европейской валютной системе и единой валюте евро. Если входящие в зону евро финны относятся к ней позитивно (82%), то в Дании и Швеции, которые используют национальные валюты, о своем положительном отношении к евро заявили соответственно 30 и 29% респондентов. Меньшинство, но уже во всех трех странах, высказалось за дальнейшее расширение ЕС — от 28% в Финляндии и 32% в Дании до 44% в Швеции.

Интересными выглядели ответы на вопросы о правах граждан ЕС. На вопрос «чувствуете ли вы себя гражданами ЕС?» положительно ответили от 78 до 82% участников опроса, а о хорошей осведомленности о европейских делах заявили от 53 (в Швеции) до 62% (в Дании) респондентов. Из этого можно сделать вывод, что граждане северных стран не только активно интересуются национальными проблемами, но и находятся в курсе европейских событий.

Экономическое положение Швеции, Дании и Финляндии в 2019 г. оставалось относительно благоприятным. Умеренный экономический рост продолжился. По прогнозам, рост ВВП по итогам года составит от 1,6% в Швеции до 2,0% в Финляндии. В том же диапазоне окажется рост личного потребления, тогда как заработная плата увеличится на 1,5–2,7%. Инфляция возрастет от 1,2% в Дании до

* Волков Алексей Михайлович — кандидат экономических наук, заведующий Сектором экономики европейских стран Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

2,0% в Швеции, а безработица будет снижаться и составит от 4,5% экономически активного населения в Дании до 7,0% в Финляндии.

В этих условиях накануне выборов в ЕП в центре дискуссий оказались вопросы, не имеющие отношения к экономике. Одной из таких тем стало ограждение электората от иностранного влияния. Так, в Швеции многочисленные попытки повлиять на мнение избирателей были выявлены незадолго до прошедших осенью 2018 г. выборов в риксдаг. Как заявил Бен Ниммо, один из крупнейших мировых экспертов в области дезинформации и руководитель отделения Digital Forensic Research Lab Атлантического совета, в последние годы наблюдались попытки праворадикальных групп из США наладить сотрудничество со шведскими правыми. Речь шла о разжигании ненависти к исламу и мигрантам. При этом правые, по мнению эксперта, перенимают пресловутые «русские методы» распространения дезинформации.

Согласно опросу, проведенному Ассоциацией печатной прессы, каждый третий финн верил в то, что сторонние силы будут пытаться повлиять на исход выборов. По словам министра юстиции Финляндии Аннти Хяккянена, Москва всеми средствами стремилась посеять недоверие к ряду финляндских политических деятелей с целью наращивания в ЕС антиевропейских настроений. Речь шла о кибератаках, а также о фейковых аккаунтах в социальных сетях, например, в Facebook, которые распространяли дезинформацию. В марте 2019 г. Европейский парламент одобрил резолюцию, в которой о России говорилось как об «основном источнике дезинформации в Европе», а за три месяца до этого на сайте Еврокомиссии был опубликован план противодействия дезинформации. Российская Федерация в документе была признана одной из главных угроз для ЕС.

Девятые всеобщие и прямые выборы в Европарламент состоялись 26 мая 2019 г. От Швеции избирались 20 депутатов, от Финляндии и Дании — по 13 (после брекзита каждая из этих стран получит по одному дополнительному месту). Всего в ЕП был избран 751 депутат, в том числе в совокупности из стран Северной Европы — 46. Для того чтобы попасть в Европарламент, партии необходимо преодолеть барьер в 5% голосов (в Швеции — 4%).

В северных странах выборы в Европарламент 2019 г. были отмечены повышенной явкой избирателей. Представляется, что граждане этих стран все больше обеспокоены дальнейшим углублением интеграции, а единственным органом, через который можно каким-то образом контролировать этот процесс, является ЕП.

Еще одна особенность выборов — относительное постоянство волеизъявления электората. Только одна партия в трех странах — Датская народная партия — потеряла большинство своих сторонников, поскольку на предыдущих выборах она получила много голосов благодаря своей антииммигрантской риторике, которая к 2019 г. утратила былую актуальность. Большая часть электората северных стран голосует за «свои» партии, однако около трети принимает окончательное решение накануне выборов.

В *Швеции* выборам в ЕП предшествовало создание в январе 2019 г. (после подписания «пакта реформ» из 73 пунктов) коалиционного правительства социал-демократов и «зеленых» во главе со Стефаном Левеном при поддержке в риксдаге со стороны Партии центра и «Либералов». В итоге произошел сдвиг к центру и вправо. При этом существуют веские основания полагать, что в ближайшем будущем в Швеции активизируются споры по поводу нарушенных обещаний между входящими в коалицию партиями и усилится внутренняя напряженность. Вследствие этого нынешнее правительство рискует не досидеть до конца положенного срока.

Часть III. Результаты выборов в малых европейских странах

В преддверии выборов социологическими службами фиксировалось некоторое снижение популярности Социал-демократической рабочей партии Швеции. Становилось все очевиднее, что ее надежды на получение шестого мандата в ЕП (в дополнение к тем пяти, которые они имели в легислатуре 2014–2019 гг.) не сбудутся. Напротив, поддержка ультраправой партии «Шведские демократы» непрерывно росла, прежде всего — благодаря эксплуатации ею важной (хотя и не столь актуальной, как раньше) миграционной тематики. Представлялось даже, что «Шведские демократы» выйдут на второе место, обогнав Умеренную коалиционную партию.

Что касается Партии зеленых, которая весьма удачно выступила на выборах 2014 г., то ее поддержка с тех пор несколько снизилась, о чем свидетельствуют не слишком удачные для нее результаты выборов в риксдаг. Следует, однако, учитывать, что наибольших успехов «зеленые» достигают именно на европейских выборах, поскольку экологические вопросы, с точки зрения шведов, входят в число ключевых, стоящих перед Европарламентом.

Пестрая картина у более мелких партий. Левая партия, которую социал-демократы по существу игнорируют как союзника (но не прочь в некоторых случаях опираться на ее мандаты в риксдаге), пользовалась все большей поддержкой. Росло влияние «Христианских демократов» и Партии центра, в то время как «Либералы» теряли свои голоса. Ожидалось, что «Феминистская инициатива» не сумеет повторить свой успех пятилетней давности.

Как и всегда, победу на выборах в ЕП 2019 г. одержали социал-демократы с 23,6% голосов и пятью депутатскими мандатами. Второе место досталось Умеренной коалиционной партии (16,8% и четыре места). Вслед за ней расположились «Шведские демократы», Партия зеленых, Партия центра, «Христианские демократы», Левая партия и «Либералы». «Феминистская инициатива» получила лишь 0,8% и не прошла в Европарламент.

По сравнению с предыдущими выборами у прошедших в ЕП партий произошли некоторые подвижки. Ухудшили свои позиции Партия зеленых и «Либералы». Умеренная коалиционная партия, «Шведские демократы», Партия центра и «Христианские демократы», напротив, приобрели дополнительно по одному месту (см. табл. 1).

Таблица 1. Результаты выборов в Европарламент и в риксдаг в Швеции

Партия	ЕП 2014 г., % голосов (кол-во мест)	Риксдаг 2014 г.	Риксдаг 2018 г.	ЕП 2019 г., % голосов (кол-во мест)
Социал-демократическая рабочая партия Швеции	24,2 (5)	31,2	28,4	23,6 (5)
Партия зеленых	15,4 (4)	6,8	4,3	11,4 (2)
Умеренная коалиционная партия	13,7 (3)	23,2	19,8	16,8 (4)
Либералы	9,9 (2)	5,4	5,5	4,1 (1)
Шведские демократы	9,7 (2)	12,9	17,6	15,4 (3)
Партия центра	6,5 (1)	6,1	8,6	10,8 (2)
Левая партия	6,3 (1)	5,7	7,9	6,7 (1)
Христианские демократы	5,9 (1)	4,6	6,4	8,7 (2)

Феминистская инициатива	5,5 (1)	–	–	0,8 (0)

Источник: Статистика Швеции.

В *Финляндии* на избирательную кампанию в ЕП оказали влияние выборы в национальный парламент, которые прошли примерно за полтора месяца до них и увенчались победой — с минимальным отрывом — социал-демократов, опередивших всего на 0,2 п.п. Партию финнов и на 0,7 п.п. — Национальную коалиционную партию (см. табл. 2). Социал-демократы затем возглавили правительство с участием центристов и трех малых партий.

Таблица 2. Результаты выборов в Европарламент и эдускунту в Финляндии (% и места)

Партия	ЕП 2014 г., % голосов (кол-во мест)	Эдускунта 2015 г.	Эдускунта 2019 г.	ЕП 2019 г., % голосов (кол-во мест)
Национальная коалиционная партия	22,6 (3)	18,2	17,0	20,8 (3)
Финляндский центр	19,7 (3)	21,1	13,8	13,5 (2)
Партия финнов	12,9 (2)	17,6	17,5	13,8 (2)
Социал-демократическая партия	12,3 (2)	16,5	17,7	14,6 (2)
Зеленый союз	9,3 (1)	8,5	11,5	16,0 (2)
Левый союз	9,3 (1)	7,1	8,2	6,9 (1)
Шведская народная партия	6,8 (1)	4,9	4,5	6,3 (1)

Источник: Статистика Финляндии.

На выборах в ЕП вряд ли стоило ожидать каких-либо драматических изменений. Максимум, что могло случиться, это увеличение или уменьшение количества мандатов на одну единицу. И все же на некоторый рост голосов рассчитывали социал-демократы, Партия финнов, которая пережила раскол в 2017 г., и особенно Зеленый союз, тогда как Национальная коалиционная партия и «Финляндский центр» рисковали недосчитаться значительной части электоральной поддержки.

В 2019 г. в Финляндии победила, как и пятью годами ранее, Национальная коалиционная партия с 20,8% голосов и тремя местами. За ней следовали Зеленый союз, социал-демократы, Партия финнов, «Финляндский центр», Левый союз и Шведская народная партия. «Христианские демократы», набрав 4,9% голосов, в Европарламент не прошли. Наиболее серьезный урон понес «Финляндский центр», потерявший 6,2 п.п., а наибольший прирост продемонстрировал Зеленый союз (6,7 п.п.).

Самые радикальные изменения по итогам выборов в Европарламент, а затем и в национальный парламент (фолькетинг), произошли в *Дании*. Датская народная партия потерпела сокрушительное поражение. Количество поданных за нее голосов сократилось на 15,9 п.п., а представительство в ЕП — с четырех до одного депутата. Кроме того, по одному мандату потеряли Народное движение против ЕС и либералы. Упрочили свои позиции либерально-консервативная партия «Венстре», Социалистическая народная партия, Красно-зеленый альянс, а также Социал-либеральная партия Дании («Радикальная Венстре»).

Явка на датских выборах в ЕП составила 66%, что стало самым высоким показателем, начиная с выборов 1979 г. И все же на выборах в фолькетинг 5 июня 2019 г. она была намного выше — 84,5%. Кстати, последовавшие выборы в фолькетинг в целом подтвердили состоявшиеся изменения (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты выборов в Европарламент и фолькетинг в Дании (% и места)

Партия	ЕП 2014 г., % голосов (кол-во мест)	Фолькетинг 2015 г.	ЕП 2019 г., % голосов (кол-во мест)	Фолькетинг 2019 г.
Датская народная партия	26,6 (4)	21,1	10,7 (1)	8,7
Социал-демократы	19,1 (3)	26,3	21,5 (3)	25,9
Венстре	16,7 (2)	19,5	23,5 (3)	23,4
Социалистическая народная партия	11,0 (1)	4,2	13,2 (2)	7,7
Консервативная народная партия	9,1 (1)	3,4	6,2 (1)	6,6
Движение против ЕС	8,1 (1)	–	3,7 (0)	–
Либералы	6,5 (1)	7,5	2,2 (0)	2,3
Красно-зеленый альянс		7,8	5,5 (1)	6,9
Радикальная Венстре		4,5	10,1 (2)	8,6

Источник: Статистика Дании.

* * *

Переоценивать значение итогов выборов в Европарламент для стран Северной Европы не следует, поскольку интерес к ним традиционно находится на более низком уровне по сравнению с выборами в национальные парламенты. Также следует отметить, что при голосовании на выборах в ЕП избиратели склонны в большей степени отдавать предпочтение крайне правым популистским партиям, евроскептикам, «зеленым» и другим небольшим партиям, присутствие которых в Европарламенте они считают более уместным, нежели в национальных законодательных органах власти.

Тем не менее, европейские выборы внесли определенную ясность в расклад политических сил. В Финляндии изменения оказались минимальными: лишь один мандат перешел к другой партии. В Швеции мандаты поменяли своих владельцев в четырех случаях. В Дании же произошли значительные перемены: представительство партий претерпело изменения в пяти случаях, при этом одна из партий потеряла три места.

*ПЛЕВАКО Н.С.**

Националисты Северной Европы: успех или поражение?

Выборы в Европейский парламент (ЕП) — всегда важное политическое событие. Но выборы 2019 г. вызвали в Северной Европе особый интерес. Об этом свидетельствуют цифры явившихся к урнам для голосования избирателей. Они оказались выше, чем обычно: в Дании — 66%, Швеции — 55,3%, Финляндии — 40,7% [1]. Это означает, что в Швеции и Дании были показаны самые высокие результаты за историю голосования на выборах в Европарламент, а в Финляндии явка на нынешние выборы была выше только в 1999 г.

Причина такой активности заключается прежде всего в нарастающей внутриполитической напряженности во многих европейских странах (Северная Европа здесь не исключение). Симптом этого многие обозреватели усматривают в очевидном усилении националистических партий, которые выступают, в частности, за реформирование ЕП, усиление роли национальных государств в сфере принятия ключевых политических решений, за реабилитацию потускневших в эпоху постмодернизма традиционных моральных ценностей. Основной интригой в предвыборной борьбе было выяснение перспектив националистических партий на выборах в Европарламент. Они должны были показать, как меняется расстановка политических сил в ЕП, где сформировались два полюса — последовательные европеисты и евроскептики.

Националистические партии Швеции, Дании и Финляндии играют заметную роль в политической жизни своих стран, хотя их положение все-таки разнится. В Дании и Финляндии они давно допущены в высшие сферы управления, представлены не только в парламенте, но временами участвуют в коалиционных правительствах. В Швеции до сих пор традиционные партии сопротивляются проникновению «Шведских демократов» во властные структуры.

На выборах в Европарламент успех сопутствовал не всем партиям националистического толка: они удачно выступили в Швеции, получив хотя и меньше голосов, чем предсказывалось, но достаточно, чтобы стать третьей партией, — 15,3% [2] при трех мандатах (на предыдущих выборах 2014 г. у них было соответственно 9,7% и два мандата [3]). В партии эти результаты последних евровыборов оценили как крупный успех.

В Дании совершенно иная картина: очень неудачно выступила Датская народная партия (ДНП). Она получила 10,8% голосов и один мандат[4] (в 2014 г. — 26,6% и четыре мандата[5]). И, надо полагать, это не было случайностью. Забегая вперед, заметим, что на парламентских выборах, состоявшихся через десять дней после евровыборов, ДНП выступила также крайне неудачно.

---

* Плевако Наталия Сергеевна — кандидат исторических наук, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН, ученый секретарь Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века».

[1] 2019 European election results. Turnout by year. URL: https://www.election-results.eu/turnout/.

[2] 2019 European election results. Sweden. URL: https://election-results.eu/national-results/sweden/2019-2024/.

[3] Val till Europaparlamentet — Röster. URL: https://data.val.se/val/ep2014/slutresultat/E/rike/index.html.

[4] 2019 European election results. Results by national party: 2019–2024. Denmark. URL: https://www.election-results.eu/national-results/denmark/2019-2024/.

[5] European Parliament. Results of the 2014 European elections. Denmark. URL: http://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/country-results-dk-2014.html.

Наконец, в Финляндии «Истинные финны» получили 13,8% и два мандата[6] (в 2014 г. — 12,9% и два мандата[7]). Этот результат был воспринят ими с удовлетворением: партия пережила раскол в 2017 г. (появилась партия «Синее будущее», которая входила до апреля 2019 г. в правительство) и были опасения, что это негативно повлияет на ее результаты на евровыборах.

И датская, и финская партии поменяли фракцию в ЕП. Они перешли в группу Маттео Сальвини «Идентичность и демократия». Таким образом, в настоящий момент правонационалистические партии северных стран не объединены в одной фракции. «Шведские демократы» выразили сожаление по этому поводу, но ближайшее будущее покажет, что возьмет верх — стремление к объединению или желание примкнуть к более сильным партнерам.

В программах и реальной политике практически всех партий в странах Северной Европы ключевой является тема иммиграции. Для националистических партий она традиционно центральная. Противодействие иммиграции более всего сближает националистические партии северных стран. Однако обратим внимание на одно существенное обстоятельство. Под влиянием реально усложняющейся этнодемографической ситуации, с одной стороны, и идеологических атак со стороны националистов, с другой, партии мейнстрима ужесточают иммиграционную политику. Это размывает электоральную базу националистических партий, ведет к ослаблению их влияния на рядового избирателя: зачем голосовать за новоявленных крикливых популистов, когда почти то же самое говорят и старые, проверенные временем партии, от которых не ждешь неприятных неожиданностей?

Особенно это характерно для Дании, где ДНП потеряла избирателей, ушедших частично к социал-демократам и к либеральной партии «Венстре». Призыв проводить жесткую политику по отношению к мигрантам был услышан партиями мейнстрима и осуществлен на практике. Вообще Дания считается страной, проводящей наиболее строгую в Западной Европе иммиграционную политику. Здесь был введен жесткий контроль на границе, значительно сокращен прием ищущих убежища, уменьшены пособия для приезжающих, приняты законы о конфискации денег и драгоценностей у находящихся в лагерях для беженцев в ожидании решения, о высылке на остров Линдхольм тех иммигрантов, которые совершили противоправные действия, но которых нельзя отправить на родину из-за ведения там военных действий или острых гражданских конфликтов.

Риторику ДНП восприняла не только формировавшая до июня 2019 г. правительство партия «Венстре», но и социал-демократы, успех которых на парламентских выборах этого года во многом был связан с заимствованием некоторых лозунгов и инициатив из пропагандистского багажа ДНП. Потеря идеологического первородства наряду со спадом иммиграционной волны имели для ДНП роковые последствия. К тому же в Дании появились партии более радикальные, чем ДНП, — «Жесткий курс» и «Новые правые», выступающие с крайне радикальных позиций по иммиграционной политике. В целом это привело к тому, что электоральные активы ДНП начали распыляться. В итоге — неудачи партии как на выборах в ЕП, так и на уже упомянутых выборах в фолькетинг.

Что касается Швеции, то проводимая всеми парламентскими партиями блокада «Шведских демократов», включающая недопущение их к переговорному

---

[6] 2019 European election results. Results by national party: 2019–2024. Finland. URL: https://election-results.eu/national-results/finland/2019-2024/.

[7] European Parliament. Results of the 2014 European elections. Finland. URL: http://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/country-results-fi-2014.html.

процессу по формированию правительства, создает образ «политических изгоев», которым выражают сочувствие группы населения, особенно недовольные правительственной иммиграционной политикой. В то же время «Шведские демократы» перестали быть «страшилкой» для шведов. К ним мало-помалу привыкли: партия в настоящий момент занимает третье место в партийном рейтинге, почти догнав Умеренную коалиционную партию по числу отданных за нее голосов. Это электоральное сочувствие (было бы опрометчивым определять отношение рядовой массы избирателей к «Шведским демократам» такими понятиями, как солидарность или осознанная поддержка) выразилось не только на выборах в риксдаг, но и на европейских выборах.

Как уже говорилось выше, выборы в ЕП в этих трех странах Северной Европы по времени были близки к национальным выборам. Для Дании европейские выборы стали некой пробой сил перед главным испытанием — выборами в фолькетинг. В Финляндии и Швеции парламентские выборы предшествовали европейским. После удачных для «Шведских демократов» национальных выборов их успех на выборах в ЕП был ожидаем. «Истинные финны» показали значительно лучший результат на парламентских выборах [8], не сумев развить его на выборах в Европарламент, интерес к которым в Финляндии определенно ниже, чем в Дании и Швеции. Лишь 10,4% финской молодежи голосуют на евровыборах — это самый низкий показатель среди стран-членов ЕС[9]. Кроме того, как полагают некоторые обозреватели, избиратели «Истинных финнов» интересуются выборами в ЕП в меньшей степени, чем электорат других партий.

Существенное влияние на изменения в настроениях избирателей в регионе оказывают и внешнеполитические факторы. Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, в политике которого слышны националистические мотивы, окрылила многих националистов в европейских странах. Но не меньшее значение для изменения политической «розы ветров» в регионе имела британская «сага о брекзите». Неопределенность «брекзита» повлекла за собой изменение тактики правонационалистических партий, для взглядов которых в большей или меньшей степени характерен евроскептицизм. Чуть больше года назад «Шведские демократы» выступили с лозунгом выхода, подобно Британии, из Европейского союза, назвав свой проект «свекзит».[10] Их возражения против пребывания Швеции в Евросоюзе касались в первую очередь темы увеличения ежегодных взносов Швеции в казну ЕС, а также того, что Союз превратился в организацию, диктующую правила поведения национальным правительствам. Многих настораживает то, что все больше решений по политическим и экономическим вопросам принимается не на уровне шведского риксдага и правительства, а по воле европейского бюрократического левиафана. Руководство «Шведских демократов» выступило с инициативой проведения референдума по вопросу о выходе из ЕС.

Однако прошедший год внес существенные коррективы в позиции националистов. Оценив аргументы сторонников и противников брекзита, промежуточные итоги трудных переговоров британских политиков с ЕС, они решили, что британский пример не столь привлекателен, как им казалось раньше. В итоге 31

---

[8] На национальных выборах «Истинные финны», несмотря на раскол в партии, стали второй по значению партией, получив всего на 0,2 п.п. меньше голосов, чем Социал-демократическая партия Финляндии.

[9] Happy Young Finns don't vote in EU. EUobserver. 21.05.2019. URL: https://euobserver.com/eu-election/144950.

[10] Efter Brexit — nu vill Sverigedemokraterna ha Swexit. Nyheter24. 04.05.2018. URL:https://nyheter24.se/maktkamp24/907582-efter-brexit-nu-vill-sverigedemokraterna-ha-swexit.

января 2019 г. депутат Европарламента от «Шведских демократов» Петер Лундгрен, участвуя в дебатах на шведском телевидении, выступил с заявлением о перемене тактики партии по отношению к Евросоюзу. Он сказал, в частности, что настало время реформировать Союз изнутри, и именно в этом направлении будет проводиться предвыборная кампания его партии. В задачи партии входило завоевание как можно большего числа мест в Европарламенте и сотрудничество с другими националистическими партиями с целью изменения политики ЕС[11]. Кстати, полные драматизма перипетии с брекзитом повлияли на изменение отношения к ЕС не только «Шведских демократов», но и Левой партии (остальные партии традиционно занимали проевропейские позиции). Опубликованные опросы общественного мнения по поводу отношения шведов к ЕС тоже свидетельствуют о росте доверия большинства населения к этой организации: 59% населения, согласно опросам, доверяют Евросоюзу[12].

Прошедшие в 2018 г. выборы в риксдаг, несомненно, повлияли на расклад сил при выборах в ЕП. Тот факт, что Социал-демократическая рабочая партия Швеции (СДРПШ) заключила благоприятное для собственной правительственной деятельности соглашение с Партией центра и «Либералами», предполагает проведение СДРПШ более либерального политического курса. Это не могло не вызвать некоторый отток от социал-демократов тех избирателей, политическим идеалом которых является сильное социальное государство. Кроме того, СДРПШ фактически отказалась от помощи Левой партии в парламенте, что негативно отразилось на позициях социал-демократов в новой правительственной коалиции. Рейтинг СДРПШ с момента заключения политического соглашения в январе 2019 г. постоянно падает. Не сработало и то, что СДРПШ выступает против вступления в НАТО и за сохранение нейтрального статуса страны, с чем всегда было согласно большинство шведов. Рядовому избирателю непросто разобраться в политических маневрах партий мейнстрима, что только на руку «Шведским демократам», предлагающим простые и понятные решения.

В Дании наблюдалась схожая ситуация: неопределенность брекзита и его последствий привела евроскептиков, представленных, как и в Швеции, правыми и левыми партиями, к выводу о преждевременности постановки вопроса о выходе из ЕС. И Датская народная партия, и левый «Единый список» сняли этот вопрос с повестки дня. «В принципе я считаю, что датчан необходимо в какой-то момент спросить, какими должны быть отношения с Евросоюзом. Но это должна быть ситуация, в которой мы можем показать датчанам различные варианты» — заявил перед выборами Петер Кофод, кандидат Датской народной партии в ЕП[13]. Так же, как и в Швеции, опрос общественного мнения показал рост проевропейских настроений в стране. «Да» говорят членству в Евросоюзе 55% датчан. Два года назад эта цифра составляла только 44%[14].

Рассуждая о внешнеполитических факторах, влияющих на внутриполитическую борьбу в северных странах, мы не можем игнорировать тему отношения политического класса и рядовых граждан этих стран к России, ее

---

[11] Kierkegaard S. Brexit har blivit SD's huvudvärk. Aftonbladet. 01.02.2019.URL: https://www.aftonbladet.se/ledare/a/Onxz1E/brexit-har-blivit-sds-huvudvark.

[12] Standard Eurobarometer 90. Nationell rapport. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/85196.

[13] Thomsen P.B. 'Vi ønsker ikke at kopiere kaos': Brexit har skræmt danske EU-skeptikere - men ikke alle. DR. 23.05.2019. URL: https://www.dr.dk/nyheder/politik/ep-valg/vi-oensker-ikke-kopiere-kaos-brexit-har-skraemt-danske-eu-skeptikere-men.

[14] Ibid.

политике. Сразу же оговоримся, что эта тема не относилась к числу первостепенных в дискуссиях в трех северных странах перед выборами в ЕП. Но это не означает, что при быстро меняющейся международной ситуации она не окажется в центре внимания.

Практически все партии более или менее остро критикуют внешнюю политику России, что стало особенно заметно после крымских событий 2014 г. Антисоветские, а теперь и антироссийские настроения по-прежнему сильны[15]. Эти настроения постоянно подогреваются публикациями в прессе, телевизионными передачами, выступлениями политических деятелей как левого, так и правого толка, которые усматривают в нынешних действиях Москвы очевидный синдром политики великодержавия и утверждения имперских амбиций.

О предубеждении к России свидетельствуют данные социологических исследований. В 2018 г. в Швеции 79% опрошенных заявили о своем негативном отношении к России и лишь 17% — о позитивном[16], тогда как в 2007 г. эти цифры составляли соответственно 59 и 31%. Вместе с тем опрошенные признали, что роль России в мире возросла.

Но не все партии в одинаковой степени критичны по отношению к российской политике. Так, согласно тому же опросу, доверие к Владимиру Путину испытывают 29% тех, кто в той или иной степени симпатизирует националистической партии «Шведские демократы» (для социал-демократов эта цифра — 19%, модератов — 18%). Националисты видят в нем сильную личность, без колебаний отстаивающую национальные интересы страны даже в невыгодной для него лично ситуации, что соответствует их представлениям о настоящем политическом лидере. Из этого, однако, не следует, что руководство партии «Шведские демократы» готово публично выразить поддержку внешнеполитическому курсу РФ, особенно с изгнанием из партии наиболее радикальных элементов, в основном — представителей молодежного крыла, и попыткой ее лидеров придать партии более респектабельный вид. Наблюдается тенденция выравнивания позиции членов партии в отношении России, которая все больше соответствует взглядам шведского истэблишмента. «Шведские демократы» критиковали переход Датской народной партии и «Истинных финнов» в группу «Идентичность и демократия», заявляя о своем нежелании работать с партиями, у которых тесная связь с Россией. В данном случае имелась в виду прежде всего Марин Ле Пен[17].

В других странах Северной Европы также сильны антироссийские настроения, особенно в Дании. За прямой диалог с В. Путиным выступает только маловлиятельная новая правопопулистская партия Клауса Рискьера Педерсена.

Что касается отношения к России в Финляндии, то можно сказать, что здесь политический класс занимает умеренно-критическую позицию, полагая за лучшее не ссориться с мощным соседом, а искать с ним взаимопонимания на почве сохранения выгодных экономически связей. И в этом смысле «Истинные финны» не занимают какой-либо особой позиции.

Подводя итоги, заметим, что выборы в Европарламент не принесли больших неожиданностей. Однако нельзя не отметить нарастающие изменения в

---

[15] Определенное исключение составляют, пожалуй, 1990-е гг., когда позиции России на международной арене значительно ослабли и ее не воспринимали как непосредственную угрозу спокойствию и благополучию Запада.

[16] Letterman C. Image of Putin, Russia Suffers Internationally. Pew Research Center. 06.12.2018. URL: https://www.pewresearch.org/global/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally.

[17] Karlsson P. Nordisk skilsmässa för SD i Bryssel. Aftonbladet. 14.06.2019. URL: https://www.aftonbladet.se/nyheter/samhalle/a/zG9ayw/nordisk-skilsmassa-for-sd-i-bryssel.

настроениях избирателей в странах Евросоюза. Колебания голосов в пользу или в ущерб влиянию националистических партий в Северной Европе не имеют решающего воздействия на состояние и развитие этой европейской организации. От того, насколько возрастет или уменьшится число националистов от этого региона в Европарламенте, мало что зависит в деятельности ЕС. Куда большее значение в этом смысле имеет изменение соотношения сил в Европарламенте в результате голосования в «странах-тяжеловесах» — Германии, Франции и Италии, где усиление националистического тренда более заметно.

Для стран Северной Европы намного более значимыми остаются выборы в национальные парламенты. Однако победа националистов в любой небольшой стране (об этом сейчас можно говорить только гипотетически) привела бы к серьезной трансформации всей политической системы в Европе. В отечественной политологической литературе прозорливо указывалось, что кризисные явления современного Запада связаны с деградацией материальных условий и социального статуса средних слоев, повлекшей за собой эрозию многих их традиционных ценностей[18]. Отсюда и подъем национализма. Но в исследовательском плане чрезвычайно важно выяснить, как действует механизм воздействия тектонических социальных процессов на сознание и поведение различных социальных групп, как эти процессы связаны с активностью общественно-политических организаций. Направленность и характер воздействия процессов, протекающих в экономических и социально-политических структурах, на умонастроение и поведение всего общества и его отдельных секторов находят свое отражение и в таком своеобразном мониторинге, каким являются выборы в Европарламент. Здесь важно не только следить за динамикой цифр, но попытаться поискать ключ к пониманию главных вопросов современности. Сталкивается ли западная цивилизация с новыми чрезвычайно опасными вызовами, угрожающими самим ее основам, или все дело ограничивается потребностью перелицевать нынешний глобалистский постмодернистский наряд в более удобные одежды? Велика ли опасность для европейской цивилизации или ее беспокоят миражи, которые серьезно не угрожают по-прежнему самодовольной, но все-таки встревоженной Европе?

[18] Рубинский Ю.И. Приметы времени. Т. III: Франция на новых рубежах. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 244.

*ОХОШИН О.В.**

Выборы в Республике Ирландия: программы и результаты

Выборы в Европейский парламент (ЕП) повсеместно показали очевидное противостояние правых евроскептиков и центристских сил. Проблема брекзита наглядно продемонстрировала столкновение национальных и общеевропейских интересов и усиление риска дестабилизации ЕС. Однако Республика Ирландия всегда была последовательным и убежденным сторонником евроинтеграции. Она вступила в Европейское экономическое сообщество в 1973 г. и с этого времени активно пользовалась преимуществами единого рынка, резко увеличив темпы своего экономического роста, благодаря чему ее стали именовать в Европе «кельтским тигром». Выборы в Европарламент 2019 г. еще раз подтвердили, что большинство ирландцев хотят, чтобы их страна активно участвовала в укреплении ЕС и еврозоны.

Голосование в Республике Ирландия выявило следующую особенность. Если в масштабах всего ЕС можно говорить об увеличении явки избирателей (самая высокая за последние 20 лет — 50,6%), то в Республике Ирландия она хотя и понизилась почти на 3 п.п. по сравнению с прошлыми выборами в Европарламент 2014 г., но все же составила 49,7%. В то же время имеет место определенное снижение электоральной активности ирландских граждан, которое длится с 2004 г. (тогда явка составляла 58,5%)[1].

В Республике Ирландия одновременно с выборами в ЕП прошли также выборы в местные органы власти (24 мая 2019 г.), которые зафиксировали убедительную победу традиционных правящих партий — «Фианна Файл» (26,9% голосов) и «Фине Гэл» (25,2% голосов)[2]. С учетом вероятного выхода Великобритании из состава ЕС ее места в Европарламенте будут поделены между остальными государствами-членами Евросоюза. Ирландия получит два дополнительных мандата, в итоге у нее будет 13 евромест.

В стране были открыты три избирательных округа — в Дублине, на юге и северо-западе (Мидлэндс). Изначально премьер-министр Ирландии Лео Варадкар предложил подсчитывать голоса дважды в тех округах, где будут добавлены мандаты, но затем он отверг эту идею. Ирландские партии выставили на выборы в Европарламент 59 кандидатов, причем б**о**льшую их часть представляли независимые (26), второе и третье места по количеству кандидатов занимали «Фине Гэл» (семь) и «Фианна Файл» (пять)[3]. Обе правящие партии свое основное внимание сосредоточили на выборах в местные органы власти. Этим объясняется то, что во время предвыборной кампании в ЕП они предложили во многом идентичные манифесты, в которых попытались охватить основные общеевропейские проблемы, волнующие граждан ЕС в 2019 г.

Правоцентристская партия «Фине Гэл» подготовила к выборам манифест «Давайте вместе продвигать Ирландию вперед». В нем кандидаты сформулировали шесть ключевых задач, которые собираются решить: обеспечение справедливой социальной политики, поддержание конкуренции и занятости внутри Евросоюза,

---

* Охошин Олег Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра британских исследований Института Европы РАН.

[1] European Parliament elections-2019 turnout. URL: https://election-results.eu/turnout/.

[2] Local elections results in Ireland. The Irish Times. URL: https://www.irishtimes.com/news/politics/local-elections/local-elections-results.

[3] European election candidates. RTE. URL: https://www.rte.ie/news/eu-candidates-2019/.

разработка мер по стабилизации экономики Ирландии после брекзита, пересмотр общей сельскохозяйственной политики ЕС, борьба с изменением климата, защита принципов демократии и гражданского общества[4].

Для обеспечения справедливой социальной политики «Фине Гэл» предлагает активно развивать Европейский социальный фонд, который предоставляет субсидии на профессиональное обучение, а также на реализацию программ по трудоустройству молодежи, особенно лиц в возрасте до 25 лет. Партия поставила амбициозную задачу — сделать к 2030 г. систему образования в Ирландии лучшей в Европе[5]. Для этого она планирует расширить программу «Эразмус плюс», включив в нее местные школы и курсы повышения квалификации, а также содействовать европейской университетской программе «Горизонт Европы», которая направлена на поддержку современных исследований в сфере инновационных технологий.

«Фине Гэл» стремится реформировать банковскую и финансовую систему Евросоюза, чтобы укрепить экономическую консолидацию. В качестве необходимых мер заявлены: создание эффективной европейской схемы страхования вкладов, поддержание плана развития союза рынков капитала, который поддерживает малый и средний бизнес, сотрудничество с Европейским инвестиционным банком для увеличения финансирования ирландских компаний. В сфере торговой политики «Фине Гэл» намерена содействовать укреплению трансатлантических отношений между США и ЕС. Она выступает за поддержку будущего торгового соглашения по промышленным товарам между США и Евросоюзом, которое должно снизить таможенные пошлины на импорт.

Особое внимание «Фине Гэл» в предвыборном манифесте уделяет проблеме брекзита. Партия подчеркивает, что вне зависимости от его исхода Великобритания и ЕС должны строить новые отношения с учетом Белфастского соглашения 1998 г., которое гарантирует сохранение прозрачной границы между Соединенным Королевством и Ирландией. После завершения брекзита «Фине Гэл» планирует сконцентрировать национальные интересы на усилении евроинтеграции и создании новых альянсов внутри ЕС. Эта цель ранее была изложена в правительственной программе «Глобальная Ирландия» в 2018 г. Она предполагает увеличение к 2025 г. финансирования постоянного представительства Ирландии в Брюсселе, дополнительную поддержу своих посольств в Германии, Франции, Италии, Испании, Нидерландах, Польше, странах Скандинавии и Прибалтики[6]. Планируется популяризовать наследие ирландской культуры и расширить присутствие страны в информационном пространстве, формировать для нее репутацию защитницы ценностей мира, гуманности, равенства и справедливости. «Фине Гэл» подчеркивает, что будет поддерживать связь с ирландским иммигрантским сообществом по всему миру, создав для него «ирландские дома» в США и Японии, которые станут центрами дипломатии, торговли, бизнеса и культуры. Она также собирается опубликовать Белую книгу по ирландской правительственной программе оказания международной помощи и увеличить к 2030 г. ее финансирование до 0,7% от валового национального дохода.

«Фине Гэл» не могла не затронуть в своем предвыборном манифесте и проблему изменения климата. Партия намерена разрабатывать долгосрочную климатическую стратегию с Еврокомиссией и Европейским советом на период до

---

[4] Fine Gael European Election Manifesto 2019 “Let’s Take Ireland Forward Together”. Dublin, 2019. P. 3.
[5] Ibid. P. 10.
[6] Global Ireland: Ireland’s Global Footprint to 2025. Dublin, 2018. URL: https://merrionstreet.ie/MerrionStreet/en/ImageLibrary/20180622_Global_Ireland.pdf.

2050 г. Ее главной целью станет широкомасштабный переход от автомобилей с двигателем внутреннего сгорания к электромобилям и создание промышленной базы для их производства на территории ЕС. Предполагается увеличить инвестиции в развитие альтернативных источников энергии, экологически безопасного общественного транспорта, использовать дополнительные средства из фондов ЕС, чтобы снизить стоимость инвестиционных затрат частных компаний в проекты по защите окружающей среды.

Защита принципов демократии и гражданского общества стала одним из ключевых пунктов предвыборного манифеста «Фине Гэл». В первую очередь она выступает за обеспечение безопасности информации в Интернете и борьбу с кибертерроризмом. Для выполнения этих целей она будет руководствоваться Планом по борьбе с дезинформацией, опубликованным Еврокомиссией в 2018 г. Согласно этому документу, ЕС в период выборов в Европарламент особенно уязвим, поэтому нужно улучшать институты по выявлению и анализу дезинформации, вырабатывать совместные ответные действия, повышать осведомленность населения о кампаниях по распространению ложных сведений[7]. «Фине Гэл» также предлагает расширить сотрудничество разведывательных служб государств-членов ЕС, чтобы обеспечить лучший обмен информацией о террористах и потенциальных преступниках.

Центристская партия «Фианна Файл» изложила свои приоритетные задачи в предвыборном манифесте с громким заголовком «Мы заставим Европу работать на нас». На фоне затягивания процедуры брекзита и неопределенности будущих перспектив торгово-экономических отношений между Великобританией, Республикой Ирландия и ЕС партия выступает за дальнейшее углубление евроинтеграции. Ее кандидаты в Европарламент обещают встать на защиту европейских ценностей в условиях растущего евроскептицизма и политического экстремизма[8]. «Фианна Файл» с 2009 г. входит в Альянс либералов и демократов за Европу. Эта конфедерация политических партий стран ЕС объединяет вокруг себя либерально-центристские силы. Главными ее задачами являются поддержание устойчивых торговых отношений внутри Евросоюза, защита окружающей среды, создание интеллектуальной инфраструктуры и реформирование общей сельскохозяйственной политики ЕС.

Манифест «Фианна Файл» во многом содержит аналогичные задачи, а также стремление приспособить их к национальной специфике Ирландии. В настоящее время она является одной из ведущих инновационных стран Европы и достигла значительных успехов в таких секторах, как информационные и коммуникационные технологии, фармацевтика, цифровые и социальные медиа. «Фианна Файл» намерена «поместить Ирландию в самое сердце Европы», то есть сделать ее приоритетным направлением социально-экономической и культурной политики ЕС, расширить возможности ее активного участия в общеевропейских инициативах[9].

В первую очередь партия предлагает снизить уровень безработицы в стране, привлекая молодежь к участию в программах послевузовского трудоустройства. В частности, в местных университетах она планируют ввести систему оповещения об открытых вакансиях и стажировках в европейских компаниях. Для улучшения

---

[7] Action Plan on disinformation: Commission contribution to the European Council (13–14 December 2018). The official site of the European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/publications/action-plan-disinformation-commission-contribution-european-council-13-14-december-2018_en.

[8] Fianna Fail European Election Manifesto 2019 “Making Europe work for you”. Dublin, 2019. P. 3.

[9] Ibid. P. 6.

спортивных, культурных и образовательных программ в Ирландии кандидаты от «Фианна Файл» предлагают выделить на них дополнительное государственное финансирование, аналогичное схеме «процента на развитие искусства»[10]. Следует сказать, что она была ранее успешно опробована не только в Ирландии, но и в Финляндии и более чем в половине штатов США. «Фианна Файл» планирует расширить программу «Европа для граждан», создав партнерскую сеть из средних школ в Ирландии и других странах ЕС для распространения ценностей демократии и гражданского общества, содействия межкультурному диалогу и волонтерским проектам.

Важными аспектами предвыборного манифеста «Фианна Файл» являются защита и популяризация европейских ценностей, а также борьба против любых форм дискриминации по этническому, религиозному и гендерному признакам. Партия заявляет, что примет активное участие в создании Европейского агентства по защите демократии. Таким образом она откликнулась на открытое письмо президента Франции Эммануэля Макрона, опубликованное в марте 2019 г. и адресованное европейским гражданам, в котором он предложил создать эту организацию для защиты избирательных процессов в странах ЕС от кибератак и манипуляций, а также запретить финансирование европейских политических партий иностранными державами[11]. «Фианна Файл» фактически выступает за реформирование институтов европейской бюрократии, которые, по ее мнению, должны бороться с системным кризисом ЕС и не допустить в правительственные органы евроскептиков, популистов и националистов, мешающих дальнейшему процессу евроинтеграции. Соглашаясь с идеей «европейского ренессанса» Э. Макрона, кандидаты от «Фианна Файл» уверены, что брекзит не должен становиться примером для остальных стран ЕС и угрожать самому существованию «европейского проекта». В связи с этим они поддерживают созыв Европейской конференции, которая должна будет на основе консультаций с гражданскими группами, представителями бизнеса и профсоюзов сформулировать конкретные задачи будущей политики ЕС.

В рамках защиты европейских ценностей «Фианна Файл» выступает за борьбу с различными формами дискриминации. Партия предложила сделать рынок труда более гибким, увеличить количество женщин в нем за счет введения для ряда компаний обязательной 40-процентной квоты на их трудоустройство, как это было сделано в Германии, Франции, Испании, Норвегии и Нидерландах[12]. Также партия планирует увеличить представительство женщин в ЕП путем замены внутренних гендерных квот каждого отдельного государства-члена ЕС общеевропейскими.

Важным пунктом манифеста «Фианна Файл» является защита еврозоны от угрозы нового мирового финансового кризиса. В качестве необходимых мер рассматривается укрепление банковского союза ЕС и системы страхования вкладов. Для быстрого реагирования на негативные колебания рынка партия планирует преобразовать Европейский стабилизационный механизм в Европейский валютный фонд, который сможет оперативно выделять деньги государствам-членам,

---

[10] «Процент на развитие искусства» (англ. Per Cent for Art Scheme) — государственная схема финансирования реставрации и создания произведений искусства, в соответствии с которой 1% от стоимости любого строительного проекта, возведенного на средства из госбюджета, вкладывался в объекты, представляющие художественную ценность. Впервые эта схему ирландское правительство ввело в 1978 г.

[11] Macron E. Dear Europe, Brexit is a lesson for all of us; it's time for renewal. The Guardian. 04.03.2019. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/mar/04/europe-brexit-uk.

[12] Fianna Fail European Election Manifesto 2019… P. 10.

пострадавшим сильнее других от финансовых кризисов. «Фианна Файл» вместе с коллегами из ЕС планирует координировать работу фискального союза ЕС, чтобы защитить целостность еврозоны и подготовиться к циклическим спадам в мировой экономике. В рамках защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата «Фианна Файл» предлагает создать Европейский климатический банк, который будет финансировать переход на низкоуглеродные виды топлива.

В то время как «Фине Гэл» и «Фианна Файл» обозначили изменение климата в качестве одной из множества актуальных проблем ЕС, Зеленая партия Ирландии поставила его во главу угла своего предвыборного манифеста. Согласно опросу, проведенному местным Агентством по охране окружающей среды в феврале 2019 г., более трети ирландцев (37%) считают ее основной среди экологических угроз, с которыми сталкивается их страна[13]. Манифест «зеленых» призывает увеличить поступления из бюджета ЕС на сокращение выбросов углерода в атмосферу и к 2030 г. снизить этот показатель на 55%[14]. Также партия предлагает запретить государственные субсидии на добычу природного топлива и повысить налоги для предприятий, которые производят или используют неперерабатываемые виды пластмассы. «Зеленые» требуют запретить продажу новых автомобилей, работающих на бензине, к 2030 г. и ввести общеевропейский налог на полеты для авиакомпаний, отказаться от добычи шельфовой нефти, чтобы защитить морскую фауну. Партия выступает против брекзита и поддерживает проведение повторного референдума в Великобритании, чтобы отменить это решение.

Республиканская партия «Шинн Фейн» в своем предвыборном манифесте «Сражаясь за Ирландию» также выступала против брекзита, но преодолеть его последствия планирует через референдум об объединении Северной Ирландии и Республики Ирландия[15]. Партия призывает провести реформы внутри ЕС, направленные на демократизацию его институтов. В частности, она предложила создать единый открытый реестр для всех лоббирующих групп, сократить бюрократический аппарат ЕС, а также включить в Договор о Европейском союзе Протокол социального прогресса, за который выступают профсоюзные объединения. Этот протокол направлен на то, чтобы уравновесить социальные права и экономические цели ЕС. «Шинн Фейн» настаивает на более гибкой системе финансирования государств-членов ЕС в условиях кризисов и пересмотре фискального пакта, который ограничивает инвестирование в образование и здравоохранение. Партия выступает за ренационализацию макроэкономической политики ЕС.

«Шинн Фейн» против идеи создания «европейской армии» и выделения дополнительных средств на развитие оборонной промышленности. Вместо этого она планирует сконцентрироваться на преодолении экономических дисбалансов в отдельных регионах страны. Для этого «Шинн Фейн» рекомендует направить целевое финансирование ЕС на улучшение жизни сельских общин Ирландии и пересмотреть общую сельскохозяйственную политику ЕС с целью увеличить субсидии местным фермерским хозяйствам до 60 тыс. евро[16]. Одним из важных пунктов манифеста является сохранение национальной идентичности. «Шинн Фейн»

---

[13] A third of adults regard climate change as most pressing environmental challenge. The Irish Times. 28.02.2019. URL: https://www.irishtimes.com/news/environment/a-third-of-adults-regard-climate-change-as-most-pressing-environmental-challenge-1.3809978.

[14] Green Party European Election Manifesto 2019. The official site of the Green Party of Ireland. URL: https://www.greenparty.ie/wp-content/uploads/2019/05/2019_european_election_manifesto_final_-_web.pdf.

[15] Sinn Fein European Election Manifesto 2019 “Fighting for Ireland”. Dublin, 2019. P. 6.

[16] Ibid. P. 10.

требует признать ирландский одним из официальных языков ЕС и учредить должность омбудсмена по защите европейских языков.

Результаты выборов в Европарламент 2019 г. показали, что предпочтения большинства избирателей остались на стороне правоцентристской партии «Фине Гэл» (входит в Европейскую народную партию), которая получила 29,5% голосов и четыре места[17]. Центристская партия «Фианна Файл» (входит в группу либералов) набрала 16,5% голосов и сохранила за собой одно место в Европарламенте. Республиканская «Шинн Фейн», состоящая в Конфедеральной группе объединенных европейских левых — Северных зеленых левых, потерпела серьезное поражение (11,6% голосов), сохранив за собой всего одно место. По два депутатских кресла получили партия «Независимые за перемены» и Зеленая партия Ирландии. Также в ЕП прошел один независимый кандидат[18].

В целом все победившие партии являются сторонниками ЕС, их различают только предложенные методы реформирования социально-экономической политики Евросоюза. Ключевыми пунктами их предвыборных манифестов стали разработка эффективных мер по стабилизации экономики Республики Ирландия после брекзита, пересмотр общей сельскохозяйственной политики ЕС, борьба с изменением климата, защита принципов демократии и гражданского общества. Общей тенденцией для ведущих политических сил в Республике Ирландия является противодействие популизму националистского толка, который может нанести серьезный удар евроинтеграции.

[17] 2019 European election results. Ireland. URL: https://election-results.eu/national-results/ireland/2019-2024/.
[18] Ibid.

*НЕВСКАЯ А.А.**

Нидерланды: сдержанный еврооптимизм

Выборы в Европейский парламент (ЕП) 2019 г. в Нидерландах завершились безоговорочной победой еврооптимистов. Партии, выступающие с проевропейских позиций, в сумме набрали более 70% голосов избирателей. Подъем интереса к европейской тематике продемонстрировала и явка. Она составила почти 42%, что стало лучшим результатом на выборах в Европарламент в этой стране за последние 30 лет, и на 5 п.п. превысила показатель прошлых выборов 2014 г.

Всего у Нидерландов 26 мест в ЕП, и это представительство может увеличиться на три депутатских мандата в случае, если брекзит состоится.

В новом составе Европарламента распределение евродепутатов от Нидерландов по фракциям оказалось более сбалансированным, чем в предыдущем: тогда перевес был на стороне Альянса либералов и демократов за Европу (ALDE). По итогам прошедших выборов представительство нидерландцев в ALDE (превратившейся в июне 2019 г. в «Обновление Европы») сравнялось с их представительством во фракциях Европейской народной партии и Прогрессивного альянса социалистов и демократов. Учитывая, что голландские праворадикальные евроскептики из «Форума за демократию» примкнули к Европейским консерваторам и реформистам, евродепутаты от Нидерландов полностью влилось в «системные» фракции (см. табл. 1).

Очевидно, что имевшая место и ранее склонность европарламентариев от Нидерландов занимать в большинстве своем либеральную позицию, вне зависимости от фракционной принадлежности, сохранится. Основными станут вопросы налогообложения транснациональных корпораций и пределов сотрудничества стран Евросоюза в области социальных льгот и наращивания финансовой прозрачности, особенно в том, что касается субсидирования регионов.

Таблица 1. Результаты выборов в Европарламент в Нидерландах в 2019 г.

Партия	Фракция в ЕП	2014		2019	
		% голосов	мест	% голосов	мест
Партия труда	Прогрессивный альянс социалистов и демократов	9,4	3	19	6
НПСД	Обновление Европы	12	3	14,6	4
Христианско-демократический призыв	Европейская народная партия	15,2	5	12,2	4
Форум за демократию	Европейские консерваторы и реформисты	-	-	11	3
Зеленые левые	Зеленые — Европейский свободный альянс — экологисты и регионалисты	7	2	10,9	3
Демократы 66	Обновление Европы	15,5	4	7	2

* Невская Анастасия Алексеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Реформисты	Европейская народная партия; Европейские консерваторы и реформисты	7,7	2	6,8	2 (по 1 в ЕНП и ЕКР)
Партия защиты животных	Объединенные европейские левые — Северные зеленые левые	4,2	1	4	1
50+	Европейская народная партия			4	1
Партия Свободы	Европа наций и свобод	13,3	4	3,5	-
Социалистическая партия	Объединенные европейские левые — Северные зеленые левые	9,6	2	3,4	-

Источник: данные официального сайта Европарламента (https://election-results.eu).

В Нидерландах победителем выборов в Европарламент стала Партия труда (ПТ), выступающая с проевропейских позиций. Она получила шесть мест, что вдвое превысило ее результат на выборах в 2014 г. Еще один прорыв на этих избирательных консультациях — результат партии «Форум за демократию» (ФД), впервые принявшей участие в выборах и завоевавшей сразу три места, имея шансы увеличить свое представительство до четырех в случае брекзита. Впервые в Европарламенте оказалась и партия «50+»[1], правда, ее результат более скромный — одно место.

Правящий в стране блок праволиберальных партий в составе Народной партии за свободу и демократию (НПСД), возглавляемой премьер-министром страны Марком Рютте, и «Демократов 66» (Д66), которые в Европарламенте входят во фракцию «Обновление Европы», потерял в сумме одно место[2].

Христианско-демократический призыв (ХДП), также входящий в правящую коалицию, получил четыре места, потеряв одного представителя по сравнению с прошлым составом Европарламента. «Зеленые левые» получили три места (два в прошлый раз), Партия защиты животных (ПЖ) и «Реформисты» сохранили свое представительство на прежнем уровне (одно и два места соответственно).

Главными аутсайдерами этих выборов стали правая популистская Партия свободы во главе с Гертом Вилдерсом, не получившая ни одного места в Европарламенте, но сохранившая шанс на одного представителя в случае перераспределения британских мандатов после брекзита, а также Социалистическая партия (СП), потерявшая всех представителей в ЕП.

Успех Партии труда стал довольно неожиданным, учитывая ее проблемы на всех выборах последнего электорального цикла: она потеряла сразу 29 мест на выборах 2017 г. в нижнюю палату парламента и 10 мест на провинциальных выборах 2019 г. Партнеры ПТ по левому лагерю «Зеленые левые» все увереннее перетягивали к себе электорат ПТ, используя харизму своего молодого лидера Джесси Клавера, а также умело работая с молодыми образованными избирателями

[1] Партия левоцентристского толка, выступает за права людей старшего возраста, в частности за понижение пенсионного возраста, разнообразные льготы для пенсионеров, а также преференции на рынке труда для людей старше 45 лет.

[2] Д66 сократила свое представительство с четырех до двух депутатов, а НПСД получила на одно место больше, чем на прошлых выборах, и направит в Европарламент четырех представителей; их число возрастет до пяти в случае брекзита

и грамотно используя СМИ и социальные сети. Именно «Зеленые левые» были одними из победителей провинциальных выборов 2019 г. наравне с новой партией евроскептиков «Форум за демократию», увеличив свое представительство в сенате на 31 место. То, что они пропустили ПТ вперед на выборах в Европарламент, связывают в первую очередь с «эффектом Франса Тиммерманса».

Ф. Тиммерманс занимает позицию первого заместителя председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера и еврокомиссара по межведомственным отношениям и верховенству права. В 2012–2014 гг. он был министром иностранных дел Нидерландов, снискав большую популярность на этом посту. На выборах в Европарламент 2019 г. он возглавлял партийный список ПТ, и именно за него отдала свои голоса половина избирателей партии.

Свою избирательную кампанию Ф. Тиммерманс строил в подчеркнуто скромной и нейтральной манере, призывая как противников-евроскептиков из Партии свободы и Социалистической партии, так и оппонентов с проевропейскими позициями — «Зеленых левых» и Д66 — к сотрудничеству, в частности по вопросам налогообложения транснациональных компаний, и общаясь с ними в деловом ключе. Для нидерландской политики скромный и не подчеркивающий свою амбициозность лидер партии является скорее нормой, чем исключением. Именно такая линия поведения характерна для нынешнего премьер-министра М. Рютте, а ранее — его предшественника Яна Петера Балкененде. Это попадание в резонанс с ожиданиями избирателей вкупе с успехами Ф. Тиммерманса в Еврокомиссии и его личными качествами[3] легло в основу его успеха на выборах. Напротив, важнейшей причиной провала Социалистической партии оказалось как раз то, что она построила свою кампанию на критике работы Ф. Тиммерманса.

На выборах, не определяющих напрямую состав национальных институтов власти, избиратели отходят от своих традиционных партийных предпочтений, отдавая голос тем, кто в наибольшей степени ассоциируется с Европой. Поэтому успех ПТ вряд ли стоит рассматривать как начало ее возвращения на национальную политическую арену, где пути выхода из затянувшегося кризиса партии пока не найдены. Об этом же говорят результаты опроса общественного мнения (см. граф. 1), в ходе которого избиратели уточняли, какого характера соображения определяли их предпочтения в ходе выборов — внутристрановые проблемы или соображения европейской политики. По результатам этого опроса стало известно, что лишь четыре из 10 выбравших в этот раз ПТ поступили бы так же, если бы речь шла о выборах в нижнюю палату национального парламента. У других партий аналогичный показатель составлял в среднем восемь из 10[4].

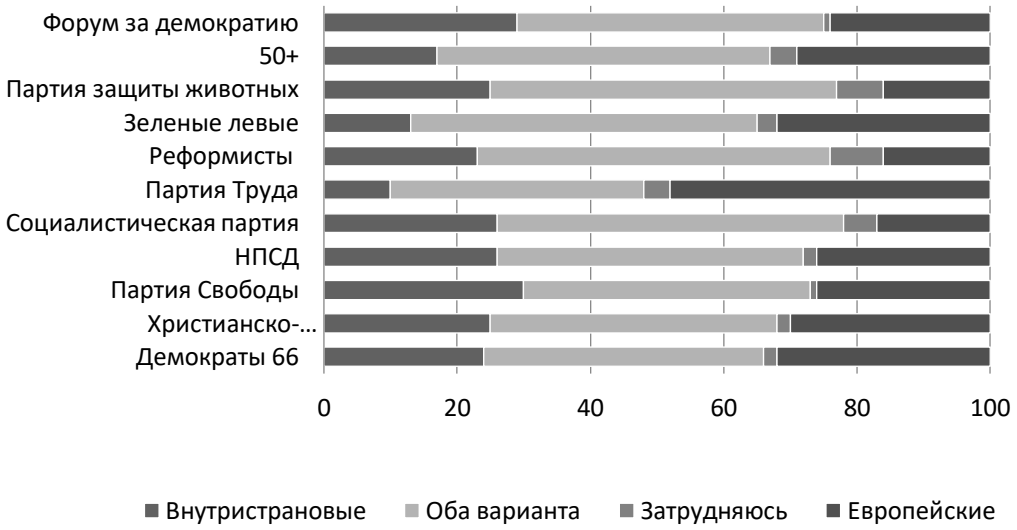
Из представленных результатов опроса видно, что избиратели ПТ в наибольшей степени ориентировались на европейскую повестку. Также высокий уровень внимания к европейским делам продемонстрировали избиратели «Зеленых левых», партии «50+» и Д66. Наибольшая сосредоточенность на внутристрановых делах оказалась присуща избирателям евроскептиков — Партии свободы и «Форума за демократию».

---

[3] Свободно владеющий шестью языками Ф. Тиммерманс стал «правой рукой» председателя Жана-Клода Юнкера и одним из вероятных претендентов на его пост в 2019 г., автором концепции «циркулярной экономики» в ЕС, одним из признанных представителей ЕС на мировой арене.

[4] Van den Dool P. Nederland stemde sterk pro-Europa. nrc.nl, 24.05.2019. URL: https://www.nrc.nl/nieuws/2019/05/24/nederland-stemde-sterk-pro-europa-a3961556.

График 1. Соображения, определившие предпочтения избирателей Нидерландов на выборах 2019 г. в Европарламент



Источник: Данные опроса, проведенного исследовательской компанией Ipsos 25.05.2019.

Центральной и наиболее драматичной частью предвыборной кампании оказалось противостояние евроскептиков из «Форума за демократию» во главе с Тьерри Боде и еврооптимистов в лице правящей НПСД. Лидер последней М. Рютте стремился придерживаться присущего ему скромного и взвешенного подхода, однако оказался буквально втянут в навязанную ему борьбу. В ходе дебатов между ними, вызвавших наибольший интерес в ходе предвыборной кампании, каждый зафиксировал свою позицию. М. Рютте позиционировал себя в качестве прагматичного сторонника ЕС, который проводит общую миграционную политику, защищает свои внешние границы и является членом торгово-экономического союза. Т. Боде, напротив, выступил как противник Евросоюза, названного им «цирком», машиной, пожирающей деньги и попирающей суверенитет государств-членов. Любопытно, что в ходе дебатов обозначилась тема отношения к России, которая мало поднималась в предыдущих избирательных кампаниях. Голландские правые популисты, в первую очередь Г. Вилдерс, в отличие от своих «коллег» в других европейских странах, не проявляли симпатий к России. На этих дебатах Т. Боде заявил, что, несмотря на ситуацию с расследованием крушения рейса MH17, экономические санкции против России вредят Нидерландам, и их следует снять. В ответ он немедленно получил от М. Рютте ярлык «российского агента».

В конечном счете, добиться нового громкого успеха и однозначной победы Т. Боде не удалось: его партия получила 11% голосов против 19% на прошедших ранее в 2019 г. провинциальных выборах и 14%, поданных на нынешних выборах за НПСД. Его результат в абсолютном выражении составил три места в Европарламенте, хотя предвыборные опросы обещали, что партия получит пять мест, как и НПСД. Тем не менее, достигнутый результат позволил «Форуму за демократию», основанному в 2015 г. как «мозговой центр» и превратившемуся в партию в 2016 г., в очередной раз закрепиться в числе лидеров нидерландской политической сцены после успешных провинциальных и муниципальных выборов. Кроме того, Т. Боде удалось максимально консолидировать голоса евроскептиков и

оттянуть их от своего главного конкурента — Партии свободы. Поражение последней стало одним из крупнейших в ее избирательной истории.

Этот результат можно трактовать и как «вотум недоверия» Партии свободы от избирателей на национальном уровне (на граф. 1 показано, что избиратели правых евроскептиков больше ориентируются на национальную, внутристрановую повестку при голосовании). Очевидно, что повестка, предложенная Т. Боде, оказалась более привлекательной для избирателей, настроенных в духе евроскептицизма. Ему удалось уловить и использовать настроение электората, уставшего от псевдоконкуренции партий, составляющих костяк политической системы страны. Именно противопоставление себя «картелю» ведущих политических сил наряду с гражданским национализмом, призывами к введению налоговых льгот, а также антиевропейскими, антимигрантскими лозунгами в более мягкой форме, чем у Г. Вилдерса, стало основой политической программы «Форума за демократию».

Для Партии свободы, помимо наличия сильного конкурента, проблемой стало и то, что ее избиратели продемонстрировали слабую явку. В ходе кампании призывы проголосовать со стороны различных политических сил, а также бизнес-сообщества были ориентированы в большей степени на избирателей-еврооптимистов. В итоге к урнам пришли в основном сторонники евроинтеграции. Следовательно, можно предположить, что позиции правых и евроскептиков на «домашних» выборах, где структура явки будет иной, могут оказаться сильнее, чем по результатам выборов в Европарламент.

Некоторое снижение градуса евроскептицизма среди избирателей связано с преодолением миграционного кризиса, а также сложной ситуацией, сложившейся вокруг брекзита. Если по опросам 2014 г. за выход Нидерландов из Евросоюза («нексит») высказывалось порядка 24% респондентов, то, согласно замерам общественного мнения, в преддверии последних выборов таковых оказалось лишь 15%. Две трети населения высказываются против «нексита».

Таким образом, прошедшие выборы показали рост интереса голландцев к европейской тематике, однако не прояснили ситуацию с отношением к будущему Европейского союза и роли Нидерландов в нем.

*ОСКОЛКОВ П.В.**

Бельгия: эволюция в лагере националистов

Выборы в Европейский парламент (ЕП) прошли в Бельгии 26 мая, одновременно с выборами в национальное законодательное собрание. В Бельгии явка на европейские выборы всегда намного выше, чем в других странах ЕС, ибо она, согласно конституции страны, является обязательной. В 2019 г. она составила 88,5%. Главный итог выборов — усиление националистов. Новый фламандский альянс (НФА) и «Фламандский интерес» расширили свою электоральную поддержку, во многом — за счет центристов.

Обе партии выступают с регионалистской повесткой, но имеют совершенно разную историю: НФА — наследник Народного союза, достаточно влиятельной партии, действовавшей с 1950-х гг.; «Фламандский интерес» же с самого начала воспринимался как маргинальный актор. Таким образом, если НФА — давний и респектабельный игрок на бельгийской политической сцене, несмотря на правопопулистскую и регионалистскую повестку, входивший в правительство в 2014–2018 гг., то «Фламандский интерес» (до 2004 г. — «Фламандский блок») — enfant terrible бельгийской политики. Именно «Фламандский интерес» ассоциируется с агрессивным фламандским национализмом и сепаратизмом, с открытой мигрантофобией и призывами к расколу королевства. На выборах 2014 г. эта партия потерпела сокрушительное поражение, что послужило причиной для преждевременных выводов о «смягчении» фламандского национализма и снижении популярности радикалов. Однако по итогам выборов в Европарламент 2019 г. «Фламандский интерес» сравнялся с НФА, получив два дополнительных места. У обеих партий сейчас по три депутатских кресла, и опять же это частично произошло за счет НФА, одно место потерявшего. «Фламандский интерес» стал одной из ключевых партий, депутаты от которых составили фракцию «Идентичность и демократия» в Европарламенте, созданную по инициативе Маттео Сальвини и пришедшую на смену фракции «Европа наций и свобод».

Подобное ухудшение позиций умеренных националистов и радикализация правого фланга фламандской политики были связаны, вероятнее всего, с разочарованием правых избирателей в НФА после того, как тот получил возможность непосредственно формировать бельгийскую внутреннюю и внешнюю политику благодаря вхождению в правительство. В 2014 г. избиратели сделали ставку на респектабельного игрока, надеясь на проведение в жизнь всех традиционных консервативно-регионалистских постулатов. Однако на деле многое не было выполнено, и даже демонстративный выход из коалиции в 2018 г., после подписания Марракешского пакта ООН о миграции, не спас репутацию НФА в глазах правого электората. Его популярность пошатнул и скандал, связанный с именем депутата совета коммуны Мехелен от НФА Меликана Куджама, замешанного в торговле гуманитарными визами. Примечательно, что в ряды «Фламандского интереса» перешел один из наиболее популярных правых политиков страны — лидер идентитарного движения «Щит и друг» Дрис Ван Лангенхове. Избиратели решили дать шанс «Фламандскому интересу», тем более что по сравнению с предыдущими годами, когда лицом партии был радикал Филипп Девинтер,

* Осколков Петр Викторович — младший научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН, преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

известный своей открытой ксенофобией, сейчас намного более заметна фигура молодого «рафинированного» интеллектуала Тома Ван Грикена. Последний постарался отойти от мигрантофобии как лейтмотива партийной программы и сконцентрироваться на достаточно левой социально-экономической программе, по примеру Марин Ле Пен.

Успех «Фламандского интереса» многие наблюдатели связывают также с предвыборной стратегией партии. Регионалисты сделали ставку на работу в соцсетях. На «раскрутку» в сети Facebook, по подсчетам телерадиокомпании VRT, «Фламандский интерес» потратил больше, чем все остальные партии вместе взятые[1]; при этом традиционной «уличной» работе уделялось гораздо меньше внимания. В нынешний цифровой век эта стратегия себя оправдала, особенно учитывая опыт использования интернет-мемов в политической коммуникации, взятый на вооружение, к примеру, Дональдом Трампом.

«Открытые фламандские либералы и демократы», одна из традиционных партий истеблишмента, на европейских выборах получили только два места (на одно место меньше, чем в 2014 г.). Другая фактически центристская партия, «Христианские демократы и фламандцы», сохранила прежнее представительство в ЕП в количестве двух мест.

Если говорить о валлонских партиях, то лидирующие позиции (по числу проголосовавших) сохранила доминирующая на юге страны Социалистическая партия, которая провела в Европарламент двух депутатов. На второе место в ЕП по списку франкоязычных партий Бельгии выбились экологисты — зеленая партия Ecolo, которая также получила два мандата. Реформаторское движение действующего премьер-министра Шарля Мишеля потеряло одно депутатское кресло и в ЕП нового созыва будет довольствоваться двумя мандатами. Вероятно, это связано с недовольством части уже франкоязычного электората политикой правительства.

На национальном уровне помимо роста влияния «Фламандского интереса» также очевидны успехи левых и «зеленых» партий. Так, Партия труда Бельгии (одна из немногих партий, которая позиционирует себя как общебельгийская) получила десять мест в национальном парламенте по сравнению с всего двумя местами в 2014 г. (и впервые добилась представительства в ЕП), а упомянутая партия Ecolo «выросла» на семь мест.

Таким образом, можно констатировать, что итоги выборов в ЕП в Бельгии укладываются в общеевропейский тренд на поляризацию, ослабление партий мейнстрима и отмечаемый в целом ряде стран рост влияния зеленых[2]. Однако бельгийская специфика добавляет к этому дополнительный аспект — усиление правопопулистского, регионалистского и националистического влияния на национальную и наднациональную политику. Бельгийские правые популисты будут, несомненно, играть существенную роль в наднациональном правом лагере, столь усердно выстраиваемом в последние годы под руководством М. Сальвини. Характерно, что на этот раз бельгийские избиратели предпочли умеренным правым их более радикальных конкурентов.

---

[1] Vandeputte B. Vlaamse politieke partijen geven meer dan 800.000 euro uit aan online-advertenties. VRT. 17.05.2019. URL: https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2019/05/17/vlaamse-partijen-facebook.

[2] Wiebrecht F., Downes J.F. Five key trends from the 2019 European Parliament elections. The London School of Economics and Political Science. 29.05.2019. URL: https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/05/29/five-key-trends-from-the-2019-european-parliament-elections.

*ШВЕЙЦЕР В.Я.**

Европейские выборы и кризис австрийской политической модели

На первый взгляд, австрийские выборы в Европейский парламент (ЕП) вполне вписались в закономерности, выявившиеся в конце мая 2019 г. и в других странах-членах ЕС. Повысилась явка на избирательные участки, причем в австрийском случае она стала почти на 15 п.п. выше, чем на евровыборах 2014 г. Партийные предпочтения также коренным образом не отличались от тех, которые сложились в остальных странах Евросоюза. Победили местные консерваторы из Австрийской народной партии (АНП), причем с одним из лучших результатов в Европе — 34,6%. Более чем на 10 п.п. (23,9%) от них отстала Социал-демократическая партия Австрии (СДПА). Третьими пришли к финишу националисты из Австрийской партии свободы (17,2%), чей результат не выпадал из общеевропейского тренда для партий этого идейно-политического направления. Электоральные достижения «Зеленых» (14,1%) также соответствовали общеевропейской тенденции усиления экологических императивов избирателей. Скромнее, чем в других странах Старого Света, выглядели либералы «Новой Австрии» (8,4%), однако они никогда не считались одним из фаворитов политической борьбы[1].

То, что отличало австрийские майские выборы от происходившего в других странах, касалось ситуации, связанной со скандальной публикацией в журнале «Шпигель»[2], появившейся как раз накануне голосования. Из нее следовало, что в августе 2017 г., незадолго до выборов в Национальный совет (парламент) Австрии, лидер Австрийской партии свободы (АПС) Хайнц-Кристиан Штрахе, находясь на отдыхе на испанской Ибице, вел переговоры о возможности тайного финансирования избирательной кампании своей партии. Пикантности ситуации придавало то, что партнершей по сделке была якобы русскоязычная бизнесвумен из Латвии. За услуги последней по содействию АПС на выборах Х.-К. Штрахе и другой не последний человек в партии — Йоханн Гуденус обещали способствовать в покупке ею ряда крупных австрийских предприятий и популярного таблоида «Кронен цайтунг». Из публикации выяснилось, что дама, ведшая «деловые» переговоры, была подсадной уткой, а тайная видеозапись встречи на Ибице, частично обнародованная «Шпигелем», была организована группой журналистов с целью скомпрометировать явно несимпатичную им политическую силу. Информационный вброс, скорее всего, приурочивался к осенним выборам 2017 г., однако, по неясным причинам, он был отложен до лучших времен. Ими оказались евровыборы мая 2019 г. Получилось, как по Чехову: висящее на стене ружье должно, в конце концов, выстрелить.

Создавалось впечатление, что выстрел оказался вполне метким. Был скомпрометирован не просто рядовой политик, а лидер партии, входивший с конца 2017 г. в «малую коалицию» с АНП и занимавший в правительстве Себастьяна Курца пост вице-канцлера. Кроме того, под информационным ударом могла оказаться когорта политиков-евроскептиков в ЕП, ибо Х.-К. Штрахе был активным сподвижником Марин Ле Пен, Маттео Сальвини и других знаковых персон набирающего силу политического движения.

---

* Швейцер Владимир Яковлевич — доктор исторических наук, руководитель Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

[1] 2019 European election results. Austria. URL: https://election-results.eu/austria/.

[2] The Strache Recordings — The Whole Story. Spiegel Online. 17.05.2019. URL: https://www.spiegel.de/international/europe/strache-caught-on-camera-in-ibiza-secret-recordings-a-1267959.html.

Однако в электоральном отношении публикация «Шпигеля» не принесла ожидавшегося эффекта. Сам герой скандального материала набрал в своем избирательном округе даже больше голосов, чем на предыдущих евровыборах. Да и вся партия получила поддержку нескольких десятков тысяч новых сторонников. Тем более австрийский скандал никак не помешал единомышленникам Х.-К. Штрахе стать лидерами национального зачета в Италии, Франции и Венгрии.

Политическое землетрясение произошло на уровне высшего органа исполнительной власти в самой Австрии. Канцлер С. Курц разорвал коалицию с Партией свободы, лидеры которой уклонились от осуждения Х-К. Штрахе, перенеся огонь критики на нечестные методы работы журналистов. В конечном итоге президент страны Александр Ван дер Беллен объявил о досрочных парламентских выборах, а Национальный совет голосами националистов и социал-демократов выразил недоверие канцлеру С. Курцу. Вместо него переходное правительство возглавила беспартийная Бригитте Бирляйн, бывшая до того времени председателем Конституционного суда Австрии.

Сложность спонтанно возникшего кризиса власти отягощена тем, что назначенные на конец сентября 2019 г. внеочередные парламентские выборы вряд ли выведут Австрию из очевидного политического тупика. С учетом результатов выборов в Европарламент трудно предположить кардинальные перемены в электоральной ситуации. Лидерство АНП и, соответственно, экс-канцлера С. Курца очевидно. Однако этот политик вряд ли сможет в обозримый после выборов период сформировать новый коалиционный кабинет. Со второй партией страны — СДПА — у него принципиальные расхождения по целому комплексу социально-экономических проблем. Возобновлять коалицию с АПС, в которой у власти остались ближайшие сподвижники Х-К. Штрахе, он явно не захочет. Небольшие в электоральном отношении партии либералов и экологистов вряд ли станут в парламенте устойчивым довеском для АНП.

Трудно предположить, что в оставшееся до выборов время будет найден консенсус по вопросам экономики, социальной политики, экологии, теме иммиграции. Не менее очевиден и отрицательный ответ на вопрос о перспективах австрийской политической модели. Во всяком случае, те варианты коалиций, которые справлялись в прошлом с задачами внешней и внутренней политики, в новых условиях себя уже исчерпали. В целом австрийский казус 2019 г. оказывается в ряду других, заранее не просчитанных европейскими политиками ситуаций, порожденных явными нестыковками национальных, общеконтинентальных и глобальных проблем.

*ЯКОВЛЕВА Н.М.**

Португалия и Европарламент: от истории к современности

Уже более трех десятилетий Португалия является полноправным участником процесса европейской интеграции. В 1977 г. была подана заявка на включение страны в состав Европейского экономического сообщества (ЕЭС), 1 января 1986 г. в рамках третьего расширения ЕЭС она стала одиннадцатым членом объединения, в 1999 г. вступила в зону евро, примкнув к Экономическому и валютному союзу.

Позитивные последствия присоединения Португалии к объединенной Европе сказались на всех сферах ее жизнедеятельности. В политическом плане это стало своего рода страховкой от возврата к авторитарному прошлому и гарантией стабильности демократических процессов. Трудно переоценить результаты модернизации португальской экономики в соответствии с нормами ЕС, активного освоения западноевропейских финансово-экономических и социальных рецептов, интернационализации португальского хозяйства[1]. Особенно заметно изменилась социальная ситуация. Нынешняя модель государства всеобщего благоденствия является составной частью Европейской социальной модели, а именно — ее средиземноморской разновидности, представленной также Испанией, Италией и Грецией[2].

Европейское направление остается главным во внешней политике официального Лиссабона, который занимает еврооптимистические позиции — последовательно выступает за укрепление институтов ЕС, сохранение евро в качестве единой валюты, негативно относится к перспективе выхода Великобритании из объединения, высказывает озабоченность в связи с ростом правого и левого популизма и усилением центробежных тенденций[3].

Разумеется, траектория пребывания Португалии в ЕС не была простой и отношение португальцев к данному факту не однажды менялось, в годы экономических кризисов и трудностей ухудшалось под влиянием леворадикальной пропаганды, но в конце концов по этому вопросу был достигнут национальный консенсус. Анибал Каваку Силва не без оснований считает вступление в ЕС одним из двух самых значимых событий в истории страны XX в. (наряду с революцией 25 апреля 1974 г. — *Н.Я.*). По мнению экс-президента, Португалия показала себя ответственным и активным партнером, оправдала всеобщие ожидания и, преодолев множество трудностей и препятствий, изменилась в экономическом и социальном измерениях, стала более развитым, солидарным и креативным государством именно благодаря присоединению к общеевропейскому проекту[4].

Португалия принимает активное участие в работе всех структур сообщества. Страна трижды председательствовала в Совете ЕС (1996, 2000 и 2007 гг.). Ее представители назначались на высокие посты в различных органах. Так, Жозе

---

* Яковлева Наиля Магитовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН.

[1] Яковлев П.П. Экономическое развитие: от «Революции гвоздик» до мирового кризиса». Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Н.М. Яковлева. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2014. С. 27–28.

[2] Социальная Европа в XXI веке. Отв. ред. М.В. Каргалова. М.: Весь мир, 2011. С. 186–224.

[3] Portugal, la Unión Europea y el euro. Entrevista con João Ferreira. Investig'Action. 11.05.2017. URL: https://www.investigaction.net/es/portugal-la-union-europea-y-el-euro-entrevista-con-joao-ferreira-primera-parte.

[4] Cavaco escreve aos líderes da UE: “Estivemos à altura”. Jornal de negócios. 28.12.2015. URL: https://www.jornaldenegocios.pt/economia/europa/uniao-europeia.

Мануэл Дуран Баррозу десять лет занимал пост председателя Европейской комиссии, министр экономики Мариу Сентену стал главой Еврогруппы. Португальцы не могут похвастаться большими должностями в Европейском парламенте (ЕП), но нынешний премьер-министр Антониу Кошта был в середине нулевых заместителем председателя. После выборов в ЕП он активно участвовал в неформальных консультациях по кандидатурам на ключевые посты в евроструктурах, лоббируя в условиях «новой парламентской реальности» интересы евросоциалистов[5].

С тех пор как Португалия стала членом сообщества, она регулярно участвует в выборах в Европарламент. В 1987 г. законодательный орган — Ассамблея Республики (АР), базируясь на статьях 164 и 169 конституции 1976 г., утвердила избирательное законодательство по выборам в Европейский парламент — закон № 14/87 [6]. В соответствии с этим документом президент республики после консультаций с правительством и представителями парламентских партий обязан не позднее чем за 60 дней до предполагаемой даты издать декрет о проведении выборов.

Поскольку распределение мест в ЕП по странам происходит по принципу дегрессивной пропорциональности, численность депутатов от Португалии менялась. Так, максимальное число мандатов (25) у нее было с 1994 по 2004 г. В последнее десятилетие ее квота в ЕП уменьшалась — до 22 мандатов в 2009 г. и до 21 мандата в 2014 г. Кандидатом в евродепутаты может стать любой гражданин страны, кроме президента, премьер-министра, членов правительства, депутатов, дипломатов, судей, прокуроров, членов избирательных комиссий, представителей местной власти и некоторых других категорий.

Избирательные списки представляются в Конституционный суд, который должен хранить всю полученную документацию в течение пяти лет со дня объявления результатов голосования. Запрещается становиться кандидатом в депутаты или голосовать за кандидатов одновременно от Португалии и от другой страны ЕС. За оба нарушения предусмотрены штрафы и тюремное заключение на разные сроки. Ответственность за проведение выборов возложена на Национальную избирательную комиссию. Выборы в ЕП могут совпадать по дате с выборами в АР, но в этом случае избирательные бюллетени должны иметь разную окраску. В целом основные положения законодательства о выборах в ЕП совпадают с положениями избирательного закона о выборах депутатов АР.

Первые выборы в Европарламент состоялись в Португалии в 1987 г.; в общей сложности они проводились восемь раз (включая выборы 2019 г.). Большинство мандатов традиционно получают Социалистическая партия (PS) и Социал-демократическая (PSD). С 1987 по 2014 г. социалисты побеждали в четырех случаях из семи, трижды победа доставалась социал-демократам (см. табл. 1). Кроме того, в случае победы социалисты располагали бо́льшим количеством мандатов (от восьми до 12), чем их традиционные соперники (от восьми до десяти).

---

[5] Primeiro-ministro defende que presidente da Comissão Europeia deve ter “sólida experiência executiva”. Observador. 28.05.2019. URL: https://observador.pt/2019/05/28/primeiro-ministro-defende-que-presidente-da-comissao-europeia-deve-ter-solida-experiencia-executiva.

[6] Comissão Nacional de Eleições (CNE). Lei Eleitoral para o Parlamento Europeu. URL: http://www.cne.pt/sites/default/files/dl/legis_lepe_2014.pdf.

Таблица 1. Данные по выборам в Европарламент в Португалии (1987–2014 гг.)

Дата выборов	Количество избирателей, тыс. чел.	Количество мандатов	Партия с наибольшим числом мандатов	Количество партий/блоков, получивших мандаты
19.07.1987	7788	24	PSD (10)	5
18.06.1989	8122	24	PSD (9)	4
12.06.1994	8566	25	PS (12)	4
13.06.1999	8682	25	PS (12)	4
13.06.2004	8821	25	PS (12)	4
07.06.2009	9705	22	PSP (8)	5
25.05.2014	9754	21	PS (8)	5

Источник: Comissão Nacional de Eleições (http://eleicoes.cne.pt).

Количество партий, получавших мандаты евродепутатов, варьировалось от четырех до шести (с учетом блоков). Помимо главных конкурентов, PS и PSD, это Народная партия (PP), коммунисты (PCP), Экологическая партия зеленых (PEV). Две последние с 1987 г. образуют постоянно действующий избирательный блок — Унитарную демократическую коалицию (CDU). В 2004 г. четверку традиционных партий дополнил созданный в 1999 г. Левый блок (BE), получивший один мандат. Впоследствии блокистам удалось существенно улучшить свой предыдущий результат: в 2009 г. они заняли сразу три депутатских кресла в ЕП. В 2014 г. тренд на появление новых игроков продолжился: два мандата неожиданно достались экологистам из Партии Земли (MRT), BE же тогда получил лишь один[7] (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение мандатов депутатов ЕП между партиями (1987–2014 гг.)

Партия	1987	1989	1994	1999	2004	2009	2014
PS	6	8	10	12	12	7	8
PSD	10	9	9	9	9	8	6
PP	4	3	3	2		2	1
CDU	3	4	3	2	2	2	3
BE	–	–	–	–	1	3	1
MRT	–	–	–	–	–	–	2
PNR*	1	–	–	–	–	–	–
Всего мандатов	24	24	25	25	24	22	21

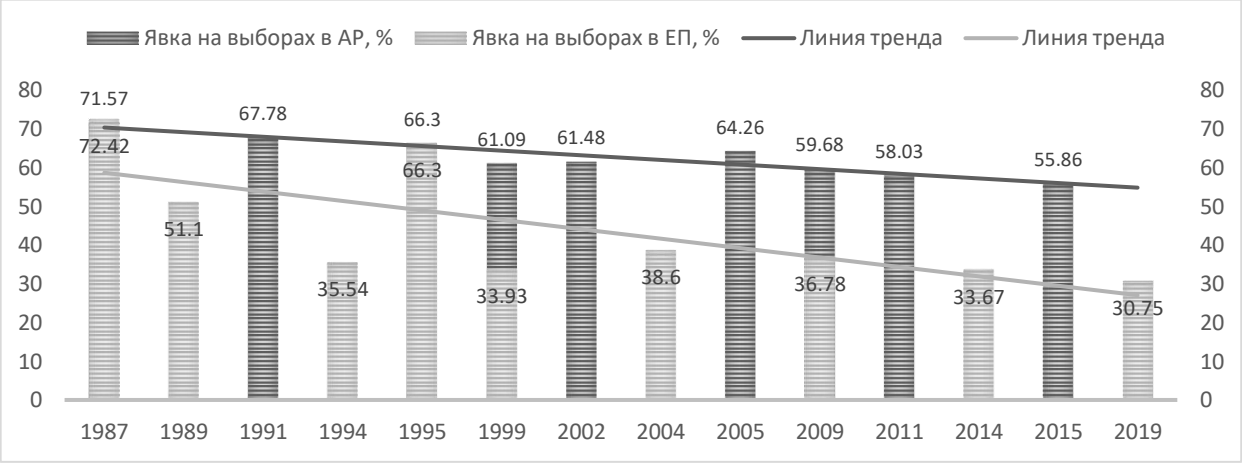
Источник: Comissão Nacional de Eleições (http://eleicoes.cne.pt).
* Партия национального обновления, 1985–2000 гг.

Выборы в Европарламент в Португалии трактуются (прежде всего в партийно-политическом пространстве) как общенациональные опросы, способные определить позиции партий и предсказать вероятный расклад политических сил в АР. Это становится возможным в случаях, когда выборы в ЕП проводятся в один год, но в более раннюю дату, чем выборы в АР. Так было в 1999, 2009 и 2019 гг. Для

[7] Полный список партий см.: Partidos registados e suas denominações, siglas e símbolos. Tribunal Constitucional. URL: https://www.tribunalconstitucional.pt/tc/partidos.html.

португальского избирателя значимость европейских выборов всегда была второстепенной по отношению к национальным, а явка намного ниже (см. граф. 1).

График 1. Явка избирателей на выборах в Европарламент и Ассамблею Республики, 1987–2019 гг.



Источники: Comissão Nacional de Eleições; SGMAI.

Лишь в 1987 и 1989 гг. явка португальцев на выборах в ЕП превысила 50%, что можно объяснить первичным интересом к новому событию, в то время как на выборах в АР она не опускалась ниже 55%, хотя и считается очень низкой и демонстрирующей нисходящую тенденцию от выборов к выборам (с 71,6 до 55,9%).

По официальным данным Национальной избирательной комиссии, количество португальских избирателей, проживавших на территории Португалии и за рубежом и имевших право принять участие в выборах в Европарламент 26 мая 2019 г., составило 10 млн 757 тыс. человек. Из них к урнам пришли 3 млн 307 тыс. избирателей (30,7%). По итогам выборов PS получила девять мандатов, PSD — шесть (обе — меньше исторических максимумов), остальные шесть мест разделили другие партии (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты выборов в Европарламент 26 мая 2019 г. в Португалии

Партия / блок	Число проголосовавших	% голосов	Кол-во мест
PS	1104694	35,9	9
PSD	725399	23,6	6
BE	325093	10,6	2
CDU	228045	7,4	2
PP	204792	6,6	1
PAN*	168015	5,5	1
Остальные партии	323653	10,5	0
Всего	3307644	100,0	21

Источник: Resolução da Assambleia da República № 81/2019. Diario da República. 1ª série. № 115 — 18 de junio de 2019.

* Партия людей, животных и природы, образована в 2011 г.

Анализируя сухие статистические данные, можно прийти к некоторым предварительным выводам. За социалистов и за социал-демократов проголосовали 59,4% избирателей, вместе с народниками — 66,1%. Это свидетельствует о том, что в целом электоральные позиции традиционных партий остаются вполне устойчивыми, что отражает зрелость португальского избирателя. Подтверждением этому служит тот факт, что новым образованиям не удалось добиться его признания[8].

В то же время следует подчеркнуть, что правоцентристы показали наихудший результат за все годы: социал-демократы получили всего шесть мандатов, народники второй раз не могут привлечь достаточное количество голосов, чтобы занять второе кресло в ЕП. У бывших союзников всего 30,2% голосов и семь мандатов. Впрочем, учитывая состояние дел в обеих партиях, отказывающихся вступать в предвыборные альянсы после фиаско 2015 г.[9] и теряющих сторонников, этот результат можно признать хорошим.

Если обратить внимание на идеологическую направленность партий, то следует заметить, что левые радикалы — коммунисты, «зеленые» и блокисты из BE — набрали в совокупности 18% голосов пришедших на избирательные участки и получили четыре мандата. К ним можно добавить результат стремительно левеющей партии PAN, ранее объявлявшей себя нейтральной (все вместе — 23,4% голосов и пять мандатов). Прибавив результаты социалистов, получаем в общей сложности 59,3% голосов, отданных участниками голосования за левый партийный спектр. Количество мандатов при таком подсчете составляет 14 (против семи у правоцентристов). За одиннадцать малых партий, в том числе левой направленности, проголосовали 10,5% избирателей. Таким образом, активный электорат левых сил в Португалии составляет большинство, но традиционно раздроблен.

Отмечая факт «порозовения» электоральной карты страны, аналитики выделяют победу социалистов в 18 избирательных округах из 20 (в двух победа досталась социал-демократам). При этом подчеркивается, что коалиция CDU потеряла сторонников в двух южных округах, традиционном оплоте коммунистов, благодаря чему PS удалось получить дополнительный девятый мандат (в 2014 г. было восемь)[10].

Майские выборы стали первой крупной избирательной кампанией с момента прихода социалистов к власти в 2015 г. и были важны для премьер-министра и правительства как рекогносцировка сил в преддверии октябрьских выборов в АР, на которых они планируют одержать бесспорную победу. Поэтому, учитывая низкую популярность многих кандидатов в евродепутаты от своей партии, А. Кошта персонифицировал предвыборную кампанию и тем самым улучшил позиции партии в предварительных опросах. Более того, накануне выборов в ЕП, умело используя сложную парламентскую коллизию при голосовании за один из законопроектов, он пригрозил отставкой, что, по мнению экспертов, принесло ему тактическую победу,

[8] Португалия — одна из четырех стран ЕС, где крайне правые партии не получили представительства в ЕП.

[9] См. Яковлева Н.М. Португалия: кризис постреволюционной модели и поиск нового вектора развития. Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 3 (7). С. 35–49.

[10] Mapa de Portugal pintado a rosa, excepção em Vila Real y na Madeira. Observador. 27.05.2019. URL: https://observador.pt/2019/05/27/mapa-de-portugal-pintado-a-rosa-excepcao-em-vila-real-e-na-madeir.

отразившуюся на результатах выборов[11]. Впрочем, учитывая четырехлетний курс властей на увеличение бюджетных ассигнований на «социалку», полученные проценты (35,9% от числа пришедших к урнам и 10,3% от общего числа избирателей) оцениваются критиками как весьма скромные[12].

Выборы 26 мая 2019 г. выявили и другие серьезные проблемы. Во-первых, они подтвердили растущий абсентеизм электората: их проигнорировали почти 70% избирателей. Правда, на этот раз к урнам пришло на 23,2 тыс. человек больше, чем пятью годами ранее. В основном это связывается с прямым призывом популярного президента Марселу Ребелу де Соузы «не оставаться дома», так как «в Европе принимаются решения, определяющие наше настоящее и наше будущее»[13]. Из португальцев, проживающих за пределами страны, в выборах приняло участие менее 1%[14].

Среди воздержавшихся — в основном молодежь, не желающая внимать призывам политиков и скептически воспринимающая тезис о взаимозависимости собственной судьбы и участия в европейских или любых других выборах[15]. Электоральное равнодушие отражает, по мнению аналитиков, растущую дистанцию между институтами власти и гражданами как на европейском, так и на национальном уровнях[16]. Обращает на себя внимание высокий процент недействительных бюллетеней (почти 7%, пятый результат среди 17 опций, представленных в избирательном бюллетене).

Простое сложение результатов всех партий — участников правящего альянса левых сил (так называемой geringonça[17]), исходя из общего числа избирателей, дает общую сумму в 15,5% (PS — 10,3%, CDU — 2,2%, BE — 3%). Добавив такие же результаты PSD (6,7%), к которой исторически принадлежит президент, получим 22,2% поддержки нынешних властей Португалии в год 45-летия апрельской революции. Таковы итоги выборов в ЕП — этого своеобразного референдума по доверию правящим элитам в преддверии выборов в национальный парламент.

На европейском подиуме ситуация для португальских социалистов складывается гораздо лучше. С девятью полученными 26 мая мандатами PS превращается в пятую по численности группу депутатов в Прогрессивном альянсе социалистов и демократов после Испании, Италии, Германии и Великобритании[18], а в случае выхода последней из ЕС станет четвертой. Такие результаты помогут А. Коште развить более активную деятельность в структурах ЕС и укрепить взаимосвязи с некоторыми зарубежными партнерами.

---

[11] Costa demite-se se for aprovada lei dos professores em votação final global — como aconteceu. Observador. 04.05.2019. URL: https://observador.pt/2019/05/03/assuncao-cristas-desafia-costa-a-apresentar-mocao-de-confianca.

[12] A lição à Europa do voto português. Diario de Notícias. 27.05.2019. URL: https://www.dn.pt/opiniao/opiniao-dn/ferreira-fernandes/interior/a-licao-a-europa-do-voto-portugues--10944987.html; Um povo feliz nos votos e na abstenção. Sol. Lisboa. 05.06.2019. URL: https://sol.sapo.pt/artigo/660572/um-povo-feliz-nos-votos-e-na-abstencao.

[13] Eleições europeias. "Ficar em casa é um erro". Diario de Notícias. 25.05.2019. URL: https://www.dn.pt/poder/interior/eleicoes-europeias-ficar-em-casa-e-um-erro-10940526.html.

[14] Europeias. Abstenção de 99% entre os emigrantes. Expresso. 28.05.2019. URL: https://expresso.pt/europeias-2019/2019-05-28-Europeias.-Abstencao-de-99-entre-os-emigrantes.

[15] Narrativas pós-eleitorais: Costa, pequenos partidos e PAN. Observador. 02.06.2019. URL: https://observador.pt/opiniao/narrativas-pos-eleitorais-costa-pequenos-partidos-e-pan.

[16] Varela M. Leituras das eleições Europeias. Jornal de negocios. 29.05.2019. URL: https://www.jornaldenegocios.pt/opiniao/colunistas/miguel-varela/detalhe/leituras-das-eleicoes-europeias.

[17] Европа 2017: партии, выборы, власть. Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 76–77.

[18] После выборов 26 мая 2019 г. у Прогрессивного альянса стало 153 мандата. Во фракции 31 группа, представляющая 27 стран.

Во внешнеполитическом плане выборы в Европарламент важны Португалии в первую очередь для укрепления «иберийской оси» — союза с Испанией[19]. Динамично развивающимся португало-испанским отношениям должна способствовать убедительная победа испанских социалистов на выборах в кортесы 28 апреля и в Европарламент 26 мая. Педро Санчес и А. Кошта являются лидерами, которые намерены играть более существенную роль в ЕС и нацелены на то, чтобы настойчиво отстаивать интересы своих стран в законодательном органе и других европейских институтах. Для развития двусторонних отношений Португалии с внерегиональными партнерами, в частности с КНР и США, находящихся в высшей точке, выборы в ЕП нерелевантны. Отношения с РФ, которые постепенно выходят из застоя благодаря найденному португальскими властями и дипломатией прагматичному балансу между санкционной политикой ЕС и двусторонними связями («двухколейный подход»)[20], также имеют самостоятельную динамику и больше зависят от гипотетической смены власти в Португалии по итогам парламентских выборов.

[19] Яковлева Н.М. Португалия и Испания на этапе «превосходных отношений». Латинская Америка. 2017. № 10. С. 5–15.

[20] Яковлева Н.М. Три опоры российско-португальских отношений. Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 10. С. 66–75; Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Португалия: послереволюционное развитие и динамика отношений с Россией. Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 2.

*КВАШНИН Ю.Д.**

Греция: консервативный разворот

В 2019 г. после четырехлетнего политического затишья Греция вступила в новый электоральный цикл, который, как изначально предполагалось, должен был начаться выборами в Европейский парламент (ЕП) и завершиться общенациональными выборами по истечении срока легислатуры избранного в сентябре 2015 г. парламента (Вули). Однако поражение леворадикальной партии СИРИЗА на евровыборах, а также на выборах в региональные и муниципальные органы власти привело к тому, что правительство Алексиса Ципраса досрочно ушло в отставку, и избрание нового состава Вули состоялось уже 7 июля — на три месяца раньше намеченного срока. На выборах всех уровней победу одержала консервативная партия «Новая демократия».

В преддверии выборов в ЕП политические споры в Греции были сосредоточены не столько на общеевропейских проблемах, сколько на традиционных вопросах внутренней и внешней политики. Для Греции это вполне закономерно: интерес к европейской политике в этой стране в последние десятилетия снижается. Происходящие в ЕС события были и остаются на периферии общественного сознания. Согласно опубликованному осенью 2018 г. «Стандартному Евробарометру», 48% греков вообще не ощущают себя гражданами Евросоюза, 56% — не знают, какими правами европейские граждане обладают, 66% – признают, что они не имеют о ЕС достаточной информации. Отношение к Евросоюзу в стране — в основном нейтральное (39%) или негативное (35%). С точки зрения 76% греков (самый высокий уровень среди стран ЕС), греческие интересы на наднациональном уровне учитываются в недостаточной степени[1].

Показательно, что на протяжении длительного времени — с 1994 по 2009 г. — явка избирателей на выборы в ЕП сокращалась, и это при том, что, согласно греческой конституции, участие в выборах обязательно для всех граждан (правда, к отказавшимся прийти на избирательные участки санкции не применяются). Некоторый рост явки (с 53 до 60%) произошел в 2014 г. (см. граф. 1), но связан он был прежде всего с решением греческих властей проводить выборы в ЕП одновременно с первым туром региональных и муниципальных выборов. Как отметил в своей статье для газеты «Катимерини» бывший премьер-министр от партии ПАСОК Константинос Симитис, «Европейский парламент — это фактор, большинству греков безразличный. Они уверены, что его работа и принимаемые им решения их никак не затрагивают. Что это дискуссионный клуб, учреждение, не имеющее реальных полномочий… До сих пор в Греции не было никакой дискуссии о европейских проблемах. Стоит полная тишина»[2].

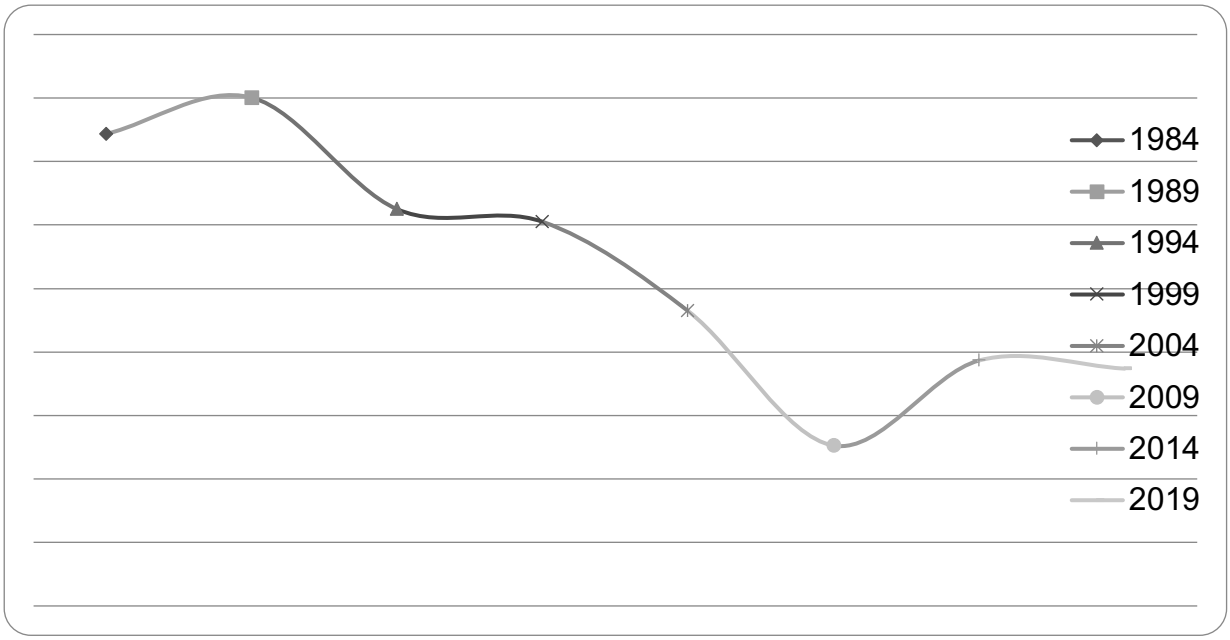
---

* Квашнин Юрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

[1] Τακτικό Ευρωβαρόμετρο. 90 Εθνική έκθεση. Φθινόπωρο 2018 [Standard Eurobarometer. 90th national edition. Autumn 2018 (In Greek)]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ ResultDoc/download/DocumentKy/85227.

[2] Σημίτης Κ. Ευρωεκλογές: Εχουν έννοια; Η Καθημερινή [Simitis K. European elections: Do they matter? Kathimerini. (In Greek)]. 17.03.2019. URL: http://www.kathimerini.gr/1014943/article/epikairothta/politikh/ kwstas-shmiths-eyrwekloges-exoyn-ennoia.

График 1. Явка избирателей на выборах в Европейский парламент в Греции, % от общего числа обладающих правом голоса



Источник: Министерство внутренних дел Греции (https://www.ypes.gr/ekloges).

На фоне подготовки к выборам в Вули евровыборы 2019 г. воспринимались в первую очередь как вотум доверия правительству партии СИРИЗА и проводимой им политике. Наиболее дискутируемыми в Греции — стране, пережившей беспрецедентную для ЕС по своей глубине и продолжительности рецессию, — оказались проблемы экономического и социального развития.

В первые два года правления левых радикалов экономика Греции находилась в кризисе, обусловленном недальновидной политикой властей, которые, отказываясь от прежнего формата сотрудничества с международными кредиторами, в 2015 г. едва не спровоцировали крах банковского сектора. В 2017 г. Греция вышла на траекторию экономического роста и к концу 2018 г. ВВП страны (за два года) увеличился со 176,5 млрд до 184,7 млрд евро. Конечное потребление домохозяйств выросло на 4,8%. Безработица сократилась с 23,6 до 19,3% экономически активного населения. Однако «зеленые ростки» экономики, о которых СИРИЗА напоминает при каждом удобном случае, большинством населения не ощущались и уж точно не соответствовали тем ожиданиям, которые возлагались на партию накануне ее избрания.

Больше всего от экономической политики левых пострадал средний класс. Для достижения первичного профицита государственного бюджета в размере 3,5% ВВП, на чем настаивали кредиторы, а также в целях помощи наименее обеспеченным слоям населения правительство значительно увеличило налоговую нагрузку. В частности, были изменены ставки подоходного налога (доходы свыше 40 тыс. евро в год стали облагаться по 45-процентной ставке), повышены НДС и акцизы, а также налоги на более комфортное жилье, что привело к обвальному падению цен на недвижимость и распродаже квартир, домов и земельных участков. В результате этих мер представители среднего класса, которые ранее колебались между двумя крупнейшими партиями, стали отворачиваться от партии СИРИЗА и

все больше симпатизировать «Новой демократии», обещавшей ввести более мягкий налоговый режим.

Экономические сложности — это главный, но не единственный фактор, объективно игравший против левых радикалов. Весомую роль сыграло также ухудшение имиджа партии. Изначально позиционировавшая себя в качестве альтернативы старому политическому истеблишменту, СИРИЗА, придя к власти, «впитала в себя» все его пороки (коррупция, клиентелизм, фаворитизм и пр.). Показательно, что от этой партии отвернулись многие видные общественные деятели, включая героя Второй мировой войны и, пожалуй, самого известного представителя греческого левого движения Манолиса Глезоса, который принес публичные извинения за то, что ранее призывал за нее голосовать.[3]

Фактически СИРИЗА могла предъявить избирателям лишь два достижения, но и они выглядели, по меньшей мере, спорными. Первое из них — выход Греции из международной программы финансовой помощи с 20 августа 2018 г. — было расценено как запоздалое (премьер-министр Ципрас обещал «покончить с меморандумами» еще в 2015 г.) и неполное, поскольку в отношении страны по-прежнему действует режим «усиленного надзора» за соблюдением бюджетно-налоговой дисциплины со стороны Еврокомиссии. Второе — урегулирование многолетнего спора с Македонией, в соответствии с которым соседнее с Грецией государство получило новое название (Республика Северная Македония) — вызвало недовольство со стороны патриотически настроенной части населения (и, особенно, жителей греческой Македонии с центром в Салониках), воспринявшей достигнутый компромисс как национальное унижение.

В этих условиях позиции «Новой демократии», которой удалось «отсидеться в оппозиции», не запятнав себя непопулярными реформами, изначально выглядели предпочтительными. По данным опросов, начиная с января 2016 г. она опережала партию СИРИЗА по избирательному рейтингу, причем в отдельные месяцы (например, летом 2017 г., когда было подписано соглашение с Македонией) разрыв между двумя партиями достигал 15 п.п. Свою роль сыграла также личная популярность лидера «Новой демократии» Кириакоса Мицотакиса (сына Константиноса Мицотакиса, возглавлявшего правительство в 1990–1993 гг.), который, по мнению большинства греков, больше подходит на должность премьер-министра, нежели А. Ципрас.

Избирательные кампании двух крупнейших партий сильно различались. В соответствии с действующим в стране законодательством, каждая из партий сформировала открытые списки из 42 кандидатов. Почти половину из них составляли представители самых разных профессий (юристы, профессора университетов, гражданские служащие, политологи, доктора, журналисты), которые ранее в политике не участвовали. Это был весьма удачный пиар-ход. Руководители «Новой демократии» продемонстрировали свою видимую заинтересованность в обновлении политической элиты, при этом прекрасно понимая, что избиратели в массе своей проголосуют за наиболее узнаваемые лица из числа старых партийных функционеров, то есть за бывшего председателя партии Эвангелоса Меймаракиса и депутатов ЕП прошлого созыва.

Другую стратегию выбрали левые радикалы. Среди их кандидатов были известные политики от партии СИРИЗА, деятели культуры и спорта, видные члены

---

[3] Manolis Glezos Apologizes to the Greek People for Trusting Tsipras. URL: https://greece.greekreporter.com/2016/01/29/manolis-glezos-apologizes-to-the-greek-people-for-trusting-tsipras.

дружественных партий (прежде всего «Демократической левой»), переметнувшиеся члены конкурирующих партий (Движения за перемены и «Независимых греков»), общественные активисты и т.д. Идя на выборы, СИРИЗА позиционировала себя не как партия, а как широкий избирательный блок, выражавший интересы всего левого спектра, главный и единственный противовес фавориту избирательной гонки — «Новой демократии». На практике, однако, эта стратегия была направлена не столько против консерваторов, у которых уже сформировался устойчивый электорат, сколько против других левых и левоцентристских партий. Цель партии СИРИЗА состояла в том, чтобы не допустить появления серьезной альтернативы на левом поле, а в идеале — абсорбировать идеологически близкие организации, прежде всего — Движение за перемены (бывшую ПАСОК). Однако достичь этого ей не удалось. К концу мая левый фланг оставался сильно фрагментированным. Более того, неудачи правительства в экономической сфере создали запрос на появление новых партий и движений, менее склонных к компромиссам, нежели дрейфовавшая в сторону центра СИРИЗА. Эта политическая ниша была заполнена недавно образованной партией «День 25» во главе с бывшим министром финансов Греции Янисом Варуфакисом, которая в преддверии выборов стала стремительно «отъедать» голоса у левых радикалов.

Итоги выборов в Европарламент в целом оказались довольно предсказуемыми. СИРИЗА набрала 23,8% голосов, отстав от «Новой демократии» на 9,3 п.п. (см. табл. 1). По сравнению с евровыборами 2014 г. левые радикалы ухудшили свой показатель на 2,8 п.п., однако и такого результата им оказалось достаточно, чтобы сохранить свое представительство в ЕП (шесть мест)[4]. Что касается консерваторов, то они получили восемь мандатов — на три больше, чем в 2014 г., но меньше, чем прогнозировали некоторые аналитики.

Таблица 1. Результаты выборов
в Европейский парламент в 2014 и 2019 гг.

Партия	Фракция в ЕП	2014		2019	
		% голосов	кол-во мест	% голосов	кол-во мест
Новая демократия	Европейская народная партия	22,7	5	33,1	8
СИРИЗА	Объединенные европейские левые — Северные зеленые левые	26,6	6	23,8	6
ПАСОК / Оливковое дерево / Движение за перемены	Прогрессивный альянс социалистов и демократов	8,0	2	7,7	2
Компартия Греции	Вне фракций	6,1	2	5,3	2
Золотая заря	Вне фракций	9,4	3	4,9	2
Река	Прогрессивный альянс социалистов и демократов	6,6	2	1,6	0
Независимые греки	Европейские консерваторы и реформисты	3,5	1	0,8	0

[4] В определенной степени положение партии СИРИЗА в стенах ЕП даже укрепилось, поскольку к концу предыдущей легислатуры она потеряла троих своих евродепутатов (они вышли из партии, хотя и остались в партии «Европейские объединенные левые»).

Греческий выбор	Европейские консерваторы и реформисты	–	–	4,2	1

Источник: Министерство внутренних дел Греции (https://www.ypes.gr/ekloges).

Ожидаемым стало прохождение в ЕП, но с меньшим количеством полученных голосов, «Движения за перемены», ультранационалистической «Золотой зари» и коммунистов. Они получили по два депутатских места. Наиболее заметные потери из этих трех партий понесла «Золотая заря», которая по уровню поддержки избирателей переместилась с третьего на пятое место. Это связано как с отходом на второй план миграционных проблем, которые она успешно эксплуатировала в своих политических целях, и с продолжающимся уголовным расследованием ее деятельности, так и с возросшей конкуренцией на правом фланге, а именно — возникновением более умеренной (но также выражающей взгляды сторонников националистических идей) партии «Греческий выбор». С точки зрения развития греческой политической системы снижение рейтинга самой маргинальной, откровенно ксенофобской партии, привлекавшей протестные голоса, — это положительный индикатор, свидетельствующий о том, что граждане страны с бо́льшим оптимизмом смотрят в будущее. В июне 2019 г. падение рейтинга «Золотой зари» продолжилось, и по итогам выборов в национальный парламент Греции она не смогла преодолеть трехпроцентный барьер.

Две партии, ранее представленные в ЕП, — «Независимые греки» (АНЭЛ) и «Река», оказались за его бортом.

Для АНЭЛ фатальным оказалось ее участие в коалиционном правительстве 2015–2019 гг. (в качестве младшего партнера партии СИРИЗА), которое привело к частичной утрате ею собственной политической идентичности. Изначально придерживаясь принципиально иных позиций по ряду значимых для страны проблем, таких как предоставление гражданства иммигрантам, сокращение военных расходов, отделение церкви от государства, легализация однополых браков (по каждому из вышеперечисленных пунктов СИРИЗА выступала «за», а ориентированная на консервативные ценности АНЭЛ — «против»), АНЭЛ, тем не менее, была вынуждена идти на уступки левым радикалам, чем вызывала недовольство избирателей. В январе 2019 г., накануне решающего голосования по ратификации греческим парламентом соглашения с Македонией, лидер партии Панос Камменос попытался спасти ее рейтинг и объявил о выходе из коалиции, однако это запоздалое решение уже не могло предотвратить ее маргинализации. Набрав менее 1% голосов, АНЭЛ отказалась участвовать в национальных парламентских выборах, де-факто поддержав «Новую демократию».

Со схожей ситуацией столкнулась партия «Река», которая действовала на одном политическом поле с ПАСОК. В 2017 г. наряду с несколькими другими левоцентристскими партиями она находилась у истоков альянса «Движение за перемены», однако этот союз оказался недолговечным. Уже в июле 2018 г. «Река» вышла из его состава, формально — из-за противоречий по внешнеполитическим вопросам, а фактически — вследствие того, что руководящая роль в «Движение за перемены» закрепилась за ПАСОК, тогда как представители других партий были вытеснены на обочину. Не пройдя в ЕП, «Река» также приняла решения не идти на выборы в Вули. После ухода в отставку лидера партии Ставроса Теодоракиса встал вопрос о ее самороспуске.

Главной сенсацией выборов стало прохождение в ЕП (а затем и в национальный парламент) новой правопопулистской партии «Греческий выбор» во главе с известным журналистом Кириакосом Велопулосом, который ранее был членом «Новой демократии» и праворадикального «Народного православного сбора». Основу ее электората составили граждане, по разным причинам недовольные старыми партиями правого спектра. Следует также отметить, что К. Велопулос был ярым критиком греко-македонского соглашения[5].

Что касается партии «День 25», то ей не хватило всего 0,01% голосов, однако на июльских выборах в Вули она смогла взять реванш за это досадное поражение и, заручившись поддержкой 3,4% голосов избирателей, впервые создать парламентскую фракцию (см. табл. 2).

Таблица 2. Результаты выборов в парламент Греции

Партия	20 сентября 2015		07 июля 2019	
	% голосов	кол-во мест	% голосов	кол-во мест
Новая демократия	28,1	75	39,8	158*
СИРИЗА	35,5	145*	31,5	86
ПАСОК / Оливковое дерево / Движение за перемены	6,3	17	8,1	22
Компартия Греции	5,6	15	5,3	15
Греческий выбор	не участвовала	0	3,7	10
День 25	не участвовала	0	3,4	9
Золотая заря	7,0	18	2,9	0
Союз центристов	3,4	9	1,2	0
Река	4,1	11	не участвовала	0
Независимые греки	3,7	10	не участвовала	0

Источник: Министерство внутренних дел Греции (https://www.ypes.gr/ekloges).

* Вплоть до выборов в июле 2019 г. в Греции действовал избирательный закон, согласно которому 50 из 300 мест в национальном парламенте доставалось победившей партии.

Итоги выборов в ЕП и последовавших за ними выборов в парламент Греции стали отражением двух важных с точки зрения развития партийно-политической системы страны трендов. Первый из них, наметившийся еще со второй половины 2015 г., — это постепенное смещение политического дискурса вправо. Оно проявилось как в расширении электоральной поддержки «Новой демократии», так и в «поправении» партии СИРИЗА, которая эволюционирует из леворадикальной партии в левоцентристскую, осваивая, хотя и с переменным успехом, ранее принадлежавшую ПАСОК социал-демократическую нишу. Второй, пока еще не столь заметный тренд — консолидация партийной системы, уменьшение числа значимых (то есть имеющих шансы пройти в парламент) игроков и снижение рейтинга малых партий.

[5] Перу К. Велопулоса принадлежит книга «Александр, величайший из греков», в которой он доказывает греческое происхождение Александра Македонского.

Однако насколько устойчивыми эти тренды окажутся в будущем? Новейшая политическая история Греции знает немало примеров того, как получившие карт-бланш партии в течение считанных месяцев теряли свою поддержку как из-за экономических и политических просчетов, так и вследствие внутрипартийных расколов. Позиции «Новой демократии», получившей крупнейшее представительство в ЕП, абсолютное большинство депутатских мест в Вули (158 из 300) и контроль над основными руководящими должностями в региональных и муниципальных органах власти, выглядят прочными, но отнюдь не незыблемыми. При сохраняющемся контроле со стороны международных кредиторов над государственными финансами страны многие из обещаний, которые «Новая демократия» щедро раздавала накануне выборов (например, резко снизить налоги и реструктуризировать государственный долг), если и удастся реализовать, то лишь в ограниченном объеме. В этих условиях с большой долей уверенности можно прогнозировать, что уже в ближайшее время маятник электоральных предпочтений качнется влево.

Часть IV.
Выборы в странах Новой Европы: общее и особенное

*ВЕДЕРНИКОВ М.В.**

Вишеградцы голосуют

Прошедшие в странах Вишеградской группы (В4) выборы в Европейский парламент (ЕП) не стоит рассматривать как однородный процесс с присущими ему четкими тенденциями и характеристиками, поскольку попытки генерализации электорального цикла ведут к тому, что в подобном обобщении среди «квартета» стран появляется то третий, то четвертый лишний. Между тем можно выделить определенные особенности, характерные для этих государств Центральной Европы, которые формируют особый образ их восприятия в ЕС и за его пределами.

По итогам данных выборов членов В4 условно можно разделить на две группы. К первой стоит отнести Чехию и Словакию, где были подтверждены уже произошедшие перемены или отмечены контуры намечающихся изменений в партийной расстановке сил. Партии, долгое время лидировавшие в рейтингах предпочтений местного населения, теряли свое положение (словацкая «Курс — социальная демократия», Чешская социал-демократическая партия). В свою очередь новички избирательных процедур набирали популярность. Во вторую группу входят Венгрия и Польша, где партии-гегемоны («Фидес», «Право и справедливость») закрепили свое положение, не дав возможности своим политическим противникам заручиться большей поддержкой, несмотря на их резко возросшую активность накануне выборов, которая строилась на жесткой критике правящих партий и акцентировании внимания на их несоответствии либерально-демократическим принципам ЕС.

В ходе избирательной кампании партии, несомненно, поднимали вопросы, касающиеся общеевропейской проблематики: вхождение в еврозону, сотрудничество в области европейской безопасности, разрешение последствий миграционного кризиса, бюджет Евросоюза.

Ни одна из правящих партий в Польше, Венгрии и Чехии — странах, не входящих в зону евро, — не поддерживает план перехода на единую валюту. В Венгрии сторонниками такой идеи выступали только оппозиционные Венгерская социалистическая партия, Демократическая коалиция, движение «Моментум». В Польше смутная поддержка прозвучала со стороны проигравшей Европейской коалиции. Позиция же Чехии в этом вопросе выглядела монолитно, потому что ни одна из политических сил не выступила за введение в оборот евро. Все партии говорили о необходимости проведения мер, которые позволят ЕС в будущем избежать возникновения затяжных кризисов в финансовой сфере.

Партии, входящие в Европейскую народную партию (ЕНП), Прогрессивный альянс социалистов и демократов (ПАСД) и Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ), акцентировали внимание на усилении общеевропейского сотрудничества в оборонной области с учетом новых глобальных вызовов и изменений политики США после прихода к власти Дональда Трампа. Если в этом вопросе партии были единогласны, то разница мнений возникала относительно трансформации механизма принятия решений при обсуждении Общей внешней политики и политики безопасности, где принцип единогласия предлагалось заменить на принцип квалифицированного большинства. Помимо крайне правых сил, взывавших к необходимости отмены санкций в отношении России, некоторые

* Ведерников Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

этаблированные партии (Фидес, «Курс — социальная демократия», Словацкая национальная партия) также высказывали подобные предложения.

В миграционном вопросе наблюдался консенсус, который сводился к пониманию необходимости защиты внешних границ ЕС. Однако мнения о том, в какой степени миграция должна была регулироваться — на уровне Брюсселя или на уровне национальных столиц, — варьировались, причем не только между политическими партиями, но и внутри фракций Европарламента. Так, позиция членов ЕНП, которая сводилась к необходимости поддержки роли государства в миграционном вопросе, особенно отчетливо звучала в стане «Фидес», представители которой заявляли о необходимости передачи полномочий по регулированию миграции в руки национальных правительств. В АЛДЕ разброс мнений был еще шире: с одной стороны, чешская ANO 2011 указывала на то, что только само государство может принимать решения по вопросу размещения беженцев. С другой стороны, венгерская партия «Моментум» предлагала «систему торговли квотами». В ПАСД также не было единой позиции. Так, если Чешская социал-демократическая партия и «Курс — социальная демократия» выступали против системы обязательного распределения мигрантов, то Венгерская социалистическая партия подчеркивала необходимость поддержания солидарности и поиска общего европейского решения.

Что касается европейского бюджета и его приоритетных глав, то партии, представленные в ЕНП, ПАСД и АЛДЕ, акцентировали внимание на финансировании фондов, ответственных за политику сплочения и сельскохозяйственный сектор, за безопасность и защиту границ, за инфраструктурные проекты.

Несмотря на участие партий В4 во фракциях ЕП, вряд ли стоит ожидать, что они будут разделять заявленные ими позиции по всем вопросам, поскольку они прежде всего ориентируются на национальный контекст и такие факторы, как вхождение в правящие коалиции у себя на родине (или наоборот пребывание в составе оппозиции); вопросы, которые оказывают влияние на домашнюю повестку.

Также важно отметить, что избирательная активность населения стран В4 осталась на довольно низком уровне, хотя и превысила показатели 2014 г. (особенно в Польше, где явка выросла на 22 п.п.). На выборах 2019 г. явка составила 45,6% в Польше, 22,7 в Словакии, 28,7% в Чехии и 43,4% в Венгрии. Во всех четырех странах она оказалась ниже средней по ЕС[1].

Объяснение этому можно найти в том, что за 15 лет с момента вступления в ЕС значительная часть населения не прочувствовала свою принадлежность к Евросоюзу и важность участия в решении его судьбы. Неудивительно, что в программах политических партий в приоритете значилась внутренняя проблематика. Тем самым выборы стали дополнительной возможностью для политических сил заявить о себе и выяснить расстановку сил накануне местного волеизъявления. Отчетливо это проявилось в Словакии, где победителем стала коалиция совсем недавно образованных партий «Вместе» (SPOLU) и «Прогрессивная Словакия», последняя из которых на президентских выборах в марте 2019 г. выдвинула кандидатуру Зузаны Чапутовой, которая по их итогам и одержала победу[2].

Тем самым обозначился ясный тренд на угасание политического господства правящей партии «Курс — социальная демократия», которая не только сместилась

[1] В 2014 г. на выборах в ЕП явка в Словакии составила 13,1%, в Чехии — 18,2%.

[2] Ведерников М.В. Президентские выборы в Словакии 2019 г. как кризис доверия власти. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 2. С. 59–65.

на второе место, но и потеряла практически 9 п.п. голосов[3]. В Чехии, несмотря на сохраняющееся господство движения ANO 2011, с серьезными проблемами столкнулись его коалиционные партнеры — Чешская социал-демократическая партия, не сумевшая преодолеть пятипроцентный барьер, и Коммунистическая партия Чехии и Моравии, которая провела только одного депутата в ЕП. В то же время произошло усиление оппозиционных партий, выступающих с критикой премьер-министра Андрея Бабиша, которые в совокупности аккумулировали 47,4% голосов избирателей[4]. Впрочем, для результативных действий им не хватило общей платформы для сотрудничества.

Как отмечалось ранее, в Польше и Венгрии подтвердили политическое лидерство партии «Право и справедливость» и «Фидес» соответственно. Их оппоненты, несмотря на активные попытки, не сумели переубедить избирателей отказаться от их поддержки, о чем свидетельствовали значительные показатели доверия ПиС (45,38%) и «Фидес» (52,33%).

Говорить о победивших партиях — ANO 2011, ПиС, «Фидес» — как о евроскептиках нет достаточных оснований, потому что их представители не ставили под сомнение членство в ЕС, которое являлось для них безальтернативным вариантом развития. Восприятие этих партий западным сообществом в подобном ключе проистекало из демонстрируемого ими критичного отношения к институтам ЕС, заявлений о необходимости учета национальных предпочтений, сохранении суверенитета и предоставлении больших возможностей для национальных органов власти. Таким образом, их стоит называть еврореформистами — политическими силами, предлагающими конструктивные варианты изменения устройства европейского интеграционного объединения. Неудивительно, что первый пункт программы ANO 2011 посвящен «принципиальной реформе ЕС», которая привела бы к появлению «сильного ЕС с сильными государствами-членами». Для этого необходимо определить роль союзных институтов; лучше настроить коммуникацию между Европейской комиссией и Европейским советом[5].

Хотя лидерство в электоральном цикле захватили силы, находящиеся на политической сцене уже долгое время, страны Вишеградской группы провели в ЕП наибольшее число партий, ранее там не представленных. Речь идет о польской либеральной партии «Весна», несистемной Чешской пиратской партии, словацкой крайне правой «Народная партия — Наша Словакия» и еврооптимистической партии «Прогрессивная Словакия». Тем самым были продемонстрированы многообразие политического представительства стран Вишеградской группы, возможность демократического волеизъявления и приверженность принципу плюрализма и свободы слова.

В трех странах из четырех значительную поддержку получили партии, пропагандирующие в своих заявлениях национализм, ксенофобию, неонацизм и нетерпимость к представителям национальных и религиозных меньшинств (цыганам, мусульманам). Также их объединило желание отказаться от членства в организациях, ограничивающих государственный суверенитет. Прежде всего речь идет о чешской партии «Свобода и прямая демократия», словацкой «Народной

---

[3] 2019 European election results. Slovakia. URL: https://www.election-results.eu/national-results/slovakia/2019-2024/.

[4] 2019 European election results. Czechia. URL: https://www.election-results.eu/national-results/czechia/2019-2024/.

[5] Program hnutí ANO pro volby do Evropského parlamentu. ANO. 02.05.2019. URL: https://www.anobudelip.cz/cs/makame/aktuality/novinky/cesko-ochranime.-tvrde-a-nekompromisne-41915.shtml.

партии — Наша Словакия» и венгерской «Йоббик». Первые две партии после выборов праздновали победу, поскольку для них полученные результаты были беспрецедентным успехом. Венгерская же партия находится в состоянии упадка и потери поддержки прежнего электората ввиду отсутствия яркого лидера. За «Свободу и прямую демократию» проголосовали 216 тыс. человек, за «Йоббик» — 219 тыс., за «Народную партию — Наша Словакия» — 118 тыс. Однако если учитывать, что население Словакии в два раза меньше населения Венгрии или Чехии, то относительный уровень поддержки националистов окажется схожим.

Рост популярности политических сил данного направления можно проследить от начала миграционного кризиса 2015 г., когда в ЕС начали просачиваться неконтролируемые потоки беженцев из Ближнего Востока и стран Африки. Если усиление антимигрантских настроений в государствах Западной Европы (Германии, Франции, Швеции, Нидерландов, Австрии) вполне объяснимо, поскольку беженцы устремились туда за высокими пособиями, то радикализация настроений среди жителей Центральной Европы требует определенного разъяснения. Казалось бы, лозунги о возможной исламизации, размывании национальной идентичности, проникновении террористических группировок не должны были стать в этих странах столь востребованными. Однако они нашли своего избирателя.

Западные политологи объясняют это тем, что население стран В4 не смогло адаптироваться к ценностям европейского сообщества и воспринять их в полной мере. Тем самым отмечается как неподготовленность самого социума, так и низкое качество элит, которые сыграли на легко воспламеняемых национальных чувствах жителей этих стран. В то же время они не учитывают особенностей этнического состава данных государств, где существенна доля оседлых цыган (согласно переписи, в Чехии она составляет 0,3%, в Словакии — 1,7%, в Венгрии — 2%; а по неофициальным данным — от 3 до 7% в Чехии и от 7 до 10% в Словакии и Венгрии). Тем самым долгое время купируемая проблема цыганского меньшинства, отказывающегося интегрироваться в общество, не работающего и живущего на социальные пособия, получила свое развитие в связи с миграционным кризисом, став катализатором антимигрантской риторики. Адаптация новых «чужаков», учитывая имеющийся негативный опыт, воспринимается как априори невозможная.

Обращаясь к рассмотрению выборов в странах В4, совсем недавно присоединившихся к единой Европе, многие эксперты упускают из вида их национально-исторические и этнополитические особенности — долгое проживание в рамках многонациональных империй, в авторитарном закрытом обществе и, что важно, относительно небольшой возраст национальных проектов. Турбулентная ситуация, сопровождавшая развитие этих народов, привела к тому, что у них выработался особый тип политического поведения, основанный на сохранении долгое время подавлявшейся национальной идентичности, особенно в условиях глобализации, стирающей границы ментального и политического. Поэтому во многом критичное отношение населения В4 к Европарламенту вполне понятно и объясняется желанием затормозить процесс погружения в ЕС, который многими воспринимается как некое «супергосударство». В то же время эти страны не отрицают выгоды нахождения в Евросоюзе и готовы пользоваться всеми благами и предоставляемыми свободами. В дальнейшем задача европейских чиновников состоит в том, чтобы более предметно и четко разъяснить преимущества сильного ЕС, его созидательную миссию и уважение к суверенитету национальных государств.

*ЯЖБОРОВСКАЯ И.С.**

Польский вопрос и европейский ответ

Посттрансформационные страны, вступившие в Европейский союз в 2004 и 2007 гг., имеют свою специфику. Вначале они активно внедряли институты демократии, в том или ином темпе адаптируя законодательство ЕС. Системная трансформация шла в направлении перехода от модели административно-командной системы и партии-государства к строительству на основе имплементации законодательной базы ЕС правового государства, а также проведения демократических преобразований, затрагивающих как структуры (институты), так и соответствующее им функционирование общества.

Вначале эти преобразования проходили в более или менее слаженном ритме. Быстрая унификация основных процессов казалась предопределенной. А затем ритм сбился. Практика расставила акценты иначе, чем представлялось. Кризисы 2007–2008 гг. и 2012–2013 гг. стимулировали процессы дезорганизации, дисфункции и деструкции, обратные оптимальной триаде «структура — функционирование — развитие». Эта специфика региона проявилась и в макромасштабе, и в страновых процессах последних полутора декад.

Снижение уровня демократичности режимов проявляется и в наиболее благополучном регионе — Центральной и Юго-Восточной Европе. Негативные тенденции потери демократических завоеваний характерны для Польши, Болгарии и особенно Венгрии. Сетевое общество быстро перерождается в популистско-автократическое.

С чем пришла к выборам в Европейский парламент (ЕП) самая крупная из стран региона — Республика Польша? Если из кризиса 2007–2008 гг. правящая популистская правонационалистическая партия «Право и справедливость» (ПиС), потеряв власть, вышла все же без существенных потерь, то в следующем цикле парламентских выборов она уже смогла, использовав низкую явку избирателей и льготный механизм подсчета и распределения голосов д'Ондта, вернуться к власти. За три года вполне проявились общие для региона черты регрессивного хода демократического процесса — установление автократической власти нового типа, подрыв основ правового государства.

Получив формальное большинство в парламенте и пересмотрев кадровый состав правовой системы, эта партия, однако, встретила сопротивление инстанций Евросоюза и должна была считаться с перспективой потери голоса в этой организации, оказывающей стране серьезную финансовую поддержку, и даже исключения из ее рядов. Она получила гарантии от лидера близкой по духу правящей элиты Венгрии в лице Виктора Орбана, который пообещал предоставить Польше решающий голос против возможного исключения из ЕС и лишения экономических преференций. При этом руководство ПиС не может не учитывать мнение граждан, 86% которых одобряют членство в Евросоюзе. В связи с этим очевидна необходимость урегулирования отношений с его инстанциями, которые опротестовывают подрыв независимости польской правовой системы.

В сложившейся ситуации ПиС взяла курс на поиск методов выведения страны из-под контроля Евросоюза и укрепления автократического режима. Одним из таких методов должно было стать обеспечение через выборы безоговорочного принятия

* Яжборовская Инесса Сергеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

своей политики в ЕС. Для того чтобы добиться признания правоты своих решений, на выборах в Европейский парламент (ЕП) руководство партии выставило в качестве кандидатов опытнейших политиков, в том числе почти половину депутатов парламента. Были мобилизованы все силы и средства, чтобы обеспечить максимально возможную поддержку электората — как уже определившегося, так и колеблющегося.

В центре предвыборной борьбы оказалась, естественно, социальная политика. Популистскими методами добиваясь популярности партии, издания ПиС спекулировали на выдвижении требования к должностным лицам предоставить декларации о доходах. Находящаяся в оппозиции Европейская коалиция добавила к этому корректирующее требование — и к членам их семей. Защите правовых норм, которая стала краеугольным камнем избирательной кампании Еврокоалиции, ПиС противопоставила лозунг «Защитим свои права», а критику популистских мер изображала как «ущемление прав потребителей».

Рассчитывая на поддержку католиков, ПиС использовала слоган «Кто поднимет руку на церковь, тот поднимает руку на Польшу». И попала в трудную ситуацию в связи с выходом в прокат фильма братьев Секельских «Только никому не говори» о сексуальных домогательствах священников и даже иерархов церкви в отношении несовершеннолетних и покрывательстве подобных преступлений.

Кампания 2019 г. была необычайно интенсивной. В качестве кандидатов выступили 115 депутатов и 19 сенаторов польского парламента, а также 36 депутатов Европарламента предыдущего созыва — ударные силы правящей партии. Всего же были выдвинуты 866 кандидатов — в среднем по 17 на каждое место (Польша представлена в ЕП 51 депутатом, однако в случае брекзита их число возрастет до 52). Если ранее явка составляла порядка 20–24%, то на этот раз она достигла 45,7%, что свидетельствует о значительном росте политической активности польских граждан. В голосовании приняли участие многие из не голосовавших ранее, при этом за рубежом голосовало в три раза больше поляков, чем обычно.

Все политические силы развернули широкую агитацию. Опросы давали противоречивую информацию. Например, 9 апреля, по данным «Газеты выборча», за ПиС были готовы проголосовать 36% избирателей, а за Еврокоалицию — 33%. Однако за две недели до выборов, по сведениям Newsweek, эти показатели составляли соответственно 39 и 42%.

По итогам выборов ПиС получила 45,4% голосов и 27 мандатов, Европейская коалиция, представленная пятью партиями — «Гражданской платформой», Польской крестьянской партией, Союзом демократических левых сил, «Зелеными» и Современной партией, — 38,5% голосов и 22 мандата. За новую демократическую партию «Весна» проголосовали 6,1% избирателей, что позволило ей получить три мандата.

ПиС добилась превосходства над Европейской коалицией и «Весной», мобилизовав свой «железный» электорат обещанием обеспечить ему в ЕС самые большие дотации на развитие сельских территорий. Еврокоалиция расценила это как покупку голосов сельского населения. Впервые правые сделали упор на активизацию пропаганды в промышленных северных и западных регионах страны, где ПиС всегда проигрывала.

Социально-образовательный состав избирателей этой партии говорит сам за себя. ПиС выиграла за счет более активного голосования малообразованных и слабо политизированных жителей деревни (56,3%, а вместе с праворадикальным объединением «Конфедерация» — 61,8%) и малых городов с населением до

200 тыс. (36,4%, с «Конфедерацией» — 44,4%). В больших же городах ей пришлось довольствоваться всего 27% голосов, к которым плюсуются 5,7% голосов «Конфедерации». Демократические силы Европейской коалиции продемонстрировали обратную динамику — от 27,7% в деревнях до 36,4% в малых городах и 50,4% в больших городах.

По критерию социальной принадлежности голоса распределились так: ПиС поддержали 70,1% крестьян, 56,6% рабочих, 53,3% пенсионеров и 50,9% безработных. Не менее яркую картину дает распределение голосов по уровню образования. Среди лиц с высшим образованием за кандидатов Еврокоалиции проголосовали 50,7%, за ПиС — 26,4%; среди лиц со средним образованием — соответственно 37,7 и 43,4%; среди лиц с начальным образованием — соответственно 24,3% и 69,9%. Кроме того, за Еврокоалицию охотнее голосуют руководители предприятий и специалисты (52,6%), а также владельцы фирм (51,4%). Среди еще не определившихся до конца учащихся и студентов пока сохраняется баланс: за кандидатов левых и центра голосовали 45,5%, а за правых — 41,8%.

Новым явлением стала самоорганизация актива местного самоуправления, представители которого выиграли выборы в Варшаве, Лодзи, Познани и других городах. Этому способствовал призыв союза 12 главных польских городов — «Унии польских метрополий» — к населению включиться в избирательную кампанию. Независимое движение «Солидарность самоуправления» выработало 21 тезис о необходимости объединения усилий по реорганизации управленческих структур, оптимизации взаимодействия государства и органов самоуправления, более действенного участия в решении локальных задач, поддержки бизнеса, борьбы с коррупцией и увеличения дотаций на культуру. Это стимулировало их дальнейшее активное участие в подготовке к осенним парламентским выборам в стране.

В новом составе Европарламента польские депутаты разошлись по фракциям. Правые ищут способа увеличить свое влияние в его структурах. Бывший вице-председатель ЕП Здислав Краснодембский считает, что стремление представителей бывших соцстран сохранять и защищать правопорядок — это негативное явление, что критика антидемократических проявлений — это только придирки, что должны сохраняться «дифференциация позиций», разнообразие политических режимов и норм. Следует констатировать, что фракция «Европейские консерваторы и реформисты», в которую вошли евроскептики из ПиС, остается малочисленной и не очень влиятельной.

Результаты выборов в ЕП трактуются по-разному. Так, если бывший председатель Европарламента Ежи Бузек увидел в них значительный прогресс в деле объединения демократических сил, а социал-демократы — перспективы дальнейшего их сближения, то деятели Польской крестьянской партии констатировали наличие мировоззренческих различий и стали обсуждать возможность поиска нового места на политическом поле, например, формирования отдельного от левых сил самостоятельного блока. Несомненно, однако, что выборы в ЕП стали своеобразной репетицией намеченных на осень 2019 г. парламентских выборов в самой Польше. Летние месяцы этого года и начало осени предвещают дальнейшее бурное развитие политического процесса в стране.

*ЧЕТВЕРИКОВА А.С.**

Внутриполитическая жизнь Чехии в зеркале евровыборов

Выборы в Европейский парламент (ЕП), которые в Чехии прошли 24–25 мая 2019 г., с трудом можно отнести к ключевым событиям политической жизни страны. Как правило, евровыборы привлекают значительно меньшее количество избирателей, чем выборы президента или парламента Чехии. Этому способствует как характерное для Чехии общее недоверие к европейским институтам со стороны населения (в 2014–2018 гг. его уровень находился в диапазоне от 56 до 63%[1]), так и относительно малая роль чешских евродепутатов, на которых приходится всего около 2,8% общего состава Европарламента.

Будучи традиционно не самыми активными участниками избирательного процесса, чешские граждане подтвердили ряд общеевропейских и национальных тенденций. Однако некоторые итоги выборов оказались относительно неожиданными.

Предвыборные опросы в целом верно определяли расстановку сил: лидирующие позиции отводились партии «Акция недовольных граждан» (ANO 2011), Гражданской демократической партии (ODS) и Чешской пиратской партии, которые могли получить 28%, 12% и 10,5% голосов соответственно. Еще 10% приходилось на Коммунистическую партию Чехии и Моравии (KSCM)[2]. В результате вышеназванные три ведущие партии заняли соответственно шесть (ANO 2011), четыре (ODS) и три (пираты) места в Европарламенте из 21 места, которые причитаются депутатам от Чехии. Иначе говоря, фактические результаты выборов несколько отклонились от прогнозных оценок. Партия премьер-министра Андрея Бабиша на фоне протестов значительно недобрала голосов: за нее проголосовало только 21,2% избирателей. В то же время ODS и пираты выступили лучше ожиданий, получив 14,5% и 13,9% соответственно[3]. Однако в целом три лидирующие партии, которые победили с наибольшим количеством голосов и на последних, проводившихся в 2017 г., выборах в палату депутатов в самой Чехии, подтвердили свои позиции и на нынешних европейских. Определенным провалом стали результаты KSCM: впервые за десять лет она не преодолела десятипроцентный рубеж, хотя опросы показывали обратное.

Оправдались опросы и по показателям явки, которая выросла более чем на 10 п.п. по сравнению с аналогичными выборами 2014 г. и составила 28,7% (см. табл. 1), что соответствует общеевропейской тенденции. Однако чешская явка значительно уступает среднеевропейской (более 50%). В территориальном разрезе наиболее активно продолжили принимать участие в выборах жители Праги: в чешской столице явка почти достигла 40%. При этом в Праге ANO 2011 не смогла

---

* Четверикова Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

[1] Исключением являлся 2015 г., когда этот показатель, по данным «Стандартного Евробарометра», составил всего 45%.

[2] Voličské preference, factory rozhodování a témata voleb do evropského parlamentu v dubnu 2019. Centrum pro výzkum veřejného mínění. 25.04.2019. URL: https://cvvm.soc.cas.cz/cz/tiskove-zpravy/politicke/volby-a-strany/4915-volicske-preference-faktory-rozhodovani-a-temata-voleb-do-evropskeho-parlamentu-v-dubnu-2019.

[3] Elections to the European Parliament held on the territory of the Czech Republic on 24–25 May 2019. Český statistiký úřad. URL: https://www.volby.cz/pls/ep2019/ep?xjazyk=EN.

стать победителем и заняла лишь четвертую позицию. Первое место заняла партия «Старосты и независимые» (STAN), набравшая 20,7% голосов.

Таблица 1. Результаты выборов в Европейский парламент в Чешской Республике

Показатель	2009	2014	2019
Явка, %	28,2	18,2	28,7
Регион наибольшей явки, %	Прага — 35,7	Прага — 25,8	Прага — 38,3
Число прошедших партий	4	7	7
Количество мест у лидирующей партии	Гражданская демократическая партия — 9	ANO 2011 — 4	ANO 2011 — 6
Доля голосов у лидирующей партии, %	31,4	16,1	21,2

Источник: Český statistiký úřad (https://volby.cz/index_en.htm).

Также сохранилась мозаичность партий, преодолевших необходимый барьер: как и пятью годами ранее, семь партий были избраны в состав ЕП по сравнению со всего четырьмя в 2009 г. (см. табл. 1, 2). Лидирующей партией осталась ANO 2011, которая набрала наибольшее число голосов избирателей и в 2019 г. получила шесть мандатов — на два больше, чем пятью годами ранее. Однако многие эксперты оценивают результаты ANO 2011 скорее как негативные, поскольку главенствующей партии удалось консолидировать менее четверти электората (для сравнения, в 2009 г. за ГДП проголосовала почти треть избирателей). И это несмотря на то, что партия провела активную предвыборную кампанию, потратив на нее около 35 млн крон (1,4 млн евро), около половины из которых не будет компенсировано государством [4]. В рамках предвыборной программы ANO 2011 выступала за расширение полномочий отдельных членов ЕС, а также затрагивала вопросы безопасности и миграции в свете неприятия квотного распределения. В то же время имела место и масштабная антикампания: лидер ANO 2011 А. Бабиш обвинялся в конфликте интересов, мошенничестве и пр.

Среди победителей можно выделить и других относительно новых игроков чешской политики. Во-первых, это выступающая за борьбу с коррупцией, защиту окружающей среды, развитие доступности информации, бо́льшую степень равенства между странами-членами ЕС Чешская пиратская партия (см. табл. 2), которая впервые прошла в состав ЕП с результатом, сопоставимым с результатами ключевых в прошлые годы партий страны — KSCM и Чешской социал-демократической партии (CSSD). Во-вторых, на общеевропейский уровень вышли члены партии «Свобода и прямая демократия» (SPD) Томио Окамуры, существующей всего около пяти лет и придерживающейся евроскептических и антииммигрантских установок. Сами представители партии оценивают ее результаты оптимистично и как соответствующие ожиданиям.

Кроме того, часть утраченных позиций вернули себе и некоторые основные участники политической жизни Чехии. Гражданская демократическая партия, выступающая за поддержание евроатлантического направления политики, общеевропейский подход к усилению внешних границ ЕС, миграционный контроль и

[4] На предвыборную кампанию государство компенсирует расходы партий в размере 30 крон за голос. В отношении ANO 2011 компенсация составит около 15 млн крон.

охрану окружающей среды, смогла занять второе место после провала пятилетней давности. Среди «проигравших» можно назвать KSCM, которая уже третий цикл подряд теряет голоса. Непопулярность проповедуемых ею взглядов среди молодого поколения и ряд других факторов привели к одному из наихудших результатов: партия стала последней среди прошедших необходимый барьер. Определенным проигрышем можно назвать результаты других двух партий. Еще в апреле 2019 г. возможности STAN, выступающей за региональное развитие, и Христианско-демократического союза — Чехословацкой народной партии (KDU–CSL) оценивались на уровне 5% у каждой, но итоги выборов показали больший успех обеих партий. При этом партиям не удалось сохранить достигнутые результаты 2014 г. как по полученным процентам голосов, так и по общему рейтингу среди партий.

Практически все партии, представленные в палате депутатов Чехии, смогли пройти в Европарламент. Исключением стала CSSD, одна из старейших партий страны и один из лидеров на выборах в ЕП прошлых лет, которая не преодолела и пятипроцентный барьер: ее результат составил всего 3,9% голосов. О необходимости кардинальной перестройки CSSD и критическом состоянии дел в партии впоследствии заявили многие ее представители.

Таблица 2. Результаты чешских партий на выборах в Европарламент

2009		2014		2019	
Партия	% голосов / места	Партия	% голосов / места	Партия	% голосов / места
ODS	31,4 / 9	ANO 2011	16,1 / 4	ANO 2011	21,1 / 6
CSSD	22,4 / 7	STAN+TOP 09	15,9 / 4	ODS	14,5 / 4
KSCM	14,1 / 4	CSSD	14,1 / 4	CPS	13,9 / 3
KDU-CSL	7,6 / 2	KSCM	10,0 / 3	STAN+TOP 09	11,6 / 3
		KDU-CSL	9,9 / 3	SPD	9,1 / 2
		ODS	7,7 / 2	KDU-CSL	7,2 / 2
		SSO	5,2 / 1	KSCM	6,9 / 1
Всего					
33 партии	100 / 22	39 партий	100 / 21	39 партий	100 / 21

Источник: Český statistiký úřad (https://volby.cz/index_en.htm).

Прошедшие выборы в очередной раз подтвердили заинтересованность чехов в решении через ЕП вопросов как общеевропейской, так и чешской тематики. Согласно опросам, наиболее важными для избирателей были проблемы миграции, которые волновали около 15% опрошенных[5], защиты национальных интересов (5% опрошенных), а также брекзита (4%), окружающей среды (4%), качества продуктов питания (4%), экономики (3%), реформ в Евросоюзе (3%).

Результаты выборов не дают возможности однозначно оценить их влияние на отношения с РФ. Партии демонстрируют достаточно широкий разброс взглядов на российскую проблематику. Для некоторых партий остается характерным неопределенное отношение, другие готовы выстраивать взаимодействие с учетом общеевропейской политики, третьи же выносят РФ за пределы Европы или воспринимают ее как современную угрозу существующему миропорядку. В частности, ANO 2011 придерживается общеевропейской позиции применения

[5] Voličské preference, factory rozhodování a témata voleb do evropského parlamentu v dubnu 2019...

санкций в отношении России, однако в силу в том числе экономических интересов готова идти на диалог с российской стороной по ряду важных для себя вопросов и выстраивать взаимовыгодные отношения. Так, в одном из интервью А. Бабиш заявлял, что аннексия Крыма является печальным событием, но санкции не работают, поэтому он предпочитает и торговлю, и санкции[6]. Также к относительно лояльным по отношению к России партиям можно отнести SPD: ее представители высказывались за отмену антироссийских санкций. Чешская пиратская партия скорее негативно относится к взаимодействию с РФ, открыто поддерживая санкции и осуждая присоединение Крыма. Преимущественно антироссийскими взглядами характеризуются ODS и правоцентристская партия TOP 09.

В целом результаты выборов в ЕП в Чехии продемонстрировали сохранение наметившихся трендов в политической жизни республики, все более активное участие в жизни страны молодого поколения чехов, чьи интересы разнятся с предпочтениями населения старших возрастов. Общие результаты распределения голосов избирателей среди партий могут свидетельствовать о том, что граждане в определенной степени недовольны действующими властями, что выразилось в повышенной доле голосов, отданных за оппозиционные политические силы. Для Чехии остается характерной неустойчивость политической жизни, вследствие чего положение партий заметно меняется: старые партии уходят на вторые роли, появляется множество новых политических сил, лишь часть из которых становится заметными фигурами на чешской и тем более на общеевропейской сцене.

[6] Czech PM Babiš outlines his vision of Europe for Figaro. Prague Daily Monitor. 02.07.2018. URL: http://praguemonitor.com/2018/07/02/czech-pm-babiš-outlines-his-vision-europe-figaro.

*КАНДЕЛЬ П.Е.**

Партийная диспозиция в Юго-Восточной Европе

Итоги выборов в Европарламент в четырех странах данного региона (Словении, Хорватии, Румынии и Болгарии) не просто свести к какой-либо общей тенденции, характеризующей то или иное отношение к европейскому проекту и вектору его будущего развития. В гораздо большей степени они отражают ситуацию и соотношение сил в конкретной стране. Отличия обнаруживаются даже в активности избирателей. В Хорватии и Словении по сравнению с 2014 г. явка выросла, но незначительно — с примерно 25 до 28–29%, в Болгарии заметно снизилась — с 36 до 31%, а в Румынии скакнула с 32 до 51%, даже превысив среднеевропейский показатель по ЕС.

Причины становятся особенно зримы, если обратиться к данным проведенных осенью 2018 г. опросов «Евробарометра». Так, в Словении 51% респондентов назвали ситуацию в экономике хорошей и 47% — плохой, в Румынии — соответственно 25 и 72%, в Болгарии 18 и 72%, в Хорватии — 16 и 83%. Показательны и суждения о доверии к ЕС. В Словении уровень доверия составляет 37%, недоверия — 56%, в Хорватии — соответственно 48 и 44%, в Румынии — 50 и 41% и в Болгарии — 53 и 30%[1].

Разнятся соответственно и результаты выборов. Они весьма показательны для анализа внутренней расстановки сил, но оказываются обманчивой мнимостью при попытке обобщения исходя из распределения мандатов по фракциям в новом Европарламенте. Дело в том, что партии в этом регионе по своей политической практике существенно отличаются от своих идейных «собратьев» в Западной Европе, хотя те нередко стараются этого не замечать. Примечательно, что поучаствовать в предвыборной кампании в Хорватии для поддержки своих местных как бы «единоверцев» сочли необходимым и федеральный канцлер ФРГ, бывший лидер Христианско-демократического союза Ангела Меркель, и Франс Тиммерманс, представляющий социал-демократию Нидерландов.

При поверхностном взгляде можно констатировать, что фракция Европейской народной партии (ЕНП) в Европарламенте за счет депутатов из региона приросла на 29 человек, социалисты увеличили свою группу на 18, либералы — на 12, консерваторы — на четыре, независимые депутаты — на два депутата. Фаворитами выборов во всех четырех странах стали партии, формально принадлежащие к ЕНП. В Румынии, Болгарии и Хорватии не слишком удачно выступили социалисты (в первом случае правящие, в двух других — находящиеся в оппозиции). В Словении, напротив, они заметно нарастили свой электоральный багаж, хотя ожидаемой сенсацией стала победа оппозиционной Словенской демократической партии (СДС) во главе с одиозным экс-премьером Янезом Яншей, осужденным в свое время за коррупцию. Характерная для Западной Европы тенденция заметного усиления «зеленых» и либералов в регионе практически не ощущается.

Вместе с тем СДС и Хорватское демократическое содружество, которые причисляют себя к христианско-демократической семье, реально стоило бы назвать правонационалистическими организациями. Они во многом сходны с партией

---

* Кандель Павел Ефимович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

[1] Standard Eurobarometer 90. Autumn 2018. First results. European Union, 2018. P. 6, 20. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/84930.

«Фидес» Виктора Орбана (Венгрия) своей приверженностью мифотворчеству и «исторической политике». Обе партии пользовались его прямой поддержкой в избирательной кампании, отчасти прямо копируя его стиль, националистическую и антииммигрантскую риторику. Их правомерно отнести к тем, кого принято, не всегда оправданно, называть евроскептиками и популистами.

В Болгарии и Румынии такие партии менее склонны фрондировать по отношению к Брюсселю. Здесь подобные наклонности обнаруживаются у социалистов. Членство румынской Социал-демократической партии в европейской фракции в апреле даже было приостановлено — из-за принятых законов, освобождающих руководство от преследования по коррупционным делам. Движение за права и свободы (ДПС) в Болгарии — член Либерального интернационала и соответствующей фракции в Европарламенте, но в реальности является партией этнических турок и болгар-мусульман, «вождистской» по своему внутреннему устройству. Входя поочередно в самые разные коалиции и кабинеты, она успешно «обналичивает» свой капитал, используя функцию балансира на политических весах. Такую же роль в соседней стране играет Демократический союз венгров Румынии, который числится в ЕНП. Спикер румынского Сената и экс-премьер Кэлин Попеску-Тэричану возглавляет входящий в правящую коалицию Альянс либералов и демократов, но прежде был лидером Национальной либеральной партии (входит в ЕНП), ныне главной силы оппозиции, которая сегодня обвиняет своего бывшего руководителя в коррупции.

На отношения с Брюсселем больше, чем идейно-политическая родословная, влияет пребывание у власти или в оппозиции. Можно, пожалуй, назвать закономерностью, что к партиям, ставшим правящими, у институтов ЕС появляется масса довольно обоснованных претензий. И в связи с коррупцией, и из-за попыток монополизировать власть, нарушая независимость СМИ и судебной системы, и в результате сомнительных выборов, и по поводу несовершенства миграционной политики, и вследствие нерационального или слишком вольного обращения со средствами европейских фондов. Столкнувшись с давлением Брюсселя, власти оказываются перед искусом евроскептической риторики и мнимой приверженности национальному суверенитету для защиты собственных позиций. Оппозиция, напротив, встает на защиту европейских ценностей, уповая на Брюссель, в расчете, что тот одернет «греховодников» и поможет смене власти.

Более поучительные уроки можно извлечь, если рассматривать данные выборы в контексте внутриполитической борьбы. В Словении СДС Я. Янши завоевала три мандата, повторив свой успех на недавних парламентских выборах (3 июля 2018 г.). Но вернуться к власти она тогда так и не смогла из-за нежелания ни одной из партий левоцентристского большинства вступать с ней в коалицию. Еще один мандат в копилку ЕНП достался правоцентристской «Новой Словении». По два мандата получили социал-демократы, заметно улучшившие свой предыдущий результат, и недавно созданная партия нынешнего премьера Марьяна Шареца (в прошлом комика и мэра провинциального городка), обозначившаяся либеральной. Но все остальные члены правящей левоцентристской коалиции не смогли одолеть порога. А партии прежнего премьера и недавнего кумира общественного мнения Миро Церара пришлось довольствоваться 1,6% голосов, после чего он подал в отставку с поста лидера. Среди словенских избирателей по-прежнему силен запрос на обновление политической сцены, но они склонны столь же быстро разочаровываться в своих предпочтениях.

В Хорватии четыре мандата получило правящее Хорватское демократическое содружество (ЕНП), три — социал-демократы, по одному мандату — радикально-

националистическая коалиция «Хорватские суверенисты», отнесшая себя к консерваторам, и причислившая себя к либералам коалиция центристских и региональных партий. Два мандата досталось независимым. Группа «Мост», еще недавно претендовавшая на то, чтобы быть альтернативой нескончаемому и бесплодному поединку между Хорватским демократическим содружеством и Социал-демократической партией, не смогла провести ни одного депутата. Но примечательно, что примерно треть голосов было отдано за партии, оставшиеся за порогом, что не предвещает стабильности существующей власти, хотя уже начинается кампания по выборам президента.

В Болгарии правоцентристская партия «Граждане за европейское развитие Болгарии», правящая в коалиции с националистами, смогла одержать победу и получить шесть мандатов (ЕНП), хотя непосредственно перед выборами ее сотрясала серия коррупционных скандалов и громких отставок. Социалисты, ожидавшие на этом фоне крупного провала главного конкурента, ограничились пятью мандатами, что вызвало серьезную кадровую перетряску в их рядах. Три места досталось турецкому ДПС, числящемуся среди либералов. Два места получили националисты из Внутренней македонской революционной организации, примыкающей к консерваторам. Еще один мандат (ЕНП) отошел «новым правым» из «Демократической Болгарии». Выборы, которые, согласно опросам, могли стать прелюдией к смене власти, показали, что у правящей коалиции пока достаточно ресурсов для ее сохранения.

В Румынии данные выборы воспринимались как кульминация острого политического противостояния правоцентристского президента Клауса Иоханниса, при поддержке Национальной либеральной партии (ЕНП) и праволиберальной коалиции, с левоцентристским кабинетом социал-демократов (в блоке с Альянсом либералов и демократов), которых обвиняют в коррупции и попытках подчинить правительству судебную систему. Еврокомиссия, Европарламент, послы США и ведущих европейских стран солидаризировались с президентом. По его инициативе с выборами был совмещен референдум с очевидной антиправительственной направленностью. Граждане должны были ответить, согласны ли они с запретом на амнистию и помилования за коррупционные преступления, а также с запретом правительству принимать срочные распоряжения в области юстиции. Все это и вызвало повышенную активность избирателей. Из них более 80% ответили «да» на оба вопроса. Выборы подтвердили победу президентской стороны: Национальная либеральная партия снискала десять мандатов (ЕНП), праволиберальная коалиция — восемь, «Народное единство», созданное экс-президентом Траяном Бэсеску и ратующее за «воссоединение Молдавии с матерью-родиной», — два (ЕНП), находящаяся в оппозиции и числящаяся социалистической партия «За Румынию» экс-премьера Виктора Понта — два. Социал-демократам досталось восемь мандатов, еще два — поддерживающему их в парламенте Демократическому союзу венгров Румынии (ЕНП). Коалиционный партнер — партия К. Попеску-Тэричану — порога не одолела. Поражение социал-демократов вызвало серьезные кадровые перестановки в руководстве партии. Президент и поддерживающие его силы накануне предстоящих в конце года выборов главы государства получили сильные позиции для наращивания наступления на кабинет.

Между тем все основные политические силы региона разделяют характерные для всех стран Новой Европы ценности, и с этой точки зрения внешнеполитический курс не зависит от смены власти. Активное неприятие миграционной политики Брюсселя демонстрируется при явно выраженном стремлении сохранить или приумножить размер дотаций из европейских фондов, хотя страны региона не

слишком преуспели даже в расходовании уже имеющихся в их распоряжении. Все четыре государства вместе со странами Вишеградской четверки 20 июня 2017 г. подписали так называемую Бельведерскую декларацию, направленную против «Европы двух скоростей». А 28 ноября 2018 г. в Братиславе, в рамках неформальной лоббистской «группы друзей политики сплочения» (в которую также вошли Италия, Мальта, Греция и Кипр), они выступили с общей декларацией, пытаясь обеспечить выгодные позиции в битве за новый семилетний бюджет ЕС со странами-донорами.

Общим является желание привилегированных отношений с Соединенными Штатами. Их плодом стали американские базы в Румынии и Болгарии, закупки дорогостоящего американского вооружения, строительство терминала по приему сжиженного газа в Хорватии и активное лоббирование инфраструктурных проектов по его дальнейшей транспортировке в рамках инициативы «Троеморья», рожденной в Атлантическом совете в Вашингтоне, хотя формально озвученной Загребом и Варшавой. Но проамериканская предрасположенность непринужденно сочетается с нескрываемым вожделением китайских инвестиций, которые Брюсселем и Вашингтоном воспринимаются все более настороженно. Повышенная озабоченность укреплением восточного фланга НАТО не мешает активному флирту с Россией Софии, Любляны и даже Загреба. Вопреки неготовности «грандов» Евросоюза к ускоренному расширению на Западные Балканы, местные члены ЕС вместе с остальными государствами Центральной и Восточной Европы и присоединившимися к ним Австрией, Италией и Мальтой активно его лоббируют. Все эти тенденции проявляются независимо от того, кто в данный момент находится у власти.

Общий вывод: хотя по формальным показателям страны региона по итогам выборов вроде бы укрепили европоцентристские силы в Европарламенте, в действительности речь идет о дальнейшем усилении тех, кого точнее было бы назвать не евроскептиками, а «евроиждевенцами». Налицо процесс углубления раскола между Старой и Новой Европой поверх традиционных партийных «семей», который все более становится долговременным системным фактором размежевания внутри ЕС.

*ОЛЕНЧЕНКО В.А.**

Прибалтика: электоральная пассивность и антироссийские сантименты

Опыт деятельности стран Прибалтики в Европейском парламенте (ЕП) невелик. Европарламент нового созыва (2019–2024 гг.) будет четвертым по счету с их участием. Одновременно невелик и стаж партийной деятельности. Большинство партий появилось в 90-х гг. XX столетия и позже. Относительно мал и период существования стран Прибалтики как самостоятельных государств: они обрели независимость в 1991 г. Перечисленные выше обстоятельства препятствуют пониманию прибалтами задач, стоящих как перед Евросоюзом в целом, так и перед Европарламентом в частности.

Важным показателем, отражающим значение выборов в ЕП для перспектив развития ЕС, является явка избирателей. Накануне выборов в европейской политической среде властвовали опасения относительно того, что электорат якобы скептически настроен к выборам в Европарламент и большая часть избирателей может их проигнорировать.

Данные о явке на выборах в ЕП отражают степень заинтересованности электората в деятельности европарламентариев. Повышение ее уровня на выборах 2019 г. до 50,6% по сравнению с 42,5% в 2014 г. расценивается по-разному. С одной стороны, более высокая явка может свидетельствовать о неудовлетворенности граждан ЕС прежним составом ЕП. С другой стороны, она может быть вызвана ростом политической активности в Европе, в частности, вследствие распространения популярности популистских партий — радикальных, ультраправых, ультралевых, евроскептиков. В расширительном понимании увеличение явки (см. табл. 1) — это индикатор возросшей обеспокоенности европейцев состоянием дел в Евросоюзе и в Европе в целом.

Таблица 1. Явка на выборах в ЕП 2014–2019 гг. в Прибалтике, %

Год	Средняя по ЕС	Латвия	Литва	Эстония	Наибольшая по ЕС	Наименьшая по ЕС
2014	42,5	30,2	47,3	36,5	89,6 (Бельгия)	13,1 (Словакия)
2019	50,6	33,5	53,5	37,6	88,5 (Бельгия)	22,7 (Словакия)

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Европейского парламента.

Если в Латвии и Эстонии явка на выборах в ЕП 2019 г. была схожей, то в Литве она существенно отличалась. Отмеченное различие обусловлено тем, что в последней из названных стран выборы в Европарламент совпали со вторым туром президентских выборов, что и обеспечило уровень участия выше среднеевропейского. Такое же совпадение по времени имело место пятью годами ранее. Однако на евровыборах в ЕП 2009 г., которые не были связаны с

* Оленченко Владимир Анатольевич — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

национальными выборами, явка в Литве составила всего 21%. Поэтому есть все основания полагать, что не будь наложения национальной избирательной кампании на общеевропейскую, явка на выборах в ЕП 2019 г. в Литве была бы на среднеприбалтийском низком уровне.

Большинство стран Евросоюза, в которых была зафиксирована явка, уступающая средней по ЕС, — это государства Балканского полуострова, Восточной Европы и Прибалтики. Вероятно, европейские проблемы и искания для них пока не стали родными. Электоральная пассивность может также свидетельствовать о непонимании гражданами этих стран роли и значения Европарламента в управлении Евросоюзом, а также об их скептическом отношении к результатам европейской интеграции. В более широком плане электоральная апатия серьезно подрывает пропагандируемый элитой перечисленных стран тезис о том, что страны Восточной Европы и Прибалтики являются неотъемлемой частью европейской жизни.

Равнодушие прибалтийских избирателей к участию в выборах контрастирует с активной заинтересованностью прибалтийских политиков в продвижении своих кандидатур в Европарламент.

Число прибалтийских партий, принявших участие в выборах в ЕП, в принципе соответствует числу и набору партий, обычно допускаемых в странах Прибалтики к парламентским и муниципальным выборам (см. табл. 2).

Таблица 2. Выдвижение кандидатов на выборы в ЕП 2019 г. в странах Прибалтики

Страна	Число мест, закрепленных за страной в ЕП	Число партий, принявших участие в выборах в ЕП	Из них представлены в прибалтийских парламентах	Общее число кандидатов	Число кандидатов на одно место в ЕП
Латвия	8	16	8	246	30
Литва	11	16	3	301	27
Эстония	6	12	5	66	11

Источник: составлено автором на основе данных официального сайта Европейского парламента и сайтов центральных избирательных комиссий стран Прибалтики.

Обращает на себя внимание значительное число кандидатов на одно место в Европарламенте. Особенно это характерно для Латвии и Литвы. Повышенный запрос латвийских и литовских политиков на приобретение статуса европарламентария, как представляется, коррелирует с уровнем социально-экономического развития и степенью политических свобод в этих странах. Так, прибалтийские политики не скрывают, что в силу невысоких доходов и недостаточного социального обеспечения их привлекают высокие зарплаты и солидные пенсии европарламентариев. В странах Прибалтики, особенно в Латвии и Литве, политики (как русскоговорящие, так и представители коренного населения) испытывают притеснения со стороны местных властей по критериям инакомыслия. В связи с этим политические диссиденты стремятся попасть в Европарламент, чтобы обезопасить себя от преследований и сохранить возможности для участия в политике.

Состоявшиеся 23–25 мая 2019 г. в странах Прибалтики выборы не принесли особых неожиданностей, и их результаты характеризовались следующим образом.

В *Эстонии* наиболее популярным политиком оказалась Марина Кальюранд, олицетворяющая Социал-демократическую партию Эстонии. Помимо нее социал-

демократов в ЕП будет представлять Свен Миксер. Два места в ЕП получила также Партия реформ Эстонии. Ее члены Андрус Ансип и Урмас Паэт будут действовать в качестве ее депутатов в новом составе Европарламента.

Три партии, образующие нынешнюю правительственную коалицию, сумели себе обеспечить на выборах только по одному мандату в ЕП. В его новом составе Центристскую партию Эстонии будет представлять Яна Тоом, а Консервативную народную партию Эстонии (ЕКРЕ) — Март Хельме. Мандат третьей коалиционной партии «Отечество» (Isamaa) носит пока виртуальный характер, поскольку в настоящее время за Эстонией закреплено в ЕП шесть мест, но в случае завершения брекзита у нее появится еще один депутат — представитель «Отечества» Рихо Террас.

В *Латвии*, которой отведено восемь депутатских мест, победила партия «Новое Единство», которую поддержали 26,2% участников голосования. За занявшую второе место социал-демократическую партию «Согласие» проголосовали 17,5% избирателей, за идущее следом объединение «Все для Латвии!» — 16,4%. Также в ЕП прошли движение «За!» (12,4%) и Русский союз Латвии (6,2%).

Латвию в ЕП будут представлять Валдис Домбровскис, Сандра Калниете («Новое единство»), Нил Ушаков, Андрис Америкс («Согласие»), Роберт Зиле, Даце Мелбарде («Все для Латвии!»), Ивар Иябс («Для развития» / «За!») и Татьяна Жданок (Русский союз Латвии).

По оценке местных наблюдателей, латвийский электорат не имеет ясного представления о том, чем будут заниматься выбранные им лица и как это может отразиться на его благосостоянии.

В *Литве* в рамках выборов в Европарламент за 11 мандатов боролись десять партий, пять общественных комитетов и одна коалиция. Всего баллотировался 301 кандидат.

Девять депутатских мест разделили между собой кандидаты от традиционных движений. Консерваторам из партии «Союз Отечества — Христианские демократы Литвы» досталось три мандата, Социал-демократической партии Литвы — два. Правящие страной аграрии из Союза крестьян и «зеленых» Литвы выиграли два портфеля, Партия труда и Союз либералов — по одному.

Новым моментом в литовском присутствии в Европарламенте стало избрание в его состав представителей общественного комитета «Поезд Аушры Мальдейкене» (независимое объединение) и Блока Вальдемара Томашевского — коалиции Союза христианских семей и Русского альянса, получивших по одному мандату.

Интересы литовских партий в ЕП 2019 г. будут представлять следующие политики. Это консерваторы — ученый-историк Людас Мажилис, экс-премьер (2008–2012 гг.) Андрюс Кубилюс, бывший министр обороны (2008–2012 гг.) Раса Юкнявичене; социал-демократы — Вилия Блинкявичюте (третий срок подряд) и экс-глава оборонного ведомства Юозас Олекас; аграрии Бронюс Ропе (второй срок подряд) и легендарный баскетболист, олимпийский чемпион в составе сборной СССР Шарунас Марчюленис; председатель Партии труда Виктор Успасских (второй срок подряд); либерал Пятрас Ауштрявичюс (второй срок подряд); лидер общественного комитета «Поезд Аушры Мальдейкене» экономист Аушра Мальдейкене и лидер «Блок Вальдемара Томашевского» поляк Вальдемар Томашевский (третий срок подряд). Местные наблюдатели называют этот состав «серенькой командой». Отмечается отсутствие в ней радикальных евроскептиков. Подчеркивается, что все депутаты выступают за сохранение Евросоюза в нынешнем виде.

В силу небольшого числа евродепутатов, избираемых от стран Прибалтики, их возможности играть самостоятельную роль в Европарламенте сильно ограничены. Тем не менее, в ходе пятнадцатилетней парламентской деятельности в ЕП у прибалтийских депутатов сложился вполне определенный профиль активности. Несмотря на наличие национальных особенностей у каждой из стран, можно уверенно констатировать, что в их деятельности наиболее ярко проступает одна черта, имеющая для них общий характер и доминирующая над всеми иными, а именно: постоянный антироссийский настрой и конфликтное поведение по отношению к России.

Антироссийская одержимость стран Прибалтики проявляется в основном в двух плоскостях.

Первая из них — собственно двусторонние отношения с Россией. Здесь прибалтийская конфликтность опирается на несколько ложных тезисов. Так, насаждается русофобия во внутренней политике под надуманным предлогом того, что русскоязычная часть населения якобы представляет собой «пятую колону» России в Прибалтике. Во внешней политике тиражируется лозунг «российской угрозы», вокруг которого поддерживается неослабевающая истерика. Выдвигаются требования к России о так называемых компенсациях за время членства стран Прибалтики в Советском Союзе. Подвергаются критике действия России на международной арене и ее внутренняя политика.

Другая плоскость — это отношения Евросоюза с Россией. В этой части страны Прибалтики настойчиво проводят мысль о целесообразности распространения теории и практики их отношений с Россией на всю политику ЕС на российском направлении. Иными словами, прибалтийские государства считают генерируемую ими конфликтность в отношении РФ позитивным опытом, полезным для Евросоюза. Нельзя не отметить определенный парадокс. Страны Прибалтики минимизировали свои хозяйственные связи с Россией и рассчитывают, главным образом, на дотации из Евросоюза, объем которых зависит от доходов ведущих стран ЕС. Доходы же формируются, в том числе, за счет экономических связей с Россией. Получается, что принятие Евросоюзом пожеланий стран Прибалтики должно вести к сужению экономического сотрудничества с Россией и, соответственно, доходов, что означает сокращение базы для дотаций. Однако эта арифметика, видимо, не по силам странам Прибалтики, которые продолжают настаивать на сведении на нет отношений Евросоюза с Россией. Большинство прибалтийских политиков, занявших посты европарламентариев, являются носителями изложенных антироссийских идей и их активными проводниками на практике.

* * *

Подводя итоги, укажем, что население стран Прибалтики пока не воспринимает Европарламент ни как олицетворение Евросоюза, ни как структуру, от которой зависит формирование условий развития национальных государств. По своему отношению к выборам в Европарламент их избиратели пока не стали органичной составляющей общеевропейского электората. По-прежнему сохраняется заметная дистанция между восприятием членства в Евросоюзе населением стран Прибалтики и прибалтийскими элитами. Нет оснований полагать, что прибалтийские европарламентарии в 2019–2024 гг. будут существенно отклоняться от сложившейся у них на данный момент линии поведения.

ОБ АВТОРАХ

Авилова Агнесса Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Алексеенкова Елена Сергеевна, кандидат политических наук, руководитель Центра итальянских исследований Отдела черноморско-средиземноморских исследований Института Европы РАН.

Ананьева Елена Владимировна, кандидат философских наук, руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН.

Андреева Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Барановский Владимир Георгиевич, академик РАН, научный руководитель Центра ситуационного анализа, член дирекции Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Басов Федор Алексеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Ведерников Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

Волков Алексей Михайлович, кандидат экономических наук, заведующий Сектором экономики европейских стран Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Громыко Алексей Анатольевич, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, сопредседатель межинститутского Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века».

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

Кандель Павел Ефимович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Каринцев Олег Игоревич, кандидат политических наук, доцент Базовой кафедры европейских и интеграционных процессов Института мировых цивилизаций.

Квашнин Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Клинова Марина Вилениновна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Лункин Роман Николаевич, доктор политических наук, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

Кудрявцев Андрей Константинович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Кузнецов Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, профессор МГИМО МИД России, врио директора ИНИОН РАН.

Невская Анастасия Алексеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Никулин Кирилл Андреевич, младший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Оленченко Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Осколков Петр Викторович, младший научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН, преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Охошин Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра британских исследований Института Европы РАН.

Плевако Наталия Сергеевна, кандидат исторических наук, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН, ученый секретарь Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века».

Погорельская Светлана Вадимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела философии ИНИОН РАН, старший научный сотрудник Института Европы РАН.

Семененко Ирина Станиславовна, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Стрежнева Марина Вадимовна, доктор политических наук, профессор, руководитель Группы институциональных проблем международных отношений Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Рубинский Юрий Ильич, доктор исторических наук, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН.

Федоров Сергей Матвеевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН.

Четверикова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Швейцер Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, руководитель Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН, сопредседатель межинститутского Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века».

Яжборовская Инесса Сергеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Яковлев Петр Павлович, доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Яковлева Наиля Магитовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН.

Научное издание

Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции

Редакционная коллегия:

Квашнин Юрий Дмитриевич
Кудрявцев Андрей Константинович
Плевако Наталия Сергеевна
Швейцер Владимир Яковлевич

Сборник научных трудов

ISBN 978-5-9535-0559-8

9 785953 505598

Подписано в печать 25.10.2019
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Объем 22,25 п.л., 12,75 а.л. Тираж 200 экз. Заказ № 29/2019

Издатели:

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук»,
117997 Москва, ул. Профсоюзная, д. 23, тел. (499) 120-52-36; факс: (499) 120-65-75
e-mail: imemoran@imemo.ru; https://www.imemo.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук,
125009 Москва, ул. Моховая, д. 11. стр. 3, тел.: (495) 692-10-51, факс: (495) 629-92-96
e-mail: europe@ieras.ru; www.instituteofeurope.ru

Отпечатано на полиграфической базе ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23